РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ четвертый. СЕНТЯБРЬ. 1873 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Мой вѣкъ или исторія Сергѣя Ивановича Маевскаго. 1813—1824 гг. Гл. VIII—XIX. Сообщ. **Н. С. и С. С. Маевскіе** . 253

II. Воспоминанія о русскомъ театрѣ **П. А. Каратыгина**. 1830—1841 гг. 306

III. Русскіе писатели въ XVIII столѣтіи. Ст. **М. Н. Лонгинова**. 334

IV. Графъ Никита Петровичъ Панинъ, русскій дипломатъ. 1797 г. Сообщ. баронъ **М. Н. Сердобинъ**. 338

V. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. 1826 г. 374

VI. Княгиня Ловичъ. Разсказъ **К. П. Колзакова** 398

VII. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1) Проэктъ русско-французской экспедиціи въ Индію. 1800 г. (401). Распоряженія императора Павла о походѣ въ Индію 1801 г. (409). 3) Новгородскіе дворяне и военные поселяне (411). 4) Партизанъ А. Н. Сеславинъ: письмо его къ брату 1850 г. (415). 5) Таинственное число (419). 6) Письма къ И. И. Сосницкому (419).

VIII. Къ вопросу о началѣ Руси. **Д. И. Иловайскаго**. . . 420

IV. Библіографическій листокъ о новыхъ книгахъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ. Записки **А. Т. Болотова**, 1738—1795 гг., **томъ четвертый и послѣдній**. Часть XXVIII—XXIX, письма 282—291: Бытъ русскаго дворянства.—Хозяйство.—Исторія съ Кузьмой и Кузмичами. — Сватанья — Извѣстіе о казни Людовика XVI.—Исторія съ двумя бабами. — Раздѣлъ Польши.—Новый тульскій намѣстникъ.—1792—1794 гг.

Къ этой книгѣ приложенъ портретъ **А. Т. Болотова**, писанъ съ натуры незадолго до его кончины, — гравировалъ академикъ **Л. А. Сѣряковъ**.

„Русскую Старину“ **1872** г. можно получить всѣ 12 книгъ съ приложеніями. Цѣна 8 р. съ пересылкой *(Осталось немного экземпляровъ)*.

Подписка на „Русскую Старину“ изд. **1873** г. продолжается. Цѣна 8 р. съ пересылкой и доставкой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, (Больш. Садовая, д. № 49—2).
1873.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября.

Библіографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ. Соч. М. Кояловича. Спб., 1873, 8°, XII и 400 стр. Ц. 2 р.

Почтенный трудъ нашего уважаемаго ученаго М. О. Кояловича весь посвященъ XVIII вѣку и оканчивается приговоромъ императора Павла надъ уніей. Въ самомъ началѣ этого труда помѣщено совершенно вѣрное и остроумное замѣчаніе, что исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью начинается не только съ того самаго времени, какъ введена въ польскомъ государствѣ унія, но можно даже сказать, что она началась еще до объявленія уніи. И дѣйствительно: не успѣлъ еще папа Климентъ VIII утвердить и обнародовать унію на Брестскомъ соборѣ 1596 года, какъ два епископа, согласившіеся было на нее,—Балабанъ и Копыстенскій,—отказались отъ нея; даже и самъ Рагоза, по свидѣтельству современниковъ, умирая, раскаивался въ ней. Въ прекрасномъ изслѣдованіи М. О. Кояловича особенно ярко обрисована дѣятельность Гервасія, Мельхиседека и Виктора Садковскаго. Все сочувствіе автора отдано первымъ двумъ лицамъ, дѣйствія которыхъ были, дѣйствительно, консервативны и благотворны; къ Виктору же Садковскому почтенный авторъ весьма строгъ и доказываетъ, что заботы Садковскаго о statu quo въ отношеніяхъ между православными и уніатами западной Россіи никогда не имѣли успѣха и потому привели его къ злосчастному исходу. Право на такой жосткій приговоръ дали М. О. Кояловичу тѣ документы, еще не обнародованные, которые онъ во множествѣ нашелъ въ трехъ еще непочатыхъ громадныхъ архивахъ: синодальномъ, уніатскихъ митрополитовъ и греко-уніатской коллегіи (эти оба архива хранятся также при синодѣ). Въ исторіи возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ М. О. Кояловичъ различаетъ два направленія: 1) прямое, непосредственное возсоединеніе уніатовъ съ православною церковью, начавшееся со времени Брестскаго собора, ослабѣвшее къ началу нынѣшняго столѣтія (ему посвящено все изслѣдованіе М. О. Кояловича), и 2) постепенное сближеніе уніатской церкви съ православною, обозначившееся въ половинѣ XVIII вѣка и завершившееся въ западной Россіи возсоединеніемъ уніатовъ въ 1839 году.

По поводу новаго изслѣдованія М. О. Кояловича позволимъ себѣ выразить два наши желанія: 1) чтобы почтенный авторъ, съ такимъ успѣхомъ и любовію изучающій исторію уніатовъ и уже издавшій по этому предмету три тома, достойно закончилъ это изслѣдованіе, доведя его до конца и представя намъ полный очеркъ жизни и дѣятельности почившаго митрополита Іосифа Сѣмашки, и 2) чтобы петербургская археографическая коммиссія обратила свое просвѣщенное вниманіе на то обстоятельство, что болѣе трехъ четвертей изслѣдованія М. О. Кояловича основано еще на неизданныхъ, весьма важныхъ источникахъ, указывающихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на то, какое богатство хранится въ названныхъ выше трехъ архивахъ. Издать тѣ документы, на которые ссылается или въ частяхъ приводитъ М. О. Кояловичъ, положительно необходимо въ интересахъ строгой критики и просто археографіи, и тѣмъ болѣе, что начало подобнаго рода изданіямъ положено первымъ томомъ «Русской Исторической Библіотеки», о чемъ мы уже имѣли случай однажды замѣтить («Р. Ст.» 1872, ноябрь).

Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ. Соч. г. Вейса. Томъ I, часть 1. Москва, 1873, б. 8°, XVIII и 387 стр. Ц. 4 р.

Профессоръ Берлинской академіи художествъ, Германъ Вейсъ, шестнадцать лѣтъ тому назадъ, приступилъ къ выполненію труда, заглавіе котораго выше выписано. Громадный трудъ этотъ нынѣ съ успѣхомъ оконченъ. Онъ распадается на три отдѣла: первый изъ нихъ посвященъ древнему міру, второй — среднимъ вѣкамъ до XIV столѣтія, третій—продолженъ до нашего времени. Все содержаніе внѣшняго быта (Kostümkunde) авторъ подводитъ подъ четыре рубрики: одежду, вооруженіе, постройки и утварь. Сперва авторъ имѣлъ въ виду необходимость такой книги для художниковъ, нуждающихся въ изученіи этого предмета, чтобы они, соблюдая законную свободу, не выходили при этомъ изъ границъ культурно-исторической дѣйствительности; но впослѣдствіи размѣры труда расширились: авторъ задался цѣлью—«вывести развитіе внѣшняго быта изъ мѣстныхъ условій и взаимныхъ отношеній народовъ, и придти этимъ путемъ къ результатамъ, которые имѣли бы значеніе для исторіи культуры». Такимъ образомъ, книга Вейса, оставаясь преимущественно исторіею пластической формы древней жизни, стала какъ бы иллюстрированною исторіею древней культуры. Въ текстѣ перваго отдѣла (или тома) помѣщено около 2,000 отдѣльныхъ изображеній, съ указаніемъ на источники, откуда заимствованы рисунки. Въ русскомъ переводѣ, изданномъ на иждивеніе извѣстнаго московскаго мецената К. Т. Солдатенкова, появилась пока первая часть перваго отдѣла, описывающая внѣшній бытъ восточныхъ народовъ древности: Египтянъ, Эѳіо-

+610

1363-9

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

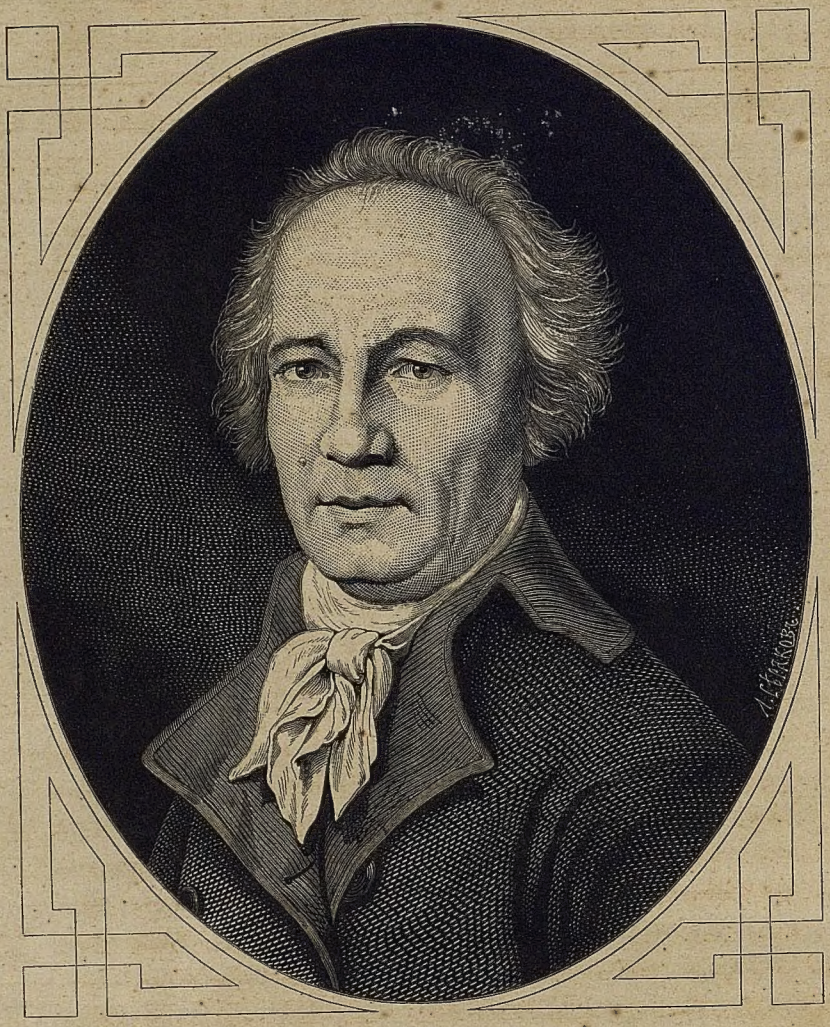
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

200 до 16/VII-68

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

Воск. тип. Т. 2.000.000 З. 3103—68



А. Т. БОЛОТОВЪ.

1737—1833.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 іюля 1873 г.

Типографія В. С. Балашева, Бол. Сад., № 49—2.

МОЙ ВѢКЪ или ИСТОРІЯ ГЕНЕРАЛА МАЕВСКАГО.

1779 — 1848.

VIII [1]).

За границей.

Кн. П. М. Волконской. — При Люценѣ. — «Повозки для раненыхъ и цѣпь для трусовъ». — Тѣнь Кутузова. — Отступленіе къ Бауцену. — Ермоловъ. — Производство меня въ полковники. — Моро, Жомини и Мишо въ сраженіи при Теплицѣ. — Кульмскій бой. — Толь. — Барклай-де-Толли. — Назначеніе меня шефомъ 13-го егерскаго полка.

1813 г.

Въ Вильнѣ я получилъ чинъ военнаго совѣтника и орденъ св. Анны. Мѣсто Коновницына скоро заступилъ князь Волконскій, а я, по его приглашенію, остался при немъ и сохранилъ вполнѣ всю его довѣренность. Какъ мнѣ казалось, фельдмаршалъ этимъ выборомъ крайне былъ недоволенъ, потому что живой свидѣтель царя могъ ему передавать живую картину фельдмаршала; при томъ, съ нами онъ работалъ, когда хотѣлъ, а съ Волконскимъ работалъ хотя и по неволѣ, но безъ отказа. Къ тому, Волконскій необыкновенно дѣятеленъ и утомлялъ старика многочисленнымъ выслушиваніемъ дѣлъ. Это правда, что дѣла наши летѣли на парусахъ. Да и не мудрено: Волконскій въ одинъ день рѣшалъ то, что до него накоплялось мѣсяцами. Все, что касается до начальника штаба, подписывалъ безъ Коновницынскихъ предисловій; что нужно подносилъ фельдмаршалу, а чего сей не рѣ-

---

[1]) См. I—VII главы въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., т. VIII, стр. 125.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

шалъ, въ тотъ же день докладывалъ государю. Фельдмаршалу непріятно показалось быть въ зависимости князя Волконскаго. Онъ иногда отдѣльно призывалъ меня и дѣлалъ порученія; но это были метеоры въ сравненіи съ молніями въ бурную погоду. Бурною погодою называю я фабрику, на которой рѣшали мы въ день по 1,000 бумагъ. Я не понимаю, какъ на это доставало одного Волконскаго, который въ сутки могъ объѣздить: фельдмаршала, царя, всѣхъ королей, прочитать и подписать 1,000 бумагъ [1]). Но Кутузову все хотѣлось замѣнить его Опермановъ. А я думаю, что кромѣ Волконскаго, который, по привычкѣ къ царю, шутя почти работалъ съ нимъ, никому другому не удалось бы двинуть столь быстро застой армейскихъ нашихъ дѣлъ.

До Дрездена дѣла наши шли въ обыкновенномъ быстромъ разливѣ. Но тамъ роскошь, нѣга и земныя удовольствія овладѣли нами. Я здѣсь заболѣлъ; но тоже, что лишило, возвратило и опять силы мои. Пока я былъ болѣнъ, дѣла мои подносилъ князю нѣкто Старынкевичъ. Но довѣренность перваго такъ была ко мнѣ велика, что онъ не подписывалъ ни одного (дѣла), пока я не напишу карандашемъ, что я читалъ и видѣлъ.

Отъ Люцена начинаю я новый періодъ жизни и службы моей. Наканунѣ сего дня, я, по обыкновенію, ѣхалъ къ мѣсту сраженія въ свитѣ царя. Мы проѣхали верхами цѣлую ночь. Отъ слабости здоровья и сырости ночи у меня разболѣлись зубы и сильно опухла щека. Волконскій, увидѣвши меня, ужаснулся. Но я просилъ позволенія быть при немъ въ дѣлѣ. Волконскій долго не вѣрилъ возможности; но уступилъ усиленной моей просьбѣ.

Надобно замѣтить, что это было первое сраженіе, гдѣ по плану моему приготовлены были повозки для раненыхъ и цѣпь — для удержанія трусовъ. Это сдѣлалось впослѣдствіи закономъ и оставило лишнія тысячи въ рядахъ храбрыхъ. Объѣзжая поле сраженія, я замѣтилъ новость въ войнѣ, вызвался самъ осмо-

---

[1]) Мнѣ много способствовало то, что я могъ вдругъ диктовать троимъ набѣло и безъ поправокъ. Это впослѣдствіи дало мнѣ возможность писать все по моей диктовкѣ. Въ поселеніи жена моя исписала такимъ образомъ цѣлые томы и написала всю Турецкую кампанію. С. М.

Рукописный трудъ С. И. Маевскаго: «Исторія турецкой войны» (1808 — 1812 гг.) занимаетъ семь частей, въ листъ. убористаго письма, всего до 1,000 страницъ, съ приложеніями разныхъ документовъ, снимковъ, вѣдомостей и пр. Ред.

трѣть все и устроить все. Князь далъ мнѣ сотню лейбъ-казаковъ и я, осматривая всѣ закоулки, писалъ донесенія князю, а онъ докладывалъ государю. Съ сей минуты я пользовался у него военною довѣренностью и во всѣхъ сраженіяхъ былъ собственнымъ его глазомъ.

Сраженіе сіе сопровождалось большими погрѣшностями. Но армія дѣйствовала тѣнью еще Кутузова, ибо наканунѣ сраженія, адъютантъ Дишканецъ привезъ извѣстіе о смерти свѣтлѣйшаго и она сокрыта была съ величайшею тайною. Такова сила очарованія и общей любви и довѣренности!

Давъ себѣ слово не входить въ отвлеченныя обстоятельства, скажу только то, что видѣлъ собственными глазами и дѣлалъ по собственному побужденію. По случаю смерти Кутузова, государь, кажется, принялъ на себя управленіе театромъ войны. Сильная довѣренность къ генію Толя ручалась за успѣхъ. Но вышло противное: Толь въ тотъ день сильно заболѣлъ и пролежалъ на курганѣ, гдѣ была главная квартира. Князь Волконскій дѣйствовалъ, сколько могъ; но дѣло, ему незнакомое, не шло на ладъ.

Мы пріѣхали къ Люцену тогда, какъ непріятеля вовсе почти не было. Храбрые пруссаки летѣли на бой съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ и очистили всю равнину. Но не было души, управляющей движеніями. Волонтеры бросались на батареи; но, не имѣя штыковъ, отбрасываемы были назадъ. Какой-то пруссакъ съ конным полкомъ стоялъ на 100 шаговъ противъ 4-хъ непріятельскихъ орудій,—и обѣ стороны ни мало не обезпокоивали себя. Волконскій безпрестанно посылалъ меня вводить войска въ бой. Я исполнялъ это съ честью, и съ помощью егерей очистилъ одну изъ 3-хъ укрѣпленныхъ деревень, которая пламенѣла отъ ружейныхъ и картечныхъ выстрѣловъ. Здѣсь ранили подо мной лошадь. Я возвращаюсь назадъ и вижу государя за загруднымъ ретраншаментомъ и на пистолетный выстрѣлъ отъ сражающихся. Государь, увидя меня, спросилъ:

— «Маевскій, что тамъ дѣлается?»

— Хорошо, государь, наши егеря дерутся и уже пронеслись на штыкахъ за самую деревню.

Государь, послалъ меня къ Волконскому сказать о семъ успѣхѣ и велѣлъ вводить въ дѣло прибывающіе корпуса. Вол-

конскій возложилъ это на меня, и я до самой ночи вводилъ корпуса: Сен-Пріеста, Коновницына и др.

Изъ-подъ Люцена отступили мы къ Бауцену. Здѣсь я былъ уже въ лицѣ государя. Государь наканунѣ генеральнаго сраженія, почти уже къ вечеру, приказываетъ Волконскому:

— «Волконскій, пошли надежнаго офицера найти передовыя войска и остановить ихъ тамъ, гдѣ онъ ихъ застанетъ».

Волконскій, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— «Маевскій, поѣзжайте: исполните волю государя».

Въ день генеральнаго сраженія подъ Бауценомъ, государь замѣтилъ впереди одну высоту незанятую, хотя подлѣ нее видны были войска. Государь, обращаясь къ Волконскому, сказалъ:

— «Волконскій, пошли отличнаго офицера и прикажи начальнику войска занять эту высоту».

Волконскій повторилъ мнѣ при царѣ вчерашній приказъ, и я вихремъ полетѣлъ къ высотѣ, самъ занялъ ее и устроилъ батарею противъ непріятеля, который, минуту спустя, упредилъ бы наше намѣреніе. Съ утра еще, когда я ѣхалъ въ сраженіе, встрѣтилъ я графа Аракчеева. Онъ подозвалъ меня къ себѣ, говоря:

— «Маевскій, скажите князю Волконскому, что нашъ правый флангъ въ огнѣ и что тамъ, кажется, не очень-то хорошо».

Я сказалъ это замѣчаніе Волконскому; но онъ принялъ его съ ироническою улыбкою. Правый флангъ нашъ къ вечеру, точно, былъ обойденъ и мы должны были отступить. Я видѣлъ здѣсь весь испугъ пруссаковъ и австрійцевъ, которые съ потерею Бауцена считали уже потерю Берлина и Вѣны. Одинъ только Александръ не потерялъ присутствія духа. У ногъ его, на ужасной высотѣ, ложились ядра необыкновенной величины. Всѣ окружающіе его пришли въ движеніе; но онъ одинъ какъ-будто былъ внѣ всякой опасности. Съ 11-ти часовъ утра до 6-ти вечера безпрестанно скакали къ нему и повторяли одно и тоже, что правый нашъ флангъ отброшенъ и что мы обойдены; но Александръ всѣмъ отвѣчалъ одно:

— «Упрямый въ войнѣ всегда побѣдитъ».

Когда, наконецъ, пріѣхалъ Паленъ, а очевидность говорила намъ, что французы далеко у насъ въ тылу, тогда государь приказалъ арміи отступить, а Ермолову прикрыть отступленіе ея.

Ермоловъ симъ дѣломъ загладилъ ошибки Люцена и вообще управленія по артиллеріи.

Скажу объ Ермоловѣ. Когда его назначили начальникомъ артиллеріи, онъ безпрестанно затруднялъ Волконскаго; а подъ Люценомъ не зналъ, гдѣ его ящики и артиллерія. Это лишило его команды и милостей царя. Хотя я лично уважалъ Ермолова, но не мѣшаетъ мнѣ сказать мимоходомъ о поступкѣ его, имѣющемъ связь съ моею исторіею.

Предъ началомъ войны 1812 г., военный министръ Барклай прожектировалъ устроить 4 осадныя роты. Война до половины кончилась безъ нихъ. На другой (годъ), или когда мы были уже за Вислою, спрашивалъ военнаго министра князь Горчаковъ: приводится-ли планъ Барклая къ исполненію? Какъ общее движеніе дѣлъ, такъ и масштабъ разсужденія объ нихъ предоставлены были непосредственно мнѣ,—кому-жъ, думалъ я, рѣшить сей запросъ, какъ не Оперману и не Ермолову? Бумага послана, отвѣтъ полученъ и представленъ отъ насъ государю. Довѣренность къ талантамъ трактующихъ, а ближе—мое незнаніе не подозрѣвало въ нихъ грубой ошибки въ дѣлѣ государственномъ. Но что же вышло? Оперманъ и Ермоловъ составили смѣту огнестрѣльнымъ запасамъ въ такой пропорціи, каковой бы и нельзя было найти тогда въ Россіи. Графъ Аракчеевъ ужаснулся этой выкладки. Государь прогнѣвался на Волконскаго, а сей, какъ говорится, опрокинулся на меня. Я иду къ Ермолову, говорю ему и онъ, отыгриваясь, говоритъ:

— «Я не былъ введенъ въ тайну войны. Смѣта наша сдѣлана по правиламъ лучшихъ инженеровъ нашего времени. Но что много, этому я уже не виноватъ».

Я передалъ смѣту Рѣзвому и онъ сдѣлалъ другую. Ермоловъ взялъ въ разсчетъ крѣпости всѣхъ ранговъ, начиная съ Вислы, которую мы уже миновали, до Рейна, во всемъ ихъ протяженіи. Но это послужило урокомъ мнѣ, и я наизусть вытвердилъ Вобана и всѣхъ авторовъ съ комплектными вычисленіями осадъ,—и глупость одного раза не повторилась уже въ другой; а надежда на чужой умъ исчезла съ первымъ этимъ опытомъ.

Изъ подъ Бауцена мы пришли въ Штетинъ. Тамъ, между прочими, представленъ былъ и я къ золотой шпагѣ. Государь, разсматривая списки и остановившись на мнѣ, сказалъ:

— «Къ какой статѣ ему золотая шпага (не забудьте, что я былъ тогда военнымъ совѣтникомъ)? Ему дать чинъ: онъ будетъ славный офицеръ!»

Князь Волконскій, придя ко мнѣ въ дежурство, говоритъ:

— «Я представлялъ васъ къ золотой шпагѣ; но государю угодно дать вамъ военный чинъ. Согласны-ли вы принять его?»

Не зная происходившаго, я отвѣчалъ:

— Позвольте ваше сіятельство узнать мнѣ, какой чинъ государь изволитъ мнѣ жаловать (полагая, по тогдашнему, чинъ капитана, а много маіора)?

Волконскій отвѣчалъ:

— «Натурально, полковничій».

— О, когда такъ, то я милость сію считаю величайшею наградою и счастіемъ (и, въ самомъ дѣлѣ, она была образцовая въ Россіи).

На другой день (16-го мая 1813 г.) былъ я полковникъ и въ эполетахъ сего достоинства. Признаюсь въ моей слабости, этотъ чинъ и эти эполеты свели меня совсѣмъ съ ума. Не готовя себя никогда выше вице-губернатора, я тотчасъ обрисовалъ себѣ успѣхъ корпуснаго... И всякій день объѣзжалъ поля, рекогносцировалъ, разбиралъ всѣ ручьи, горы и даже кусты. Въ жару этого сумасбродства, двигалъ по полямъ мысленныя арміи. Разумѣется, что тутъ вездѣ я былъ Наполеонъ, вездѣ побѣдитель!

Среди такого военнаго бреда, я оставался старшимъ адъютантомъ главнаго штаба его императорскаго величества и управлялъ общею военно-походною канцеляріею. Но когда кн. Барклай, послѣ Бауцена, заступилъ мѣсто Кутузова, то и штабъ нашъ, кромѣ меня, перешелъ къ Барклаю.

Перемиріе продолжалось не долго. Прагскій конгрессъ разразилъ военныя бури, и мы пошли къ Дрездену чрезъ Богемію. Неудачное дѣло привело насъ къ Теплицу. Въ этомъ походѣ я видѣлъ, какъ два великіе военные генія, Моро и Жомини, сблизившись съ собою въ первый разъ, раскрыли и даръ свой, и ошибки. Я видѣлъ, какъ Моро потерялъ ноги, какъ несли его гренадеры; какъ Жомини струсилъ и какъ Мишо занялъ высокое ихъ мѣсто.

Въ Теплицѣ я почти всякій день бывалъ въ дѣлахъ противъ непріятеля. Самый походъ нашъ туда и день боя можно отнести

только къ глупости Наполеона [1]) и къ нашему счастію. Представьте высоты горъ, усѣянныя экипажами, войско, идущее подъ облаками въ кучкахъ по сто, по полутораста человѣкъ вмѣстѣ, а въ тылу у нихъ, у воротъ почти Теплица, обширный корпусъ Вандама,—и тогда вы можете заключить, что могло тогда быть съ нами!... Но великъ, великъ Богъ русскій! Велика глупость (!) Наполеона! Прусскій король и цесаревичъ схватили первопопавшіяся имъ горсти солдатъ, сами вводили ихъ въ дѣло, и едва-едва набрали 2 — 3 тысячи человѣкъ: такова была наша опасность! Но когда гвардія пробилась сквозь французовъ и ущелья, тогда мы имѣли твердую передовую ширму. Однако-жъ, только что ширму. Государь отдалъ уже приказъ ретироваться дальше; но Барклай устоялъ дать сраженіе,—и мы пріобрѣли большіе лавры въ Вандамѣ [2]). Въ этомъ дѣлѣ я съ самаго утра былъ въ огнѣ; лично самъ взялъ пушки и посланъ былъ отъ Милорадовича поздравить Барклая съ побѣдою. Подо мной убили лошадь и я довершилъ сраженіе на простой казачей. На этомъ полу-буцефалѣ подъѣхалъ я къ Барклаю, стоявшему подлѣ государя. Барклай, принявъ отъ меня поздравленіе, обратился къ государю, говоря:

— «Ваше величество! имѣю счастіе поздравить васъ съ совершенною побѣдою», указывая на меня и показывая тѣмъ весь разговоръ, который слышалъ государь. Волконскій спросилъ у меня:

— «Маевскій, у тебя вѣрно убита лошадь?»

— Да, убита, отвѣчалъ я.

Волконскій меня обласкалъ, а государь удостоилъ самою очаровательною своею улыбкою!

Послѣ быстрыхъ или взаимно промелькнувшихъ поздравленій, которыя мгновенно воскресили общую радость, государь говоритъ Барклаю:

— «Ваше сіятельство изволите распорядить и преслѣдовать непріятеля».

Но Толь, ни мало не обдумавши вѣсъ словъ, почти прокричалъ:

---

[1]) Разъясненіе глупости Наполеона, вслѣдствіе которой уничтоженъ былъ Вандамъ, см. въ сочиненіи Жомини, т. II, стр. 413. **Ред.**

[2]) О плѣненіи Вандама см. интересный разсказъ очевидца, П. А. Колзакова, записанный К. П. Колзаковымъ и помѣщенный въ «Русской Старинѣ», изд. 1870 г., т. II. **Ред.**

— «Государь, намъ не должно повторять той глупости, которую сдѣлалъ Вандамъ и преслѣдовать его» и т. д...

Государь, окруженный свидѣтелями, составлявшими лицо Европы, пораженъ былъ неумѣстнымъ выраженіемъ Толя. Но, цѣня пользу выше честолюбія, согласился съ Толемъ и тутъ же отдалъ другое приказаніе.

Барклай до сей минуты совсѣмъ почти не зналъ меня, и я мало почти и видѣлъ его вблизи. Но здѣсь ему угодно было, чтобы я велъ его на мѣсто боя. Деревня, которую я оставилъ въ огнѣ, пылала уже со всѣхъ сторонъ самымъ яркимъ пламенемъ; пороховые ящики взрывались на воздухъ и не давали подступить къ деревнѣ. Не зная другой дороги, я бросился влѣво, нашелъ тропинку и повелъ Барклая по незнакомому пути, прямо на пирамидальную высоту, гдѣ была обсерваторія и гдѣ Вандамъ находился во все время сраженія. Радуясь хладнокровію и благородству Барклая,—ибо всякій другой принялъ бы кривизну путей за вѣроломство и дурное намѣреніе,—я, чтобъ выказать чистое усердіе и оградить его отъ несчастія быть извнѣ застрѣлену, взлетѣлъ одинъ на обсерваторію. И представьте себѣ ужасъ мой! Тутъ застаю я до 100 вооруженныхъ французовъ, которые, устрашившись, конечно, не менѣе меня, ѣхавшихъ за мной, къ счастію моему, начали бросать ружья и кричать: «пардонъ!» Барклай все это видѣлъ; но не показалъ и знака неудовольствія. Великая душа его истинно умѣла различать зло отъ добра. Со всякимъ другимъ я могъ дорого заплатить за излишнюю смѣлость — навесть фельдмаршала на опасное мѣсто.

Это было послѣднее торжество мое въ лицѣ государя; ибо, вскорѣ послѣ того я получилъ полкъ и фантазировалъ уже не одинъ, но съ помощію 2,000 славнѣйшихъ егерей.

IX.

Шефство.

Графъ Воронцовъ предлагаетъ полкъ.—Соперничество Аракчеева съ Волконскимъ.—Отъѣздъ въ полкъ.—Товарищи.—Опасная шутка.—Возрожденіе 13-го егерскаго полка.—Гамбургъ.—Въ Нидерландахъ.—Битва при Краонѣ.—Торжество монхъ егерей.—Рядъ битвъ.—Походъ на Парижъ.

1813—1814 г.

Дѣло при Кульмѣ возвысило славу мою, и я заслужилъ всеобщее одобреніе и поздравленія. Генералъ Раевскій, поздравляя

меня съ своей стороны, прибавилъ самую лестную похвалу, говоря:

— «Когда мнѣ сказали, что адъютантъ главнаго штаба отбилъ пушки, я туже минуту сказалъ: это вѣрно Маевскій».

За сіе дѣло я былъ представленъ къ Георгію и иностранному знаку; но то, что возвышаетъ, часто и уничтожаетъ насъ. Еще въ Рейхенбахѣ, т. е. во время перемирія, неожиданно получилъ я письмо графа Воронцова слѣдующаго содержанія: «Ежели вамъ угодно исполнить общую нашу просьбу и принять въ свою команду 13-й егерскій полкъ, то стоитъ только вамъ подать фельдмаршалу прилагаемый при семъ рапортъ». Кто не забылъ еще мечты мои въ первые дни полковничьихъ эполетовъ, тотъ весьма скоро догадается, до какого восхищенія могло меня привести такое предложеніе,—предложеніе, которому не было еще примѣра, котораго я никакъ не ожидалъ и которое, по тогдашнему понятію вещей, ставило меня на верхъ совершеннѣйшаго счастія. Однако-жъ, борьба страсти съ благодарностью уступила всѣ права послѣдней. Я полунѣмой бѣгу къ Волконскому, объявляю ему желаніе графа Воронцова, и когда Волконскій сказалъ:

— «Это пустяки; это отъ тебя не уйдетъ».

Я спросилъ у него:

— Что же я буду отвѣчать графу Воронцову, на столь лестное для меня предложеніе?

— «Напиши ему», подхватилъ кн. Волконскій, «что я прошу его оставить тебя у меня, для меня».

Уже 13-й полкъ получилъ другаго шефа, уже я отчаялся когда-либо двигать мою армію и гремѣть побѣдами, какъ вдругъ въ Теплицѣ нѣкто Омельяненко показываетъ мнѣ новое обо мнѣ представленіе и собственноручную отмѣтку государя императора (20-го сентября 1813 г.) слѣдующаго содержанія: «Маевскаго, какъ отличнаго и извѣстнаго мнѣ штабъ-офицера, назначить шефомъ 13-го егерскаго полка». Вотъ что поставило противъ меня князя Волконскаго и лишило всѣхъ трофеевъ за Кульмъ! Надо замѣтить ходъ страннаго моего назначенія. Графу Воронцову непремѣнно хотѣлось имѣть меня у себя въ корпусѣ и изъ личностей къ князю, съ которымъ онъ былъ не въ ладахъ, и чтобъ болѣе его огорчить, онъ далъ ходъ представленію мимо князя къ Барклаю. Посредствомъ Сабанѣева докладъ сей сдѣланъ не чрезъ князя, а

чрезъ Аракчеева. Аракчеевъ, обрадовавшись, что можетъ оторвать меня отъ князя, который сдѣлался ему соперникомъ и болѣе имѣлъ вѣсу въ дѣлахъ [1]), безпрекословно взялъ сей трудъ на себя, тогда какъ всѣ дѣла шли чрезъ князя, а не чрезъ него. Я въ это время былъ очень болѣнъ отъ ушиба въ бокъ въ Кульмскомъ сраженіи и ничего не зналъ о происходившемъ между сіятельными. Но это-то и ввело меня въ подозрѣніе у князя, и онъ долго былъ непримиримъ. Уже во Франкфуртѣ-на-Майнѣ явился я къ князю Волконскому. Онъ сначала не принялъ меня; а потомъ, выйдя ко мнѣ, сказалъ:

— «Богъ тебѣ судья, ты бросилъ меня».

Сколько я ни увѣрялъ его въ невинности моей, онъ остался неумолимъ. Наконецъ, говорю:

— Ваше сіятельство, я не имѣю ни гроша,—и каково будетъ вамъ, когда полковникъ, имѣвшій счастіе служить подъ вашей командой, отправится почти пѣшкомъ къ новому назначенію.

— «Вы къ шефству проложили себѣ путь безъ меня; слѣдственно и къ деньгамъ можете проложить путь безъ меня».

— Ваше сіятельство, отвѣчалъ я, къ шефству проложилъ я путь заслугами и честію, къ деньгамъ же не знаю другаго пути, кромѣ вашего сіятельства.

Однако же, все это не помогло, и я съ 100 руб. долженъ былъ отправиться изъ Франкфурта въ Гамбургъ, ѣхавъ — то на форшпанѣ, то на почтовыхъ, то кое-какъ. Въ Гановерѣ какая-то добрая гановрянка дала мнѣ въ долгъ 100 рублей, которые я и отослалъ ей тогда же съ нарочнымъ. Надобно примѣтить, что я въ званіи военнаго совѣтника получалъ жалованья 400 рублей серебромъ и 15 рублей въ сутки столовыхъ денегъ. Въ званіи же полковника получалъ жалованья по чину и тѣже столовыя. Но военный образъ жизни имѣетъ много дыръ, въ которыя деньги сыплются. Взятокъ и барышей я во всю жизнь мою не терпѣлъ, да и дѣти мои не позволяютъ себѣ подарковъ даже и отъ родныхъ.—Глаголъ брать такъ соблазнителенъ, что онъ съ первымъ шагомъ обращается въ болѣзненную натуру.

На дорогѣ пристадъ ко мнѣ какой-то венгерскій дезертиръ. Онъ былъ у меня и факторомъ, и переводчикомъ. Не понимая себя, мы

[1]) Отъ того, что князь былъ всегда на лицо, а графъ въ безпрестанныхъ отлучкахъ. С. М.

выразительно изъяснялись пантомимами. Онъ зналъ нѣсколько по-славянски,—а я по-нѣмецки, и онъ удивлялся совершенству моему въ этомъ языкѣ, котораго, однако же, со всѣмъ онъ не понималъ. По проворству этого человѣка, я избавленъ былъ отъ многихъ хлопотъ въ такой землѣ, языка которой я вовсе не зналъ. Онъ всегда приготовитъ слухъ къ важности моего чина, пріищетъ мнѣ славную квартиру, услугу и форшпанъ. Въ одно время усадилъ онъ меня въ коляску какой-то нѣмецкой трактирщицы, дѣлавшей вояжъ за 3 или 4 мили отъ мѣста своего пребыванія, и она везла меня съ собою все это разстояніе, а въ домѣ приняла, какъ стариннаго друга ея дома.

Пріѣхавъ къ полку, я обрадованъ былъ встрѣчею съ двумя моими друзьями, Красовскимъ и Дунаевымъ. Графъ Воронцовъ принялъ меня отлично и мы четверо составили какъ-будто родъ особаго товарищества. Графъ въ обращеніи съ военными-подчиненными имѣлъ весь даръ очарованія. Онъ былъ обожаемъ отъ офицера до солдата. Въ минуту боя онъ требовалъ самоотверженія; внѣ боя—любилъ свободу и простоту; за его столомъ обѣдывало насъ по 100, по 200 человѣкъ; его домъ былъ нашею гостинницею, гдѣ мы жили безвыходно. Частые концерты, праздники и угощенія подслащивали жизнь бивуачную и единообразную. Посреди такого образа жизни, который сроденъ натурѣ военнаго, мы забывали опасности и пріятно наслаждались жизнію.

Во все это время тишина сражала меня; я рвался въ поле посмотрѣть на самаго себя и увѣриться въ существительности моихъ мечтаній. Но на зло мое, дѣла нигдѣ не было, а заводить свое стоило бы мнѣ слишкомъ дорого.

Подъ Глюштатомъ датчане напали врасплохъ на изюмскихъ гусаръ и довольно ихъ помяли. По просьбѣ Палена, графъ отрядилъ меня съ полкомъ, и я въ воображеніи моемъ начерталъ уже планъ сраженія. Но и тутъ какъ-будто самъ дьяволъ вмѣшался въ дѣло мое, и я, кромѣ бутылочныхъ пробокъ, не слыхалъ другаго выстрѣла. Признаюсь, пьянство гусаръ такъ опротивѣло мнѣ, что я готовъ былъ отказаться отъ всякаго ихъ товарищества.

Безъ смѣха не могу вспомнить одного случая, который долженъ быть большимъ урокомъ для всякаго военнаго, ежели только онъ опрометчивостью своею не захочетъ сдѣлать себѣ пятна и

несчастія. Многіе изъ молодыхъ офицеровъ имѣютъ гибельную привычку дѣлать неумѣстныя выходки насчетъ невѣжества поселянина. Одна изъ нихъ чуть-чуть не стоила рѣки крови. Графу Воронцову дали знать, что въ одну изъ близъ-лежащихъ къ намъ деревень ожидаются на ночь французы. Чтобъ упредить опасное это сосѣдство и нанесть имъ неожиданный ударъ, графъ отрядилъ туда цѣлую роту съ крестьяниномъ, принесшимъ это извѣстіе; а чтобъ сохранить здѣсь всю военную осторожность и не даться въ возможный обманъ, графъ послалъ эту роту съ надежнымъ капитаномъ, придавъ ему въ руководители своего адъютанта Ягницкаго. Рота расположилась, выставила ведеты и капитанъ спокойно занялъ свою квартиру. По обыкновенію, солдаты поставили чайникъ и пиръ начался своимъ порядкомъ. Хозяинъ, сперва боязливый, потомъ привѣтливый, а потомъ и услужливый, не видавши никогда ни русскихъ, ни французовъ, осмѣлился сдѣлать запросъ капитану. Этотъ изъ шалости и любопытства, чтобъ лучше узнать прямое расположеніе жителей, назвалъ себя французомъ. Натурально, что они всѣ вмѣстѣ побранили русскихъ и въ веселомъ расположеніи духа составили для себя комическую забаву. Хозяинъ, однако, скрылся, и никому не пришло въ голову подозрѣвать его образа мыслей. Но что же вышло? Хозяинъ полетѣлъ къ графу Воронцову, увеличилъ число постоя и ввелъ его въ ошибку. Графъ полагая, что рота его ошиблась и взяла другое направленіе, посылаетъ туда баталіонъ, приказавъ ему обойти деревню съ непріятельской стороны, ударить и разбить мнимыхъ французовъ. Какъ приказано, такъ и сдѣлано. Но въ сіе время является къ графу адъютантъ Ягницкій. Графъ, послѣ немногихъ объясненій, узнаетъ ошибку, посылаетъ Ягницкаго, возлагаетъ на него упредить послѣдствіе. Это было далеко уже за полночь. Ягницкій летитъ стрѣлою къ атакующему баталіону, застаетъ его на позиціи и готоваго вступить въ дѣло. Съ другой стороны видитъ капитана, приготовившагося къ отпору. Быстрый умъ его рѣшилъ тотчасъ развязку: онъ ѣдетъ къ сторонѣ деревни и затягиваетъ русскую пѣсню: «Растоскуйся, разгорюйся»... Это удивило обѣ боевыя линіи и спасло отъ пролитія собственной крови. Часъ спустя, пѣсня эта обратилась бы въ погребальную!

Я засталъ въ моемъ полку двухъ полковниковъ: одного, ко-

торый старше меня—былъ трусъ и другаго, который былъ моложе — храбръ, какъ шпага, и простъ, какъ индѣецъ. Надобно было съ обоими уладить. Первый ничего болѣе не зналъ, какъ играть въ карты; второй—любилъ войну и гнѣвался на меня за то, что я, по мнѣнію его, лишилъ его полка и славы. Заставъ полкъ ограбленнымъ до гроша, я началъ тѣмъ, что подарилъ солдатамъ изъ собственныхъ моихъ денегъ, которыя сберегались у Красовскаго, 1,000 рублей и приступилъ къ преобразованію ихъ—изъ нищихъ въ солдаты. На музыку далъ другіе 2,000 рублей. Чрезъ мѣсяцъ, полкъ мой не узнавали: изъ замарашекъ, какъ ихъ всѣ и всегда называли, солдаты сдѣлались парадною гвардіею графа Воронцова; это возвысило духъ моихъ товарищей и надѣлало мнѣ пропасть враговъ по зависти. До того времени храбрый полкъ какъ-будто бы гордился именемъ черненькаго; парадными назывались только полухрабрые, а сочетаніемъ того и другаго вмѣстѣ никто еще не дорожилъ. Внутренній огонь моихъ полковниковъ раздувалъ еще больше пламя зависти. Но мой тонъ и прямота умѣли подставить всѣмъ большую пожарную трубу и погасить огонь въ самомъ его воспламененіи. Не было парада, котораго бы не украшалъ мой полкъ,—безъ моего полка не было и парада. Графъ Воронцовъ прилѣпился къ нему всею душою—по храбрости его въ войнѣ и по щегольству, котораго онъ до меня не могъ ввесть въ своемъ корпусѣ. Зависть на крыльяхъ молвы обвиняла меня въ излишествѣ, а старая солдатчина удивлялась и не вѣрила, чтобы тотъ, кто взлетѣлъ на главу сѣдыхъ полковниковъ и не былъ самъ ни солдатомъ, ни ефрейторомъ, могъ быть хорошимъ полковникомъ [1]).

— «Это правда», говорили они, «что Маевскій въ войнѣ, можетъ быть, будетъ и храбръ. Но этого-ли одного требуется отъ полковника? Ему надо знать круглое солдатское дѣло; а можно-ли это знать статскому?».

Другіе же повторяли: «Говорятъ всѣ, что графъ умный человѣкъ. А можно-ли теперь назвать его такимъ, когда онъ избралъ

---

[1])-Въ Лубнахъ, когда Дибичъ смотрѣлъ дивизію и нашелъ мой полкъ отличнымъ, одинъ изъ полковниковъ упрекалъ меня: «Мы всѣ дослужились отъ унтеръ-офицерскаго званія; а вы, какъ принцъ, вдругъ сдѣлались полковникомъ».

С. М.

штатскаго и посадилъ на голову двумъ полковникамъ, которые родились и посѣдѣли между солдатами?»

Это мнѣніе смѣшило графа и утѣшало меня. Я искалъ случая разрубить эту молву и однимъ ударомъ истребить сомнѣніе; но случая не было, а гдѣ и были, тамъ другаго сажали мнѣ въ видѣ политическаго учителя. Я терпѣлъ такое униженіе и не смѣлъ до времени жаловаться.

Два раза подъ Гамбургомъ удалось мнѣ быть въ дѣлѣ; но сжатая моя воля не умѣла еще возвыситься до своего достоинства. Мнѣ было, однако же, пріятно, когда корпусъ офицеровъ 3-го баталіона пришелъ ко мнѣ весь, жалуясь, что я, вступая въ дѣло, беру только 1-й баталіонъ, а ихъ лишаю чести драться въ моемъ присутствіи.

— Гг., отвѣчалъ я, наши дѣла слишкомъ незначительны. Настанетъ время, когда я буду имѣть счастіе видѣть оба баталіона подъ моими приказаніями. Теперь я обидѣлъ бы храбраго г. полковника Изб...., ставъ при немъ командовать въ дѣлѣ его баталіономъ.

А г. полковникъ Изб.... на подобную претензію отвѣчалъ:

— «Г. полковникъ, я слишкомъ уважаю ваши достоинства и за оскорбленіе почелъ бы себѣ и вамъ отнимать лавры ваши. Но какъ вы совершили уже кругъ вашихъ побѣдъ и васъ никто не укоритъ ни въ трусости, ни въ нехотѣніи, то позвольте мнѣ сдѣлать и мою репутацію».

Это всѣхъ успокоило, но у завистливыхъ не истребило жало зависти. Я исподоволь знакомился съ солдатскими обязанностями и, благодаря моему глазу, успѣлъ развязать ихъ ловкость, живость и быстроту. Тяжелый строй уничтожился самъ собою, и каждый изъ моихъ солдатъ былъ вольтижеръ и стрѣлокъ. Ни ровъ, ни плетень, ни скала не останавливали ихъ. И я могу похвастать, что солдата моего всегда можно было отличить отъ солдата всей арміи. Я не зналъ баталіоннаго ученья, да его тогда и никто не зналъ. Но я прагностически постигъ науку боя и маневрировалъ не шереножнымъ ученьемъ, какъ всѣ другіе дѣлали, а линіею противъ линіи, развивая этимъ понятія и честолюбіе солдата и офицера; а о желудкѣ ихъ я всѣ заботы принялъ на себя.

Изъ-подъ Гамбурга пошли мы во Францію, взявъ направ-

леніе на Дюсельдорфъ, стоящій на Эльбѣ въ прелестнѣйшихъ рамахъ натуры. Переправа здѣсь была трудная: ледъ провалился и не одна пушка окунулась въ рѣкѣ. Въ Кёльнѣ простояли мы нѣсколько дней. Въ число рѣдкостей можно поставить тамошнюю каѳедральную церковь, гдѣ гробъ Господень украшенъ крупными драгоцѣнными рубинами и другими богатыми каменьями.

Я не брался описывать видѣнныхъ мною мѣстъ ни въ историческомъ, ни въ топографическомъ положеніи; это не вошло теперь въ планъ моего разсказа, ибо записки мои сожжены, а память уступила времени; но я разскажу картину похода и нѣкоторые смѣшные и серьезные случаи.

Въ Кёльнѣ хозяинъ мой приглашаетъ меня на обѣдъ съ офицерами. Я далъ имъ знать и ихъ собралось до 20-ти чел. Между тѣмъ, и хозяинъ пригласилъ своихъ гостей обоего пола до 20-ти особъ. Хозяину показалось, что офицеровъ очень много и что ихъ можно убавить на $^1/_3$, предложивъ мнѣ обѣдать съ его гостями наверху (въ бель-этажѣ), а офицеровъ оставить внизу. Не относя этаго къ оскорбленію, а къ глупости и скупости хозяина, я отклонилъ это раздѣленіе; и чтобъ вывесть его изъ затрудненія, я повезъ всѣхъ своихъ офицеровъ въ трактиръ, гдѣ готовый хозяинъ не сердился за излишество гостей. Къ вечеру мы были дома; и жадная толпа, видя русскихъ съ огромною ихъ музыкою, постепенно перешла внизъ, такъ что, наконецъ, хозяиномъ сдѣлался я и угощеніе съ изобиліемъ, вмѣстѣ съ танцами, довершило пиръ сей и помирило насъ съ хозяиномъ и его гостями.

Къ солдатамъ я успѣлъ присоединить и славныхъ офицеровъ. Между ими были геркулесы, адонисы и купидоны. Это много даетъ вѣсу въ приватномъ обществѣ, а въ дѣлѣ сливаетъ въ одно и геркулеса, и купидона. Любовь къ славѣ былъ общій ихъ девизъ. До меня 13-й полкъ состоялъ не болѣе, какъ изъ 300 всѣхъ чиновъ. Безпечность командовавшихъ избѣгала излишества людей, подъ предлогомъ неимѣнія чѣмъ одѣть и вооружить. Я думалъ инаково, и у меня вдругъ родились 1,000 и одѣтые, и вооруженные. Графъ обрадовался моему усердію и ничего не щадилъ для его усиленія и улучшенія. Впослѣдствіи графъ помирился съ собой, назначая прежде этотъ полкъ, какъ слабый въ людяхъ, къ обращенію въ кадры, или резервъ.

Перейдя въ Нидерланды, походъ нашъ походилъ больше на

карнавальные праздники, чѣмъ на походъ. Въ Бременѣ, остальномъ ганзейскомъ городѣ, публика давала намъ обѣдъ, а за нимъ подавали столѣтній рейнвейнъ изъ бочекъ, которыя, въ видѣ нектара, хранятся въ погребахъ ратуши на цѣпяхъ. Рейнвейнъ этотъ въ обыкновенномъ ходѣ вещей начинаетъ расходываться не раньше 100 лѣтъ, и то по рецептамъ докторовъ и для поддержанія только силъ. Но мы въ полной силѣ пили, какъ гости, и со всѣмъ уже не по рецептамъ: ихъ не успѣли бы написать вмѣстѣ и сто лекарей. Англичане, бывшіе съ нами, увеличивали расходъ этотъ и скорость его отпуска.

До самаго почти Намюра мы форсированно шли и ѣхали: переходы были отъ 12-ти до 15-ти часовъ. На каждомъ привалѣ готовы были завтракъ и вино для солдатъ отъ жителей, а для офицеровъ—взаимное угощеніе, т. е., сегодня офицеры 13-го егерскаго полка угощали 14-й, а завтра 14-й—тринадцатыхъ. Подходя къ Намюру, гдѣ были французы, мы взяли оборонительное положеніе и становились бивуаками. Предъ Краономъ одинъ католическій священникъ спасъ меня и полкъ. Придя въ селеніе заполночь, я отъ усталости бросился въ постель. Но вдругъ входитъ священникъ и говоритъ, что чрезъ полчаса войдутъ сюда же французы и что мнѣ оставаться тутъ не безопасно. Отнеся это къ фарсамъ—политически выжить меня, я взялъ, однако же, мои мѣры и онѣ-то помогли мнѣ счастливо отдѣлаться отъ сильнѣйшаго непріятеля.

Наконецъ наступилъ день и моего торжества. У Краона стали мы въ позицію (22-го и 23-го февраля 1814 года).—Наполеонъ, переправившись съ цѣлою арміею, гналъ въ виду нашемъ казаковъ. Графу хотѣлось блеснуть отдѣльною атакою. Но какъ графъ Воронцовъ принималъ армію Наполеона за отдѣльный корпусъ, то ему хотѣлось завязать дѣло и спасти Карбонье, гдѣ непріятель могъ отрѣзать насъ отъ соединенія съ арміею. Генералу Красовскому поручено было осмотрѣть мѣсто на Натленъ и средства отраженія. Онъ взялъ меня съ собою. Но едва мы доѣхали до передовыхъ постовъ, какъ гусары стали садиться уже на коней и готовились въ бой. Нѣкто Лашкаревъ, командовавшій гусарами, указывая на сильныя массы непріятеля, строившіяся на обширнѣйшей равнинѣ, рѣшительно говорилъ, что онъ при первой атакѣ непріятеля долженъ будетъ отступить.

Красовскій передалъ все это Воронцову, а сей, держась своего мнѣнія и плана, принялъ сіе извѣстіе за увеличенное,—и жаркій споръ съ обѣихъ сторонъ показывалъ явное неудовольствіе графа. Не смотря на то, пѣхотѣ велѣно было отступить.

Едва мы отошли съ версту, какъ насъ воротили назадъ и мы встрѣтили нашихъ гусаръ, несущихся по тропинкѣ у подошвы горы, какъ говорится, во всю прыть! Мы остановились на горѣ, командовавшей всѣмъ плацдармомъ произшествія. Графъ не доумѣвалъ, а Красовскій усиливался въ доказательствахъ перваго своего донесенія. Графъ, теряя терпѣніе, сказалъ ему нѣсколько колкостей и дѣло было все еще не рѣшено. Но графу хотѣлось пробиться въ Карбонье и связать свою линію съ линіею своей арміи. Красовскій спорилъ, доказывалъ невозможность; но перевѣсъ остался на сторонѣ графа.

Уже ночью графъ призываетъ меня и, какъ-будто въ упрекъ Красовскому, тутъ же бывшему, говоритъ:

— «Любезный Маевскій, я надѣюсь, что вы, не смотря на увеличенныя затрудненія, пройдете съ вашимъ полкомъ до Карбонье. Вотъ вамъ и проводникъ».

Я обрадовался случаю. Но Красовскій сказалъ:

— «Ежели ваше сіятельство не вѣрите словамъ моимъ и считаете, что я говорю отъ трусости, то позвольте мнѣ идти съ полкомъ».

Графъ смягчился. Но между мною и Красовскимъ родился споръ: я ему доказывалъ, что онъ сдѣлалъ уже здѣсь свою репутацію, а я новый еще человѣкъ: отнимать у меня случай идти въ опасность, значитъ обижать меня. Графъ и Красовскій уступили мнѣ эту честь и я туже минуту полетѣлъ къ полку; но вмѣсто Карбонье занялъ Краонъ, который лежитъ у подошвы горы, на коей стоялъ весь корпусъ Воронцова. Надобно примѣтить, что, за нѣсколько предъ симъ дней, въ полкъ мой и Красовскаго дали по 5-ти гренадерскихъ ротъ другихъ полковъ и комплектъ солдатъ составлялъ до 1,200 чел. и 20 офицеровъ. Я вошелъ ночью уже въ селеніе, сбилъ непріятельскіе посты и, установивъ на ихъ мѣстахъ свои, спокойно засыпалъ до 11-ти часовъ другаго дня, жалуясь на судьбу, что она и здѣсь играетъ счастіемъ моимъ. Офицеры раздѣляли печаль мою и всѣ приходили въ отчаяніе, что намъ не достанется подраться безъ опекуна.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Посреди того, какъ мы предавались дѣтской горести и безпечно угощали себя славнымъ виномъ, не забывая и аванпостныхъ своихъ товарищей,—графъ Воронцовъ, по важности занимаемаго нами положенія и по обширности соображенія, предугадывалъ роковой для насъ день, и повсечастно присылалъ адъютантовъ узнавать о томъ, что у насъ дѣлается, чего, если правду сказать, не знали и сами мы. Такъ-то новость, самонадѣянность, или ближе, неопытность губитъ многихъ людей.

До 11-ти часовъ утра французская армія въ большихъ массахъ устроивалась въ виду у насъ, на той же самой равнинѣ, на которой расположилась она и наканунѣ. Мы равнодушно смотрѣли на нее, и признаюсь, къ стыду моему, я не принудилъ себя прежде осмотрѣть вокругъ мѣстность моего положенія; самый уже бой познакомилъ меня съ нимъ. Высоту, на которой стоялъ корпусъ Воронцова, можно скорѣе принять за сухопутный мысъ на протяженіи въ ширину 1/4 версты, а въ длину около трехъ; съ фронта, или гдѣ былъ я съ полкомъ, шла болѣе вертикальная, чѣмъ покатая отлогость, на коей засажены были виноградныя лозы. У подошвы покатости ровъ и довольно густой лѣсъ, раздѣленный небольшою сельскою дорогою на двѣ ровныя половины. За лѣсомъ, на 1/4 версты, площадь и непріятельскіе пикеты. Съ правой стороны дорожка у самой подошвы высоты, а правѣе ее—другая, пересѣкаемая виноградникомъ. Съ лѣвой стороны лощина, ведущая чрезъ лѣсъ и упирающаяся въ высоту.

Съ приближеніемъ непріятеля, я схватилъ казаковъ и драгунъ и пошелъ прямо по дорогѣ чрезъ лѣсъ. Во 100, а много въ 200-хъ шагахъ встрѣтилъ я французскаго генерала, конечно, рекогносцировавшаго. Любимое наше «ура!» сплотило насъ: мы опрокинули непріятеля и я, разсыпавъ по лѣсу стрѣлковъ, открылъ огонь. Половина моихъ взводовъ стояла въ цѣпи; другая была въ резервѣ [1]), такъ что одна линія подкрѣплялась другою. Сраженіе сдѣлалось жаркое и упорное. Подо мною убили трехъ лошадей, убили 2-хъ штабъ—и 14-ть оберъ-офицеровъ; но мы дра-

[1]) Это было слѣдствіе не шереножныхъ, по домашнихъ моихъ маневровъ. У меня дралась уже не толпа, а устроенная масса хорошо образованнаго полка и тѣмъ пріятнѣе, что маневристомъ былъ я, а не опекунъ. Отсюда начинается первая довѣренность къ мыслящему и истребляется предразсудокъ.

лись, какъ львы. Огонь былъ столь жарокъ, а солдаты и офицеры столь мужественны и храбры, что мы, дравшись пять часовъ, одинъ противъ 20-ти, не уступили имъ даромъ и пяти шаговъ. Графъ приказывалъ мнѣ нѣсколько разъ отступить; но посланные не могли доѣзжать до меня, а я не могъ отойти, или не потерявъ полка и имени, или не удержавъ непріятельскаго стремленія. Первая опрометчивость или, что все равно, поспѣшное отступленіе по труднымъ мѣстамъ лишило бы меня и славы, и полка. Къ чести гг. офицеровъ, я упомяну о храбрѣйшихъ: поручикѣ Товбичъ до десяти разъ бросался въ штыки и удержалъ дорогу, составлявшую главный нашъ пунктъ. Онъ тутъ тяжело былъ раненъ. Поручикъ Литвиновъ защищалъ лѣвый флангъ, и когда ему приказано было ретироваться отдѣльно отъ полка, онъ съ благороднымъ самоотверженіемъ объявилъ: «Доколѣ мой полкъ въ опасности, я умру или обезпечу его флангъ»,—и вслѣдъ за тѣмъ былъ убитъ. Адъютантъ мой Авиловъ, 16-тилѣтній юноша, когда подо мною убиты были вслѣдъ одна за другою двѣ лошади и когда я потребовалъ третью, т. е. изъ подъ него, равнодушно, т. е. подъ градомъ пуль, спросилъ:

— «А я какъ-же буду?»

— Кому ближе быть пѣшкомъ—тебѣ, или мнѣ? подхватилъ я.

— «О, конечно, мнѣ», отвѣчалъ Авиловъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ пошелъ въ стрѣлковую цѣпь.

Потеря 14-ти офицеровъ, между которыми многихъ я любилъ, какъ братьевъ, такъ меня поразила, что я плакалъ о нихъ, какъ ребенокъ.

Оставивъ позицію по необходимости, я еще два раза былъ атакованъ фланговымъ движеніемъ непріятеля въ двухъ дефилеяхъ; но штыки и дружное «ура!» спасли меня вновь.

Графъ сердился сперва за медленное мое отступленіе; но, бывъ убѣжденъ въ невозможности, отдалъ полную справедливость храбрости и неустрашимости полка, а особенно гг. офицеровъ, которые въ сей день кровію и жизнію утвердили славу свою, и, если смѣю такъ выразиться, то и любовь, и усердіе къ

Разбей непріятель сто разъ ефрейтора-полковника, это было бы все тоже, что ничего; разбей меня, цивильнаго полковника, отъ этого взбеленилась бы вся армія и покраснѣлъ бы царь и Воронцовъ. Эти чувства и разсчеты одушевляли меня и я, конечно, не перенесъ бы пораженія. **С. М.**

начальнику, одушевлявшему ихъ среди величайшихъ опасностей. Они, посреди разговоровъ, часто повторяли мнѣ:

— «Какъ же намъ не драться хорошо, когда вы видѣли каждый шагъ нашъ и заставляли насъ позабыть и опасность, и смерть».

Изъ солдатъ выбыла 1/3; но я похвалиться могу тѣмъ, чѣмъ, конечно, рѣдкіе похвалются: у меня выбыли только тѣ, коихъ похитила только смерть или тяжелыя раны; съ легкими ни одинъ не оставилъ ни мѣста боя, ни полка. Такъ общій духъ его облагородилъ дѣйствія каждаго и возвысилъ душу до степени героевъ и побѣдителей! Въ вѣкѣ безъ храбрыхъ я, можетъ быть, удостоился бы чести слыть вторымъ Багратіономъ; но въ послѣднемъ и самомъ блистательномъ вѣкѣ обожаемаго Александра I, едва-ли не всякій офицеръ былъ уже Багратіонъ. Сказать-ли вамъ правду, чего жаждала душа моя?... Рѣдкой опасности, отчаяннаго дѣла! А для чего? Чтобы обожаемый мною царь удостоилъ меня при случаѣ ангельской улыбки своей, которую украшала душа его, и чтобы сказалъ самъ себѣ: «Маевскій оправдалъ выборъ мой». Я дожилъ до этого счастія и наслаждался имъ до конца дней сего бога-царя!

День Краонскаго сраженія отрубилъ всѣ вѣтви у предразсудка, но не искоренилъ зависти. Съ этой минуты я положилъ твердое основаніе для военной моей репутаціи. Но сѣдые полковники изъ-подтишка говорили между собою:

— «Хорошо ему здѣсь отличаться; но каково-то будетъ въ мирѣ, для котораго кто не взросъ между солдатъ, тотъ никогда не будетъ солдатъ».

Другіе же говорили:

— «Слыханная-ли вещь—навязываться самому въ дѣло и лишать родителей толикаго числа дѣтей!»

На другой день я отдыхалъ послѣ трудовъ и, признаюсь, оплакивалъ добрыхъ товарищей. Друзья мои и ихъ, т. е. однокорытники 13-го пѣхотнаго полка — Красовскій и Канивальскій—утѣшали меня; а этой чести удостоилъ меня и графъ, получившій въ тотъ же день сильный ушибъ. Но горе мое еще болѣе увеличивалось потерею друга раннихъ дней моихъ — Дунаева, который охраняя дефиле, остававшееся для моего отступленія, получилъ смертельную почти рану и безъ надежды къ жизни отвезенъ въ госпиталь. Вотъ въ другой разъ оплакиваю я его и въ другой разъ нахожу утѣшеніе въ выздоровленіи его.

За полдень уже было, какъ намъ велѣно отступать. Обширная равнина, пересѣкавшаяся у насъ въ тылу оврагами и пропастями, начала застилаться непріятельскими линіями. Къ несчастію, у насъ вовсе не было кавалеріи. Графъ устроилъ пѣхоту карeями (эшалонами),—и гдѣ больше опасность, гдѣ больше огонь, тамъ, конечно, былъ уже и графъ Воронцовъ. Подъѣхавъ ко мнѣ при самомъ приближеніи непріятельской кавалеріи, съ удивительнымъ хладнокровіемъ отдалъ приказанія и выждалъ, пока мы славно приняли непріятеля и опрокинули его назадъ. Послѣ этого сдѣлалось общее отступленіе эшалонами. По особой довѣренности и надеждѣ, бригада наша, подъ командою Красовскаго, прикрывала ретираду корпуса до самаго вечера, пока не подоспѣла къ намъ армія Блюхера. Но дѣло это послѣ вчерашняго было для меня точно такъ, какъ бываетъ борей послѣ урагановъ. Конечно, надобно отдать здѣсь всю справедливость графу Воронцову, который изъ всей своей свиты остался цѣлъ только одинъ. Судьба сохранила его для великаго. Къ довершенію моего счастія, или лучше, къ удивленію, судьба явно стала покровительствовать мнѣ. Когда мы съ трудомъ перебрались черезъ пропасти и оставили за собой графа съ частію кавалеріи и батарей, бомба падаетъ между 13-мъ и 14-мъ полками. Общій голосъ закричалъ: «Разсыпься!» 14-й—это сдѣлалъ, а я пошелъ массою. У меня не убило ни одного и полкъ былъ въ порядкѣ, а у 14-го перебило до 20-ти чел. Я строго держался правила: прогонять страхъ устройствомъ: ибо привычка разсыпаться отъ каждаго выстрѣла разстроиваетъ невозвратно духъ и поселяетъ невольный страхъ. Я это испыталъ и надъ собою, и надъ другими.

Вотъ два дня сплошь, какъ кровавый бой не оставлялъ насъ ни на шагъ. Ночью уже пришли мы къ Этувѐделю и полагали, что насъ замѣнитъ армія Блюхера. Но въ полночь пріѣзжаетъ генералъ Красовскій и съ ужасомъ говоритъ намъ о положеніи нашихъ армій. Представьте вы себѣ картину, когда въ одну точку сосредоточатся сотни тысячъ войскъ, шедшихъ по разноцентреннымъ направленіямъ и спѣшащихъ къ свѣту занять свои мѣста,—тогда пересѣкаемые пути дѣлаются уже непроходимыми. А добавьте къ этому глубокую ночь, мрачное небо и непріятеля, какъ говорится, на плечахъ,—тогда вы дорисуете остальную картину.

Красовскій объявилъ мнѣ, что мы остаемся въ аріергардѣ и что именно намъ приказано: «или умереть на мѣстѣ съ честью, или, во чтобы то ни стало, удержать непріятеля!» Красовскій, я и Апушкинъ сокрыли положеніе наше въ большой тайнѣ; но дали себѣ взаимную клятву — оправдать довѣренность, хотя бы это стоило величайшихъ жертвъ. Мы всѣ трое жили какъ братья, и никогда никто еще не видѣлъ, чтобы въ мирѣ и въ бою былъ кто-либо насъ дружнѣе. Наши офицеры и солдаты были какъ-будто одного семейства и раздѣляли съ нами самыя высокія и рѣшительныя чувства. Мы знали, что пока одинъ изъ насъ троихъ останется дѣйствующимъ, до тѣхъ поръ дѣло будетъ упорное и кровавое. Когда насъ не станетъ, тогда мы смѣло скажемъ: «мы, трое вмѣстѣ и каждый по одиночкѣ, исполнили долгъ чести».

Я, болѣе другихъ утомленный, бросился на свою бурку и благодѣтельный морфей скоро принялъ меня въ свои объятія. Но голодъ, несносно сырая и холодная ночь и близость непріятеля не дали долго наслаждаться мнѣ моимъ покоемъ. Тоскуя о томъ, что нечего съѣсть и выпить — ибо запасы съ вьюками отбились, а для чайника огня разводить не возможно — мы, признательно сказать, провели эту ночь точно въ постѣ и большомъ бдѣніи, ожидая, что съ разсвѣтомъ Наполеонъ непремѣнно насъ атакуетъ.

Чтобы дать понятіе о критическомъ положеніи арміи, а тѣмъ болѣе нашемъ, надобно пробѣжать вмѣстѣ со мною по мѣстному очерку обѣихъ позицій.

У Этуведеля сгибаются высоты на 50 — 60 и 70 саж. возвышенности и опоясываютъ селеніе амфіатрально, или ближе сказать, подковою. Съ этой высоты какъ-будто ниспадаетъ дорога въ селеніе: ибо она усѣченно идетъ съ горъ, а по сторонамъ у нея лежатъ пересѣкаемыя мѣста, т. е. низменныя или луговыя, изрытыя правильными каналами и утвержденныя шлюзами. Красовскій сталъ съ своимъ полкомъ въ селеніи на самой дорогѣ, обезпечивъ выходъ къ ней рвами, окопами и славною батареею Апушкина. Я съ моимъ полкомъ расположился вправо, по протяженію рва, служившаго мнѣ въ родѣ крѣпостнаго вала до оконечности каналовъ. Къ счастію нашему, французы во-время дали намъ проснуться, осмотрѣть позицію, утвердиться и познакомиться и съ мѣстоположеніемъ, и съ важными пунктами. Сдѣлай они съ нами съ вечера то, что сдѣлали ввечеру другаго дня съ

смѣнившими насъ войсками, тогда участь наша, а можетъ и всей арміи, равна бы была послѣднимъ. Но французы или сами опасались этого мѣста, или не знали драгоцѣнныхъ выгодъ времени,— они атаковали насъ почти въ 10-ть часовъ утра. Попытка на дорогу была неудачна: два героя—Красовскій и Апушкинъ, одушевляя другъ друга, носились вездѣ, какъ перуны. Апушкинъ, не смотря на холодное время, на слабость здоровья — отъ чего онъ и лѣтомъ не выходилъ изъ шубы—здѣсь сбросилъ съ себя все до рубахи, и самъ заряжалъ, наводилъ и стрѣлялъ. Прочіе всѣ послѣдовали его примѣру. Огнедышащая эта батарея всего страшнѣе была тѣмъ, что заряды ея были — клятва, а фитилемъ служили ей—честь и слава. Красовскій почти въ началѣ получилъ сильную контузію и прислалъ мнѣ сказать, что когда его убьютъ, чтобъ я принялъ команду: такъ мало надѣялся онъ на средства спасти свою жизнь!

Французы, видя твердость упора, начали ощупывать правый мой флангъ и заняли рощу, имѣвшую сообщеніе съ промежуточною полосою нашей позиціи. Я схватилъ роту егерей съ храбрымъ Товбичемъ и повелъ ихъ къ рощѣ. Не долго держались французы: они уступили мѣсто боя. Но огонь усилился и сраженіе завязывалось сильнѣе и сильнѣе. Посреди того, какъ я подъ градомъ пуль и картечи занималъ рощу, принялъ команду надъ нами генералъ-адъютантъ Чернышевъ. Первая обо мнѣ рекомендація была роща; второй онъ уже не требовалъ. Я обратился къ резервамъ, потребовалъ охотниковъ: солдатъ и офицеровъ было много. Но къ стыду, три баталіонныхъ командира отказались отъ команды. Двоихъ, какъ трусовъ, я оставилъ угрызенію собственнаго стыда ихъ, а третьяго, болѣе смѣлѣйшаго, заставилъ идти съ собою. Онъ, отъ страха, слѣзъ съ лошади и при каждомъ ядрѣ падалъ на землю, а сему послѣдовалъ и одинъ изъ офицеровъ... Виноватъ! Я приказалъ: перваго, кто струситъ, отвести къ Красовскому, и это помогло мнѣ довесть баталіонъ до мѣста боя.

Надобно замѣтить, что это не тѣ уже были офицеры, которые дрались подъ Краономъ; ихъ осталось только 6, и это былъ единственный оплотъ храбрыхъ. Прочіе прикомандированы изъ другихъ полковъ, а кто же пошлетъ лучшаго? Къ тому-же, послѣ моего дѣла при Краонѣ, въ арміи получили мудреное какое-то

понятіе, что идти со мной—значитъ идти прямо на пиръ смерти. Такъ всегда трусы боятся храбрыхъ. И это бываетъ только въ часы боя; а послѣ боя говорятъ: «я былъ съ Маевскимъ въ дѣлѣ». Это на нашемъ языкѣ есть тоже, что торжествовать совершенную побѣду надъ собою и преимуществовать предъ другими. Многіе говорили: «я сегодня былъ въ дѣлѣ съ Маевскимъ, и если бы каждая пролетѣвшая мимо насъ пуля попадала прямо въ насъ, тогда-бъ изъ насъ сдѣлалось бы рѣшето!».

Въ войнѣ иногда и излишняя строгость необходима. Трусость хуже всякой заразы. Зараза пожираетъ свои жертвы исподоволь, а трусъ въ минуту уничтожаетъ тысячи: закричи только извнѣ: «спасайся!» и, конечно, на мѣстѣ не останется ни одного. Это доказала намъ славнѣйшая французская армія при Ватерлоо,— отчего главнѣе она и погибла.

Едва я подкрѣпилъ мой флангъ, какъ новыя массы вновь начали дебушировать слабыя мои укрѣпленія. Мнѣ подослали баталіонъ егерей и два мушкатерскихъ полка. Я былъ все это время въ огнѣ и ничего не зналъ о происходившемъ у меня въ тылу: ибо власть моя ограничена до того была однимъ только моимъ полкомъ, бывшимъ съ утра въ самомъ жаркомъ огнѣ, а начальники резервныхъ моихъ войскъ, не явившись ко мнѣ, ожидали появленія моего у себя уже въ линіяхъ. Но каково было мое удивленіе, когда я издали вижу сзади за собой бугры необычайной величины! Не ожидая, чтобъ непріятель взялъ меня въ тылъ, я тѣмъ не менѣе пораженъ былъ странностью вида и неизвѣстностью. Прискакавъ на мѣсто, вижу скачущаго ко мнѣ подполковника Букойскаго. Онъ прибылъ съ егерями и ожидалъ моего приказанія; а съ нимъ же прибыли два полка мушкатеръ—Пензенскій и Саратовскій. При мушкатерскихъ полкахъ почти никого изъ начальниковъ не было, а люди ихъ лежали на льду подъ ружейными выстрѣлами въ видѣ накладныхъ кочекъ. Я приказалъ Букойскому вывесть ихъ изъ-подъ выстрѣловъ, сомкнуть въ колонну и составить твердый резервъ подъ его командою, пока явятся настоящіе мушкатерскіе начальники, изъ коихъ оба были старѣе меня въ чинахъ.

Ровно три дни, какъ люди мои, вмѣсто хлѣба, разжевывали одни только патроны и съ помощію отдѣляемой ими влаги сохраняли еще остатокъ нѣкоторой питательной силы. Ночь застала

насъ опять въ новомъ и весьма сомнительномъ положеніи. Но къ 11-ти часамъ ночи смѣнили насъ мушкатеры Пензенскаго и Саратовскаго полковъ.

По условію съ Красовскимъ, мы должны были пройти въ туже ночь къ Лаону, верстъ 20, и примкнуть къ тамошнему войску, гдѣ Блюхеръ торжествовалъ уже побѣду. Я разсчелъ, что мой полкъ, уставшій и неѣвшій отъ 3-хъ-дневнаго безпрестаннаго боя, долженъ будетъ въ новомъ лагерѣ искать еще позиціи, приготовлять мѣсто, дрова и воду; а у Этуведеля все это уже было готово. Итакъ, я рѣшился отдохнуть здѣсь и остатками крохъ хлѣба и воды подкрѣпить угасавшія силы людей. Яркое пламя огней дѣйствовало на насъ, подобно лѣтнему лучезарному солнцу послѣ холодныхъ и влажныхъ ночей. Мы забыли о себѣ и о пищѣ и искали услажденія въ одной благотворной теплотѣ и покоѣ.

Но тутъ выстрѣлъ, тамъ другой,—тамъ «ура!»,—а тамъ батальный огонь, потомъ тихо,—потомъ огонь, потомъ опять тихо и опять огонь...: Относя это къ недостатку опыта стоять умно въ цѣпи, мы занимались только собой. Но вдругъ слышу голосъ, зовущій меня: лечу и вижу генералъ-адъютанта Чернышева, котораго сквозь цѣпь обошли французы и стали въ тылу занимать его квартиру! На бивуакахъ подъемъ,— минута—я сталъ въ ружье, ударилъ и отрѣзалъ. Но въ это время въ тылу цѣпи открылся адскій огонь и два полка мушкатеръ сдѣлались жертвою своего невѣжества. Вотъ главная причина: мушкатеры, какъ я уже сказалъ, пришли и заняли мѣста въ большомъ безпорядкѣ; никто изъ ихъ начальниковъ не обезпокоилъ себя осмотрѣть мѣста, связать цѣпь, пикеты, разъѣзды и патрули. При томъ, по обыкновенію, они стали ночью и заняли посты такъ, какъ занимаютъ въ лагеряхъ, т. е. офицеръ смѣнилъ офицера, унтеръ — унтера, а часовой—часоваго: «честь и мѣсто!» Вотъ и вся сдача.

Но французы днемъ еще высмотрѣли мѣста, узнали отъ жителей и навѣрное имѣли проводниковъ. Они стали дѣлать фосъатаки, и пользуясь безконечнымъ огнемъ, разрѣзали цѣпь и посты и очутились главными массами въ тылу нашего аріергарда. Мушкатеры, неимѣвшіе тогда привычки къ раздѣльному бою, побросали оружіе и болѣе 800 попало въ плѣнъ, а прочіе всѣ, безъ команды и строя, спасались какъ кто могъ! На цѣломъ плацдармѣ этого боя остался одинъ я съ своимъ и двумя казачьими полками,

и всю ночь и до 10-ти часовъ утра, если можно такъ выразиться, несъ на плечахъ у себя до 10-ти т. непріятеля до самаго Лаона. У меня было убито и ранено не болѣе 100 человѣкъ. Ночь и мѣстное положеніе всего болѣе благопріятствовали моему отступленію. Итакъ, я, за два часа обманчиваго покоя, заплатилъ трудами 12-ти часовъ и 100 человѣкъ людьми. Красовскій былъ прозорливѣе меня.

У Лаона я засталъ торжество побѣды. Здѣсь Мармонтъ потерялъ все, кромѣ чести. Съ этой стороны ни одного француза укорить невозможно, тогда какъ я видѣлъ тутъ же своихъ двухъ-трехъ шефовъ, которые, распустивъ полки въ цѣпь, оставались караулить денежные казенные ящики. По крайней мѣрѣ, такъ они виды свои прикрывали, считая несовмѣстнымъ — генералу быть съ полкомъ въ цѣпи.

Я не знаю торжества выше героизма; чѣмъ сильнѣе опасность, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на тебя сила воображенія,—оно расширяетъ свои крылья и въ полетѣ своемъ чертитъ самыя яркія картины, унося насъ въ міръ волшебный и очаровательный. Въ это время герой чувствуетъ себя выше простаго смертнаго и въ душѣ покоряетъ все своей волѣ и силѣ. Нельзя отвергать, чтобы чувство это не вознаграждало гордости и славолюбія; но если эти два чувства творятъ героевъ, такъ пусть же онѣ существуютъ во всѣ времена и вѣка.

У Лаона опять поставили меня въ цѣпь. Ночной выстрѣлъ произвелъ тревогу; но скоро все успокоилось. На другой день мы простились съ славнымъ нѣкогда Сенъ-При, который заплатилъ жизнію дань Реймсу.

Въ войнѣ, какъ и въ министерствѣ, на кого болѣе надѣются, того болѣе и употребляютъ. Я счастливъ былъ только однимъ, что война и труды меня не утомляли; а гг. офицеры и солдаты искали опасностей, какъ клада: такъ сила одного и преимущество общее очаровываютъ иногда чувства и сливаютъ желанія въ одну урну.

Отъ этого времени начинается эпоха новыхъ нашихъ военныхъ дѣйствій. Союзные полководцы, по ошибочному разсчету раздѣливши между собою поле войны, спѣшили, каждый по себѣ и безъ связи съ цѣлымъ, занять Парижъ, или просто заслужить вѣнецъ славы. Они пошли туда въ разныхъ направленіяхъ. Блю-

херъ обошелъ Суасонъ и пошелъ далѣе; Сен-Пріестъ занялъ Реймсъ, а Лаонъ былъ въ нашихъ рукахъ. Наполеонъ врѣзался въ средину, выгналъ изъ Реймса Сен-Пріеста, отрѣзалъ Блюхера и пошелъ къ Лаону. Удайся ему здѣсь одна побѣда—и онъ прогналъ бы насъ за Рейнъ. Но судьбы человѣка сильнѣе ума человѣческаго.

Отъ Лаона мы пошли къ Ретелю, заняли его и простояли тамъ два дня. Тамъ нашли мы большой оружейный арсеналъ и фабрику. Графъ позволилъ офицерамъ взять себѣ часть оружія, а я мое раздарилъ офицерамъ. Къ Суасону подошли мы еще вовремя, т. е. когда Блюхеръ былъ впереди его на ½ дни ходу. Наполеонъ гналъ его и въ хвостъ, и въ голову. Мы всѣ эти полтора дни дрались и намъ капитулировали: комендантъ далъ себя обмануть и мы, почти изъ-подъ картечныхъ выстрѣловъ Наполеона, взяли важнѣйшую эту крѣпость на капитуляцію. Отворивъ ворота Блюхеру и затворивъ ихъ для Наполеона, остановили мы бурный потокъ непріятеля и всѣ ожидавшія насъ бѣдствія.

Въ Суасонѣ я имѣлъ два торжества: 1) то, что я уже независимо отъ опекуна командовалъ самъ-по-себѣ 12-ю баталіонами, а 2) то, что побѣда наша надъ сею крѣпостью короновалась церемоніальнымъ шествіемъ 13-го егерскаго полка, какъ храбрѣйшаго и щеголеватѣйшаго изъ всего корпуса.

Изъ-подъ Суасона пошли мы къ Реймсу, который до насъ взятъ былъ легкой партіей Чернышева, но который того же дня уступилъ его опять превосходной силѣ непріятеля. Полкъ мой, по частой кровавой битвѣ, вошелъ въ кордъ-дарме не для того, чтобъ отдохнуть, а для того, чтобъ заглушить ропотъ другихъ, завидовавшихъ мнѣ и Красовскому, что наши полки всегда идутъ въ головѣ корпуса. А кто изъ военныхъ не зналъ того, что головной полкъ противъ хвостоваго имѣетъ всегда 7-мь и 8-мь часовъ въ сутки лишняго отдыха? Къ полудню кричатъ: «13-й и 14-й егерскіе полки впередъ!» Мы обогнали всѣхъ и очутились опять на головѣ. Я по привычкѣ ѣхалъ всегда при полку, а Красовскій ристалъ при главной квартирѣ, но въ дѣлѣ былъ всегда со мной.

Къ семи часамъ вечера Красовскому и мнѣ велѣно штурмовать Реймсъ. Красовскій повелъ атаку отъ юго-западныхъ, а я отъ юго-восточныхъ воротъ. Мнѣ дали пушку и колоновожатаго.

Ночь упредила наше приближеніе. Колоновожатой исчезъ, а пушка, по ошибкѣ 16-ти-лѣтняго артиллерійскаго прапорщика, засорила затравку и не могла стрѣлять. Мы вошли въ дефиле, или чрезъ большую парижскую дорогу, которая съуживалась слѣва каменною крѣпостною стѣною 8-ми и 9-ти саж. высоты, а справа — озеромъ. Прямо противъ меня стояли такой же высоты желѣзныя рѣшетчатыя ворота, а по бокамъ ихъ были двѣ караульни, цѣлою стѣною къ наружной сторонѣ.

Не видя ни зги, мы видѣли воду и прямо предъ собою чернѣющійся путь. Закричали «ура!» и ударились, какъ говорится, лбомъ объ ворота, которыя были забиты и обвиты цѣпями. Общій голосъ закричалъ: «Пушку! пушку!» Она подъѣхала, но стрѣлять никакъ не могла. Устроивъ линіи, я отъ нетерпѣнія бросился къ воротамъ, которыя были въ 10-ти шагахъ отъ насъ, сталъ на плечи моего адъютанта Лисецкаго, который былъ ростомъ чуть-чуть не до трехъ аршинъ, и началъ самъ разламывать цѣпи и ворота. Но сотня выстрѣловъ пролетѣла чрезъ промежутки воротъ прямо въ насъ. Стоявшія за мною линіи отвѣчали огнемъ за огонь и обѣ стороны какъ-будто взяли насъ за свою мѣту. Мы пали на землю, утушили свой огонь и возстановили порядокъ; но воротъ взять не могли. Храбрый Товбичъ (готовый рѣзаться, ежели бы пустили его впередъ) вломился въ окно одной изъ караулень, пробился въ другое во внутрь крѣпости и открылъ намъ путь, хотя трудный и опасный, но, по крайней мѣрѣ, единственный. Красовскій былъ съ Воронцовымъ и не имѣлъ такихъ затрудненій. Мы съ нимъ соединились у моихъ воротъ и заняли Реймсъ. Приди я раньше, я прошелъ бы въ бродъ и не имѣлъ бы такихъ затрудненій [1]).

[1]) Вотъ что писалъ двадцать одинъ годъ спустя, послѣ описанныхъ здѣсь событій, историкъ войны 1812—1814 гг. А. И. Михайловскій-Данилевскій къ С. И. Маевскому:

«Милостивый государь, Сергѣй Ивановичъ! Двадцатилѣтнее дружеское ваше ко мнѣ расположеніе подаетъ мнѣ поводъ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою. Я занимаюсь описаніемъ похода 1814 года во Францію. Все то, что происходило въ главной арміи или богемской, мнѣ извѣстно, потому что я самъ при ней находился; но дѣйствія прочихъ армій я знаю только по описаніямъ, изъ коихъ одни другимъ противорѣчатъ. Вотъ причина, побудившая меня безпокоить васъ и просить васъ покорнѣйше сообщить мнѣ нѣкоторыя подробности о вашихъ дѣйствіяхъ во Франціи съ незабвеннымъ и для меня 13-мъ егерскимъ полкомъ. Блистательное участіе, которое вы принимали

У Реймса я сталъ на аванпостѣ отъ стороны Эперне, знаменитаго своимъ виномъ. Вино, пища, роскошь и излишество въ удовлетвореніи всѣхъ нашихъ желаній вознаградили насъ за двунедѣльный кровавый бой и лишеніе потребностей. Мы походили тогда на мореходцевъ, которые, послѣ грозившей имъ бури и смерти, нашли тихую и пріятную пристань со всѣми житейскими радостями и наслажденіями. Полкъ мой со стороны желудка не терпѣлъ ничего; но со стороны одежды и обуви былъ совершенно голъ. Въ десяти шагахъ отъ меня стоялъ большой госпиталь; больныхъ въ немъ не было, но вещи оставались на лицо. Я, по праву побѣдителя и хозяина, взялъ бѣлье, одѣяла и проч., и тутъ же, на бивуакахъ, одѣлъ полкъ. Графъ погнѣвался на меня за своевольство мое, но въ душѣ былъ радъ, что я, сокрывъ нищенскій, далъ полку видъ щеголеватыхъ солдатъ. Они имѣли рубахи, панталоны и изъ 2-хъ сдѣлали одинъ мундиръ, окунувъ его въ краску нашего цвѣта. Я два года донашивалъ французскіе мундиры и дрался съ ними ихъ же ружьями, подбираемыми на поляхъ сраженія. Человѣкъ, одушевляемый пользою, ищетъ только полезнаго. Офицеръ въ войнѣ похожъ на дилижансъ: онъ знаетъ только одно, когда его запрягутъ и повезутъ. Но куда, зачѣмъ и съ кѣмъ? Это не входитъ въ его разборчивость.

Я здѣсь описалъ бо́льшую часть моей нравственной и политической жизни. Но жизнь эта была больше машинальная, физическая, чѣмъ мыслящая. Отсюда только начинается свѣтъ моей философіи, объявшей меня впослѣдствіи. Званіе, чинъ, вѣсъ и извѣстность въ свѣтѣ, родили во мнѣ честолюбіе; честолюбіе потребовало ума, ученья и познаній. Я сталъ входить въ самаго себя и увидѣлъ, что природа, одаривъ меня своимъ, ничего еще не

во многихъ сраженіяхъ, а особенно подъ Краономъ, если будетъ описано краснорѣчивымъ перомъ вашимъ, составитъ прелестное украшеніе моей исторіи. Не откажите въ моей усердной просьбѣ, я прошу васъ именемъ славы Россіи, именемъ собственной вашей славы. Если недосуги и служебныя занятія не позволятъ вамъ составить подробнаго описанія Краона, Лаона и другихъ безсмертныхъ дѣлъ, къ сожалѣнію, еще мало извѣстныхъ Россіи, а особенно юному поколѣнію, то удѣлите мнѣ хотя отрывки, отдѣльныя, разбросанныя черты. Вы симъ наичувствительнѣйше меня обязать изволите..... Съ искреннимъ уваженіемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть и проч. А. Михайловскій-Данилевскій».

С.-Петербургъ, 26-го марта 1835 г.

заимствовала у искусства. Ровно въ 33 года я узналъ потребность узнавать и образовывать самаго себя. Однѣ великія нужды или одни великіе примѣры пробуждаютъ наше усыпленіе, развиваютъ наши способности и даютъ намъ возможность отдѣлить невѣжество отъ просвѣщенія.

Но пойдемъ далѣе за нитью военныхъ нашихъ произшествій...

X.

Парижъ.

Бой подъ Парижемъ. — Рекогносцировка. — Въ Парижѣ. — Пале-Рояль. — Сирены. — Забавы и удовольствія. — Достопримѣчательности.

1814 г.

Намъ сказали походъ и мы просто и безъ размышленія пошли къ Парижу. Не думая ни о затруденіяхъ, ни объ опасностяхъ, мы уже напередъ рисовали себѣ эту столицу моды и вкуса. Какое-то особенное предубѣжденіе, всасываемое съ млекомъ матери, говорило мнѣ, что въ Парижѣ — все сверхъестественно и что, стыжусь сказать, что тамъ люди ходятъ и живутъ не такъ, какъ мы; словомъ, они существа выше обыкновеннаго.

Предъ тѣмъ, какъ подступать къ Парижу, сказано было намъ, что мы поступаемъ въ составъ арміи Блюхера и что Блюхеръ на маршѣ будетъ насъ смотрѣть. Мы одѣлись какъ на смотръ, или ближе, какъ на балъ. Но вдругъ, вмѣсто Блюхера, пошли въ пылъ сраженія. Красовскій командовалъ всею пѣхотою, а я—авангардомъ, т. е. его и своимъ полкомъ. Опрокинувъ вездѣ непріятеля, я занялъ форштадтъ, и здѣсь, подъ стѣною Парижа, выдержалъ жесточайшій огонь! У меня много перебито и переранено.

Когда сраженіе кончилось—это было 5-ть часовъ пополудни, тогда Красовскій приказалъ занять вправо новую позицію. Государь былъ самъ съ гренадерами въ огнѣ на высотѣ, которая командовала всею окрестностью,—и замѣтивъ необыкновенно щеголеватое войско, дерущееся съ отважностью и блестящее одеждою, полюбопытствовалъ узнать, какого рода были войска сіи? Красовскій согрѣшилъ, указавъ на одинъ свой полкъ, оставшійся на сценѣ сраженія, и умолчавъ о другихъ. Конечно, и Красовскій не гордился бы одною одеждою, ежели бы войска къ блистающей одеждѣ не присовокупляли блистательной храбрости. А храбрость эта оказана была подъ личною моею командою. Это

было дѣло авангарда, или двухъ полковъ моей бригады. Въ глазахъ божественнаго Александра храбрость почиталась первѣйшею добродѣтелью воина. Если же сказать правду, то добродѣтель эта не есть и принадлежность всякаго — это особый даръ неба, потому-то и надобно отдѣлять всегда храбрыхъ отъ такъизвѣстныхъ подъ именемъ: «онъ не трусъ». Впослѣдствіи стали думать, что всякій солдатъ есть уже герой и что простая храбрость не есть уже особая добродѣтель. Эта мысль похожа на ту, когда бы всякаго стихомарателя стали считать писателемъ-геніемъ, ибо и тотъ, и другой пишутъ стихи.

Ввечеру, или послѣ прелиминарныхъ условій, мы расположились на форштадтѣ Парижа. Какъ только мракъ ночи спустилъ свою завѣсу, я съ Красовскимъ поѣхалъ любоваться и посмотрѣть на стѣны Парижа. Главный планъ—любопытство, а второй и рекогносировка, ибо мы были головные бойцы и должны были знать, гдѣ лучше проломить лбомъ стѣну. Намъ предшествовали казаки, кочевавшіе по улицамъ форштадта. Въ одномъ мѣстѣ видимъ мы сотни французовъ, разсматривающихъ мертвую женщину, которая за отвратительное поведеніе заплатила жизнію, и вѣрный признакъ поруганія былъ одинъ изъ многихъ казаковъ. Мы бросились оттуда прочь и подъѣхали къ воротамъ, откуда выходили и выѣзжали смотрѣть русскихъ. Тамъ подошелъ къ намъ одинъ изъ польскихъ офицеровъ, и послѣ отвлеченныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, сказалъ:

— «Господа, мы сегодня братья по оружію; завтра враги по тому же праву».

Но онъ ошибся,— этотъ самый офицеръ первый встрѣтилъ меня въ Варшавѣ и былъ хорошимъ моимъ пріятелемъ. Пруссаки, въ грабежѣ вѣрные послѣдователи учителямъ своимъ—французамъ, успѣли уже ограбить форштадтъ, ворваться въ погреба, отбить бочки и уже не пить, но поколѣно ходить въ винѣ. Мы долго держались человѣколюбиваго правила Александра; но искушеніе сильнѣе страха: наши люди пошли за дровами, а притащили бочки. Мнѣ достался въ удѣлъ коробъ, конечно, въ 1,000 бутылокъ шампанскаго. Я роздалъ ихъ въ полку и, не безъ грѣха, повеселился и самъ на канвѣ жизни, считая, что этотъ узоръ завтра или послѣзавтра завянетъ.

Поутру объявлено намъ шествіе въ Парижъ. Мы были го-

товы; но солдаты наши были больше нежели полупьяны. Долго хлопотали мы прогнать ихъ чадъ и устроить.

Пройдя заставу, меня поставили на бивуакахъ. Около 11-ти часовъ утра, летитъ офицеръ и говоритъ: «нашихъ рѣжутъ». Онъ поспѣшилъ одинъ забраться въ центръ столицы и, конечно, худо былъ принятъ. Цѣлыя сутки простоялъ я у рогатки; къ вечеру взялъ я противоположный домикъ и расположился по-хозяйски, сохраняя и безопасность, и цѣлость имущества хозяина. Долго, очень долго его не было; наконецъ, является хозяйка съ двумя прекрасными дочерьми. Она боязливо разсматривала насъ и долго не вѣрила, что мы русскіе. Такъ-то вездѣ обманываютъ чернь и представляютъ непріятеля въ видѣ циклоповъ и людоѣдовъ. Я вспоминалъ, какъ мы первый разъ пришли въ Венгрію, гдѣ хозяинъ дома попряталъ своихъ дѣтей, полагая, что мы ихъ съѣдимъ живьемъ!

На другой уже день мы были въ Парижѣ, какъ дома. Меня все занимало и все выводило изъ предубѣжденія. Я и Красовскій представляли собой двухъ сросшихся Сіамцовъ, т. е. мы вѣчно были вмѣстѣ, одного желали и одно чувствовали; наша казна была общая, а нужды одного составляли нужды другаго. Мы были вездѣ, осмотрѣли все. Но описывать Парижъ—это было бы тоже, что приняться строить новыя египетскія пирамиды. Къ чести народа, я видѣлъ въ немъ всеобщую вѣжливость; а что всего святѣе, онъ не знаетъ звѣрства, или вѣроломнаго мщенія. Французъ, запятнавшій себя убійствомъ обезоруженнаго, почелся бы извергомъ и пересталъ бы носить имя честнаго. Ихъ стихія—новость, легкость и разсѣяніе; ихъ улицы и площади похожи на волну людей, смѣняющую одна другую. Но чернь—вездѣ чернь. Она слѣдуетъ по движенію перваго впечатлѣнія и готова столько же на глупое, сколько и на великое. Въ первый день входа русскихъ, они хотѣли сорвать бронзовый обелискъ Наполеона, но вскорѣ послѣ того раскаялись и готовы были опять купить его потокомъ крови своей.

Пале-Рояль представляетъ биржу Англіи. Въ 7-мь часовъ вечера спѣшитъ туда маркизъ съ семействомъ и замаранный его истопникъ съ замаранною своей супругою (и въ деревянныхъ башмакахъ); мужчины ходятъ подъ ручку каждый съ своею дамою. Какъ ни тѣсно въ Пале-Роялѣ, но я только въ два раза бытно-

сти моей въ Парижѣ видѣлъ маленькій шумъ, и то на секунду. Маркизъ истопнику, а сей наоборотъ даютъ другъ другу столько мѣста, чтобы только не зацѣпиться плечами. (Мы, напротивъ, какъ турки, любимъ толкать слабѣйшихъ, за что въ Корфу были ежедневныя драки. Извѣстный математикъ нашъ Рахмановъ не могъ сносить равнодушно, что германцы не уступаютъ ему дороги и не снимаютъ предъ нимъ шляпы). Къ чести націи, каждый занимается собою и не знаетъ той презрительной улыбки, которая такъ разительно раздѣляетъ состояніе и наружность вида. А это-то дѣлаетъ всеобщую гармонію и не даетъ повода къ ссорамъ. О характерѣ французовъ всего ближе судить по слѣдующему. Около 11-ти часовъ ночи парижскія сирены вырываются изъ погребовъ своихъ и манятъ охотниковъ до наслажденій. Зная, что русскіе очень падки и щедры, онѣ почти насильно тащатъ въ свои норы молодыхъ нашихъ офицеровъ. Я замѣтилъ это одному пожилому французу. Но вотъ его отвѣтъ: «природа или искусство дали каждому родъ своей мануфактуры. Тутъ нечего удивляться, ежели онѣ промышляютъ тѣмъ, что составляетъ всю ихъ торговлю». Но и тутъ видѣнъ характеръ: женщина, заманившая васъ въ нору, въ домъ, на чердакъ 3—4-го этажа, никогда не рѣшится ни обобрать васъ, ни обворовать, ни ограбить; напротивъ, она дорожитъ репутаціею дома и даетъ вамъ билетъ, гдѣ отыскать ее на предбудущее время. Хозяйка дома и лекарь отвѣчаютъ за ея здоровье, но съ этой стороны не всегда и не на всѣхъ можно полагаться.

Въ Парижѣ на каждомъ шагу 5—6 новыхъ видовъ: здѣсь фокусникъ показываетъ, какъ птички штурмуютъ крѣпость; тамъ—какъ блохи везутъ пушку, заряжаютъ и стрѣляютъ. Но всего смѣшнѣе, какъ среди двухъ является 3-й, крича во все горло: «пожалуйте сюда, я покажу вамъ то, чего вы и въ вѣкъ свой не видали!» Толпа бросится къ нему волною и онъ, обобравъ напередъ съ нихъ деньги, отыграется острою шуткой. Народъ захохочетъ и бросится къ новому чуду, которое всегда уже готово. Такъ Парижъ проводитъ дни, а едва-ли и не ночи.

Когда одна часть города утѣшаетъ себя видами фокусника, другая отправляется въ подземелье, гдѣ открываются для нихъ театры въ лубочномъ вкусѣ. Но нѣкоторые изъ нихъ такъ хороши, что ихъ можно предпочесть многимъ нашимъ ярмарочнымъ. Въ составѣ съ ними даютъ концерты глухо-нѣмые. Но вы

не отличите ихъ отъ зрячихъ: музыка хороша, пріятна, но сбивается на унылые тоны, какъ-будто чувство платитъ дань природѣ и говоритъ, что они несчастны. За входъ ничего не платятъ; весь доходъ содержателя въ доходѣ за напитки. Я бы счелъ общею государственною аксіомою сдѣлать это правило: за публичныя увеселенія (театры и пр.) класть цѣну меньше, чтобъ получить больше. А эта дешевизна распространила бы вообще вкусъ, смягчила бы общіе характеры и образовала бы цѣлую націю.

Всѣ эти забавы и удовольствія составляютъ пріятность для одной черни и средняго класса; люди, болѣе возвышенные вкусомъ, имѣютъ множество отличныхъ театровъ и гранъ-оперу, которой равной, конечно, нѣтъ ужъ въ Европѣ.

Въ Парижѣ духъ веселости и разсѣянія столь общій, что, начиная отъ вельможи до поденщика, каждый имѣетъ часы своихъ прогулокъ, отдохновенія и веселья въ одномъ изъ многихъ публичныхъ мѣстъ. Пойдете-ли вы въ Тюльерійскій садъ, тамъ найдете всякій день и всякій часъ множество гуляющихъ; подалѣе оттуда—увидите танцующія группы, которыя, увеличиваясь приходящими, составляютъ иногда сотни кругомъ. Во всѣ 24 часа Поле-рояль наполненъ народомъ; въ садахъ, въ трактирахъ, лавкахъ и кофейныхъ домикахъ, вездѣ—вездѣ множество публики. Елисейскія поля наполняются по однимъ только праздникамъ. Но это гульбище не имѣетъ ничего, кромѣ одного метафизическаго названія. Маленькія рощицы, простой домикъ и пески,—вотъ все, что называютъ Елисейскимъ полемъ. Не на зло-ли Магомету и мечтательности, поле сіе названо елисейскимъ, дабы показать, что настоящее милліоны разъ пріятнѣе будущаго? Но не надо забывать, что въ Парижѣ каждое публичное мѣсто имѣетъ своихъ партизановъ-приверженцевъ. Они вѣрны слову и долгу. Измѣнить послѣднему, поставилось бы такимъ же преступленіемъ, какъ ставится въ Италіи кавалеръ-сервенту, когда онъ оставляетъ одну даму для другой. Здѣсь-то партіи, столь-же себѣ вѣрныя, сколько и привычныя, читаютъ газеты, ораторствуютъ, декламируютъ, установляютъ новый порядокъ вещей, спорятъ, соглашаются и творятъ новый міръ по своему понятію. Въ Парижѣ публичные дома замѣняютъ универсалы и изощряютъ умы, понятія и языкъ. Сильнѣйшій грудью и красно-

рѣчіемъ дѣлается диктаторомъ общества и, по мѣрѣ завоеванной довѣренности, заваевываетъ общее мнѣніе. У него всегда знамя распущено и влечетъ за собою толпы цѣлаго его общества. (Подъ этимъ разумѣю я столь извѣстныя партіи республиканцевъ, бурбонистовъ, бонапартистовъ и т. д.).

Въ Пале-Роялѣ есть трактиръ подъ колоннами, который содержитъ увядшая красавица, фаворитка Людовика XVI. Туда собирается вся молодежь лучшаго тона. Надобно представить себѣ обширную зеркальную комнату, гдѣ за длинною перегородкою сидитъ при двухъ восковыхъ свѣчахъ полу-царица, полу-богиня Парижа. При ней два служителя, передающіе письменныя ея приказанія: офиціантъ объявляетъ ей требованіе гостя; она беретъ перо, пишетъ требуемое, служитель передаетъ офиціанту, а сей несетъ въ буфетъ и получаетъ ассигнованное. Надобно видѣть прекрасное это существо и бѣлую прекрасную ручку, которая нанизываетъ строки. Она съ каждыми 20-ю лѣтами какъ-будто перерождается, т. е. дѣлается лучше и моложе; но вы никогда ее не увидите прежде 8-ми часовъ вечера. Это—то время, когда фокусъ огня, означая однѣ только прелестныя формы, скрываетъ лѣта, морщины и отвратительность. И добавя ея безмолвіе, тонъ и важность въ ея роли, вы издали невольно подарите сердце воображенію. Это новый Тальма, очаровывающій васъ не красотой, а игрой.

Въ Парижѣ страсть къ новостямъ такъ велика, что нѣтъ гульбища, нѣтъ даже кабака, гдѣ бы не было своихъ афишъ, своихъ проблемъ и своихъ газетъ. Вездѣ углубленье въ чтеніе и вездѣ измѣряютъ міръ!

У входа въ Пале-рояль найдете вы особую услужливость: одинъ бросается чистить ваше платье, другой—сапоги и т. д. Тамъ ненужно запасаться своимъ камердинеромъ; но, войдя туда, найдете вы весь извѣстный міръ. Всего смѣшнѣе видѣть подлѣ солдата національной гвардіи, котораго скорѣе можно принять за Адониса, солдата другой арміи. Я взялъ ихъ въ урокъ и размахалъ, такъ сказать, руки моихъ солдатъ. Когда послѣ, въ Кременчугѣ, введены они были на театръ, то публика удивлялась совершенству ихъ игры.

Въ Луврѣ я видѣлъ чудесную картинную галлерею; но не безъ прискорбнаго чувства смотрѣлъ и на угасшее величіе: за-

навѣшанныя мѣста, гдѣ были прежде рѣдкія сокровища свѣта, доказывали отсутствіе завоевателя и непрочность земнаго счастія. Галлерея скульптурная далеко уступаетъ дрезденской, но Лаоконъ, но Венера и Аполлонъ берутъ верхъ надъ всѣми. Дворецъ Тюльерійскій, въ сравненіи съ нашимъ Зимнимъ, есть простая хижина. Но гордость Наполеона украсила каждый шале его вензелемъ. Впрочемъ, тамъ ничего нѣтъ рѣдкаго, кромѣ древности, «Аустерлицкой ночи», «Плафона» и «Наполеона» въ разныхъ видахъ. Версаль—болѣе величественный и занимательный; фонтаны чрезвычайные. Но Малый и Большой Треанонъ менѣе чѣмъ обыкновенные. Все тутъ что есть любопытнаго—воспоминанія о Людовикѣ XVI и несчастной Маріи-Антуанетѣ, которая платила дань страсти; и каждый закоулокъ, каждая нишь, каждая бесѣдка передаютъ памяти исторію ея жизни. Исторію эту разсказываютъ увѣтшалые придворные служители ея вѣка, и съ такимъ простодушіемъ, какъ бы разсказывали дѣла величайшей добродѣтели. Вотъ что значитъ привычка къ своему. Въ ея вѣкъ они были важные лица въ ролѣ интригъ и имъ кажется, чѣмъ сильнѣе тайна, тѣмъ важнѣе прошедшее, или давно уже улетѣвшее ихъ значеніе.

XI.

Во Франціи и въ Варшавѣ.

Стоянка въ Реймсѣ.—Обученіе капральской службѣ.—Возвращеніе въ Россію.—Тамбуръ-мажоръ.—Варшава.—Щегольство 13-го егерскаго полка.—Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.—Разводы и порады.

Съ 14-го августа 1814 по 1-е января 1815 г.

Изъ Парижа вошелъ я съ полкомъ въ Реймсъ. Мы тогда носили лавровую вѣтвь въ киверѣ и бѣлую перевязь на рукѣ—въ знакъ соединенія съ Франціею. Чтобы имѣть идею о развратѣ столицы, надобно заглянуть въ другіе города: это будутъ копіи съ оригинальной картины. Въ Реймсѣ точно тоже, что и въ Парижѣ. Мы стояли въ казармахъ. Днемъ женскій полъ занятъ работами по домамъ. Въ 8-мь часовъ онѣ отпускаются и главный ихъ пріютъ у стѣны казармы. Въ 9-ть часовъ парются солдаты, въ 10-ть—офицеры, а въ 10-ть—уже штабъ-офицеры. Эти полуночныя птички скрываютъ еще развратъ свой и поведеніе; но когда увидите вы тѣхъ и другихъ въ саду танцующихъ, не да-

дите вы имъ никакого различія. Это маркизши, со всѣми ихъ грассами, только въ деревянныхъ башмакахъ.

Во Франціи нѣтъ обычая цѣловать женщину въ руку, да это и хорошо; а близко знакомые и родные цѣлуются въ губы. Люди же возвышеннаго тона трясутъ другъ друга за руку. Поцѣловать въ руку—значитъ оскорбить женщину.

Во Франціи намъ положенъ былъ столъ, вино и прихоти отъ хозяина. Это были дни истинной роскоши.

Въ Реймсѣ я занялся капральскою службою, ученьемъ шагу, ружью, маршировкѣ и выправкѣ. Я самъ ничего не зналъ: а къ стыду, изъ 25-ти офицеровъ, всѣ они въ этомъ родѣ были безсмысленнѣе еще меня. Наконецъ, по общемъ совѣщаніи, началъ насъ учить капральской службѣ поручикъ Коломитиновъ. Вся служебная его репутація состояла въ томъ, что онъ два раза былъ въ караулѣ у гр. С. Каменскаго и ни разу не былъ арестованъ. Вотъ этотъ-то Коломитиновъ былъ первымъ моимъ учителемъ и экзерсисъ-мейстеромъ. Судя по сему, можно заключить, въ какомъ совершенствѣ было домашнее образованіе нашего солдата и офицера! Но мы, не забудьте, были побѣдители непобѣдимаго.

Изъ Реймса сказанъ намъ походъ въ Россію. Сколько вдругъ роскошей и радостей представилось нашему взору. Каждый давалъ свободу своему воображенію; каждый ожидалъ или суворовскихъ почестей, или обворожительной дульцинеи, которая бы наградила его поцѣлуемъ за верхъ трудовъ его—храбрости и побѣду. Вездѣ встрѣчали и провожали насъ съ почестью, а это еще больше усилило въ насъ гордость и славолюбіе. Пруссаки въ первый нашъ походъ были друзья наши, во второй—принимали насъ, какъ непріятелей.....

Надобно признаться, что я во весь этотъ походъ былъ просто солдатъ. Не обращая ни на что вниманія, я изъ Парижа и изъ всей Германіи вышелъ съ тѣмъ же, съ чѣмъ и вошелъ, необогативши особо себя ни свѣдѣніями, ни наблюденіями, ни памятниками. Въ Мангеймѣ я долженъ былъ разстаться съ другомъ и товарищемъ моего дѣтства и славы—Красовскимъ. Онъ вошелъ въ гренадерскій корпусъ, а я остался въ армейскомъ, ибо изъ корпуса взято только по одному полку за храбрость. Тутъ обуяли меня страхи капральской службы и я чуть-чуть не оста-

вилъ фронта, такъ сильно подѣйствовало на меня предубѣжденіе сѣдыхъ ефрейторо-полковниковъ!

Предъ входомъ въ Варшаву, какой-то трепетъ пробѣжалъ въ мою душу. Бывъ всегда и всѣмъ самъ для себя, или другими словами, пріобрѣвъ все самъ собою безъ дядекъ, безъ друзей, безъ покровителей, я входилъ въ команду незнакомыхъ мнѣ людей—Барклая и Сакена. Не зная ихъ и фронтовыхъ отношеній, я полагалъ, что каждый видитъ одни только мои недостатки. Но надежда на усердіе (тогда мое еще цѣнилось) и на милость монарха успокоивало меня такъ, какъ больнаго успокоиваютъ за часъ до его смерти. Въ Брацлавѣ еще принялъ я нѣсколько русскихъ мундировъ. Но они такъ были дурны, что я не рѣшился ихъ и брать изъ коммиссаріата. Къ счастію, коммиссіонеръ меня струсилъ и далъ сукно; но шить походомъ было невозможно. На послѣдней дневкѣ я осмотрѣлъ полкъ и съ ужасомъ увидѣлъ, что каждый мундиръ моего солдата былъ сшитъ изъ 5—6-ти французскихъ. Это было разноцвѣтное маскарадное платье. Я, какъ говорятъ, ухитрился: накупилъ красокъ, набралъ котловъ и окунули ихъ въ черную краску. Къ свѣту мы были уже во всемъ новомъ, принимая тутъ буквально одну только краску; музыкантамъ сшилъ я басоны изъ моихъ наволокъ и простынь. Офицеры много мнѣ помогали, а солдаты оказали пламенную готовность. Но вотъ наступаетъ новая бѣда. Въ Реймсѣ я первый изъ русскихъ завелъ у себя въ полку тамбуръ-мажора. Дивизіонный командиръ Корниловъ, слѣдуя слѣпо привычкамъ, не хотѣлъ, чтобы онъ, какъ существо новое, шелъ предъ главою полка. Я спорилъ и побѣдилъ [1]).

Входъ въ Варшаву, или лучше, черная краска, наволоки, простыни и самый тамбуръ-мажоръ мой составили мою славу. Надобно признаться, что маскированный видъ полка, въ противоположности съ другими, мало думавшими о наружности и много мыслившими о достоинствахъ, столь былъ разителенъ, что фельдмаршалъ, увидя моихъ егерей, не могъ быть равнодушенъ къ прочимъ. Правду говорятъ, что красавица поражаетъ насъ съ перваго взгляда, а умная женщина—со втораго. Мой полкъ далъ мнѣ авантажъ первый. Я, какъ говорится, съ оника по-

[1]) Послѣ меня тамбуръ-мажоры приняты во всей арміи. Я могу похвалиться и тутъ—родоначальникъ русскихъ тамбуръ-мажоровъ. С. М.

палъ въ фавору и къ Сакену, и къ Барклаю. Прелестный и непринужденный видъ моего солдата, ловкость комнатной его походки и свобода чувствъ, не стѣсняемая ни жестокостью, ни наказаніями, такъ плѣнила фельдмаршала, что онъ не зналъ, чему болѣе удивляться—солдатамъ-ли-ученикамъ, или ихъ учителямъ?

Разводы мои довершили его очарованіе и онъ жилъ чувствомъ полной душевной къ намъ привязанности. Въ одинъ вечеръ, когда у него стоялъ мой караулъ и играла славная моя музыка, которую оживлялъ капельмейстеръ-итальянецъ, фельдмаршалъ былъ въ совершенномъ восторгѣ. Разсматривая кругловидъ фронта и слыша совершеннѣйшую музыку, онъ не могъ скрыть своего восхищенія, что, по холодному его характеру, не всегда можно было видѣть. Когда вырвалась у него первая еще сердечная похвала Маевскому, то зависть уже ее сторожила. Начальникъ штаба Сабанеевъ, бывши другомъ моего предмѣстника и желая оживить его память, замѣтилъ фельдмаршалу:

— «Ваше сіятельство, эту честь надобно отнести къ К. В. Вы изволите знать, что штатскій не могъ бы дать полку такого совершенства».

— «Напрасно, генералъ, вы такъ думаете», отвѣчалъ Барклай: «ежели бы Маевскій только бы и удержалъ полкъ въ прежнемъ видѣ, то уже и за сіе заслуживаетъ благодарность. Но здѣсь я вижу все его и не могу не отнесть къ непосредственному его достоинству: это первый полкъ въ моей арміи».

Зависть на время замолкла; я блисталъ полкомъ и злоба зародилась въ сотнѣ сокамратовъ. Меня обвиняли то за излишнія издержки, то за излишнее щегольство, то за тамбуръ-мажора; но всѣ приняли мой видъ и мои затѣи. Опять напасть: что они и разорились, и не достигли равной со мной славы. Я могу похвастать, что я первый родилъ въ арміи щегольство и доказалъ, что, не кладя въ карманъ излишняго, достаточно полковнику и для себя, и для полка.

Съ этой минуты я у Сакена и Барклая былъ уже домашнимъ человѣкомъ. Всякій разъ, когда я давалъ разводъ, Барклай самъ выѣзжалъ къ моему фронту и всегда говорилъ:

— «Когда я вижу полкъ вашъ, этотъ день я считаю моимъ праздникомъ».

Въ одинъ день Безродный докладываетъ важныя бумаги

Барклаю. Онъ слушаетъ и вдругъ встаетъ со стула и идетъ къ окну смотрѣть, какъ проходитъ мой полкъ. Безроднаго это удивило. Фельдмаршалъ догадался.

— «Вы, конечно, удивляетесь», сказалъ фельдмаршалъ, «что я оставилъ васъ посреди разсужденій. Но это одно выше меня: я не могу пропустить равнодушно, когда идетъ 13-й полкъ».

— «Не пристрастіе-ли это, ваше сіятельство», подхватилъ Безродный, «къ егерямъ?»

— «Это правда, что я люблю егерей», отвѣчалъ фельдмаршалъ, «но полкъ 13-й превосходитъ все, что я видѣлъ до него».

Въ такомъ расположеніи я былъ около мѣсяца. Но вдругъ говорятъ: «ѣдетъ государь, ѣдетъ великій князь!» Неувѣренность въ себѣ произвела во мнѣ опять трепетную лихорадку. Я принялся за ученье, постигъ нѣсколько построенія и отдался на волю Бога. Но великій князь проѣзжалъ только мимо. Барклай его встрѣтилъ и при похвалѣ князя войскамъ, Барклай сказалъ:

— «Ежели вашему высочеству угодно знать совершенство полковъ, то я вамъ ручаюсь въ этомъ случаѣ за 13-й егерскій полкъ; онъ у меня первый въ арміи».

Великій князь, не терпя имени штатскаго, сказалъ на мой счетъ нѣсколько экивоковъ и отнесъ это къ пристрастію, полагая невозможнымъ, чтобъ штатскій могъ когда-либо быть военнымъ, т. е. фронтовымъ.

Зная, что фельдмаршалъ будетъ у моего развода, я сдѣлалъ репетицію, и проклятые контръ-марши, которыхъ я не понималъ, задержали меня нѣсколько больше обыкновеннаго. На другой день, я уже готовъ былъ вести разводъ на парадное мѣсто, но Сакенъ велѣлъ ожидать приказанія. Я повиновался и разводъ, по разсчету фельдмаршала, опоздалъ. Фельдмаршалъ прогнѣвался, а Сабанѣевъ воспользовался случаемъ, сказавъ, что я учу мой полкъ день и ночь. Фельдмаршалъ оскорбился этимъ поступкомъ и велѣлъ отдать приказъ по арміи съ выговоромъ мнѣ. Я былъ всѣми любимъ, и слухъ объ этомъ въ тотъ же часъ дошелъ до меня. Я лечу къ Сакену, а онъ хладнокровно отвѣчаетъ мнѣ:

— «Скажите фельдмаршалу, что я такъ приказалъ».

Я увидалъ безнадежность оправданія и уже готовился выслушать роковой приговоръ; но фельдмаршалъ, щадя чувство мое, оставилъ приказъ безъ дѣйствія. Вскорѣ послѣ того пріѣзжаетъ

великій князь. Ему разводъ мой не понравился. Это и немудрено: его высочество не имѣетъ привычки хвалить на первый разъ.

По взаимному нерасположенію великаго князя къ Барклаю и наоборотъ, мы не смѣшивались съ гвардіею, которою особо занимался великій князь, и насъ гналъ отъ себя прочь, называя армейщиною и не показывая своихъ ученьевъ. Но вдругъ генералы главной квартиры даютъ фельдмаршалу балъ. Наканунѣ этого дня сказанъ намъ парадъ и велѣно было явиться къ его высочеству для полученія приказанія. Мы явились; отъ насъ потребовали рапортовъ о состояніи полковъ, но у насъ ихъ не было. Дунаевъ и я содержали гарнизонъ Варшавы. Великій князь, не терпя безпорядка и не зная еще, что мы не знаемъ порядка, потребовалъ, чтобъ мы имѣли въ строю по три баталіона въ 30-ть рядовъ. Дѣло было невозможное: у насъ считалось на лицо много калѣкъ. Но великій князь въ резонъ этого не принималъ, говоря мнѣ:

— «Я буду просить фельдмаршала, чтобы онъ позволилъ мнѣ сдѣлать вамъ инспекторскій смотръ. Я знаю, что у васъ люди не выучены и что одинъ и тотъ же стоитъ всякій день на часахъ».

— Я: Я за счастіе почелъ бы, ежели бы ваше императорское высочество удостоили осмотрѣть мой полкъ по внутреннему его состоянію; тогда бы вы изволили сами оправдать насъ и заключить о нашихъ трудахъ и попеченіи. Я всѣмъ отвѣчаю вамъ, ежели вы найдете хотя одного годнаго не выученнымъ.

Великій князь: «Ну, хорошо, поставьте всѣхъ калѣкъ ко мнѣ въ караулъ, а прочихъ выведите во фронтъ».

Это было исполнено. Витебскій полкъ прошелъ въ головѣ и очень дурно. Сакенъ подъѣзжаетъ ко мнѣ, говоря:

— «Пожалуйста, пройдите лучше,—витебцы такъ ходятъ, что стыдно смотрѣть».

Мнѣ какъ-то это удалось и я вышелъ съ торжествомъ. На балу великій князь взялъ меня подъ руку, и ходя со мною, хвалилъ мой полкъ.

— Ваше высочество, сказалъ я. Я этимъ счастіемъ обязанъ моимъ товарищамъ: вы изволите знать, что я совсѣмъ еще не военный.

— «Врешь, врешь», подхватилъ великій князь, «собаку съѣлъ!»

Это любимая его была поговорка. Съ этой минуты я у князя вошелъ въ большую милость. Онъ не гонялъ уже меня отъ своихъ ученьевъ; но, напротивъ, училъ меня всему самъ, и далъ мнѣ изъ гвардіи унтеръ-офицеровъ и мастеровыхъ. Ежели я получилъ впослѣдствіи навыкъ и вкусъ, то этимъ обязанъ его высочеству. Онъ взялъ у меня въ гвардію 8-мь офицеровъ, а взамѣнъ далъ 12-ть изъ кадетскаго корпуса.

Зависть еще больше зашипѣла, и если бы это было въ отдаленномъ вѣкѣ, то меня сочли бы колдуномъ и сожгли бы публично. Но и тутъ калѣки не прошли даромъ: фельдмаршалъ, относя это къ выходкѣ, велѣлъ Сабанееву меня повѣрить. Сабанеевъ удивился, открывъ своими глазами ошибку исчисленія. По этому случаю изъ арміи исключено до 40 т., почитавшихся въ госпиталяхъ, которые считались въ полкахъ, но которые, по милости лекарей, давно уже не существовали! Сабанеевъ началъ и самъ ко мнѣ перемѣняться, и при всякомъ новомъ случаѣ бралъ меня въ совѣтники преобразованія.

Съ умноженіемъ въ полкахъ людей, отъ 165 до 250 въ ротѣ, представлялась невозможность помѣщать въ фурахъ на новый комплектъ полный 10-ти душный провіантъ. Я доказалъ противное. Приказъ отданъ, армія меня проклинала; но вотъ 18-ть лѣтъ, какъ фуры возятъ сухари и не видятъ затрудненія.

Еще въ армію отпускались всѣ вещи на комплектъ, котораго не было, а считался мысленно. Я представилъ эту ошибку Сабанееву, и армія опять прогнѣвалась на меня за излишнее усердіе. Ибо всѣ госпитальные не дѣлали уже дохода своимъ обмундированіемъ и жалованьемъ. (Эта ошибка теперь, въ 1831 г., опять приняла свое существованіе). Тутъ и Сабанеевъ помирился со мной и взялъ верхъ надъ своимъ своенравіемъ. Я былъ коротокъ съ нимъ и пользовался его расположеніемъ.

Входя всякій день въ общую моду, я сдѣлался принадлежностью всѣхъ верховныхъ лицъ. Сакенъ часто поручалъ мнѣ узнавать о томъ или другомъ при варшавскихъ дворахъ, а великій князь, не имѣя въ гвардіи ни одного тамбуръ-мажора, далъ въ мой полкъ вольнаго. Я платилъ ему по 15-ти червонцевъ въ мѣсяцъ, а онъ парадировалъ въ моемъ мундирѣ съ гвардіею. Мундиръ и содержаніе стоили мнѣ 500 руб., ибо гвардейскіе полковники никакихъ побочныхъ расходовъ не хотѣли принять

на себя, зная, что великій князь замѣнитъ ихъ или своимъ карманомъ, или способомъ власти. Великій князь, находя полкъ мой одѣтымъ единообразнѣе и щеголеватѣе гвардейскихъ, называлъ его, вмѣстѣ съ публикою, «гвардейскимъ, только безъ петлицъ». Онъ приказалъ мнѣ привесть къ себѣ, для образца, унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ и барабанщиковъ и, по манеру ихъ, уравнять одежду въ гвардіи. Вотъ новые враги Маевскаго. На меня опрокинулись гвардейцы и крайне досадовали, что армейскій дѣлается ихъ законодателемъ, а особенно виновникомъ незнакомыхъ до того имъ расходовъ. Въ одинъ день великій князь призываетъ меня въ свой кабинетъ и, показывая новые кивера, отъ постройки которыхъ отказались гвардейскіе полковники, говоритъ:

— «Маевскій, ты сдѣлаешь мнѣ такіе кивера?»

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ я.

И великій князь, обращаясь къ гвардейскимъ полковникамъ, сказалъ:

— «Вотъ, господа, вамъ все надо положить въ ротъ. Онъ армейскій, но на все готовъ».

Довольно было этого, чтобъ зацѣпить къ армейской и гвардейскую зависть.

У меня были люди, какихъ не было и въ гвардіи. Я подкупилъ отдатчиковъ и выбиралъ изъ 10 т. рекрутъ. Гвардейцы пристали къ великому князю, чтобы онъ позволилъ взять у меня людей для украшенія фланга.

— «Нѣтъ, нѣтъ, господа», отвѣчалъ великій князь. «Я знаю, вы хотите ограбить Маевскаго. Нѣтъ, этого не будетъ, онъ самъ славный офицеръ!»

И это, точно, спасло меня отъ грабежа. Главное мое торжество было—видѣть, что въ дни парадовъ и баловъ, брали моихъ людей для украшенія комнатъ, убранныхъ арматурами и пр. Я для этого давалъ моимъ солдатамъ особые уроки: какое положеніе брать имъ, стоя на часахъ, въ глазахъ публики, собравшейся на балъ. Они, точно, эмитировали тутъ не солдатъ, но милиціоноровъ національной французской гвардіи. Видъ ихъ, одежда, свобода и переходъ изъ одного положенія въ другое впадали въ подозрѣніе, не нанялъ-ли я, на мѣсто солдатъ, актеровъ варшавской труппы?

При столь разнообразныхъ доказательствахъ совершенства моего полка, господа сѣдые полковники рѣшительно заключили, что одинъ только чортъ помогаетъ моему счастію. Но каждый изъ начальниковъ ихъ требовалъ и отъ нихъ того же совершенства. Это еще болѣе бѣсило ихъ, и они не знали, какъ потемнить врага общаго ихъ невѣжества и скупости. Утвердивъ базу моего совершенства извнѣ, я далекъ былъ отъ совершенства внутренняго, т. е. капральнаго: я не умѣлъ постичь глазомъ всѣхъ деплаадъ и движеній гвардіи; но сильнѣе другихъ армейскихъ былъ и въ этомъ. Я не пропускалъ ни одного ученья, и 18-ть часовъ въ сутки посвящалъ службѣ, бѣготнѣ и ученью самого себя. Вотъ и все мое волшебство.

Одеждѣ полка много способствовалъ кригсъ-коммиссаръ Татищевъ, котораго я, въ свою очередь, спасъ отъ большихъ убытковъ. По его вниманію и благодарности, я получалъ лучшую одежду и имѣлъ способъ каждые три мѣсяца надѣвать на полкъ новые мундиры.

Но вотъ уже пять мѣсяцевъ, какъ я въ Варшавѣ, т. е. съ 14-го августа 1814 г. по 1-е января 1815 г. Я и мои офицеры въ домѣ Барклая точно также приняты, какъ офицеры 3-го егерскаго полка, когда онъ былъ ихъ шефомъ. Однимъ словомъ, все благопріятствуетъ мнѣ до невѣроятной степени. Въ это время нашлись тайныя піявицы, окружавшія Сакена и представившія ему, что мой полкъ терпитъ много отъ парадовъ и долговременнаго караула въ Варшавѣ; но что я стараюсь удерживать тамъ полкъ дольше для собственныхъ моихъ видовъ.

Весьма натурально, что послѣднія выраженія потрясли честолюбіе Сакена и онъ отдалъ приказъ: съ 1-го января выдти на смѣну насъ новымъ войскамъ.

Не подозрѣвая ни одной стороны, я спокойно готовлюсь къ походу. Но вдругъ вижу адъютанта Барклая:

— «Пожалуйте къ фельдмаршалу».

Я ѣду, и вотъ интересный разговоръ:

Барклай: «Вы идете въ походъ?»

Я: Я получилъ о семъ повелѣніе отъ корпуснаго командира.

Барклай: «Знаю,—этого вамъ хотѣлось. Хорошо, довольно (показывая знакъ, чтобъ я его оставилъ. Я иду, но Барклай меня

останавливаетъ). Скажите Сакену, что въ моемъ присутствіи никто, кромѣ меня, войсками не располагаетъ. Скажите, что я хочу и приказываю полкъ вашъ оставить въ Варшавѣ».

Я ѣду къ Сакену, объявляю приказаніе. Но Сакенъ, воображая, что я иду противъ воли его, говоритъ:

— «Я знаю, что вамъ этого хочется; но каково бѣдному полку?»

Я: Ваше высокопревосходительство! Польза полка — есть моя польза. Но скажите мнѣ, что мнѣ дѣлать въ моемъ положеніи? Фельдмаршалъ подозрѣваетъ меня, что я искалъ этого у васъ, а вы подозрѣваете, что я ищу этого у фельдмаршала. По мѣрѣ моего поведенія, я прошу ваше высокопревосходительство вывесть себя и фельдмаршала изъ обиднаго для меня мнѣнія.

Сакенъ: «Хорошо, я объ этомъ поговорю самъ съ фельдмаршаломъ».

Я: Фельдмаршалъ, напротивъ, приказалъ мнѣ сейчасъ привезть отвѣтъ вашъ и остановить передвиженіе.

Сакенъ: «Ну, такъ поговори объ этомъ самъ съ Сабанеевымъ».

Я бросился къ Сабанееву, который былъ одного мнѣнія съ фельдмаршаломъ; я просилъ его объ одномъ — оправдать только меня въ глазахъ Сакена и фельдмаршала.

XII.

Женитьба.—Новый походъ во Францію.—Трусы и храбрецы.—Опять въ Парижѣ.—Стоянка въ Напси.—Смотръ близъ Вертю.—Скобелевъ.—Успѣхи по службѣ.

1815 г.

3-го января 1815 г. полкъ мой вышелъ въ Гумбинъ, а 6-го я женился на дочери сенатора и воеводы Возницкаго, Маріѣ Алексѣевнѣ, съ которою я счастливо жилъ до 26-го марта 1828 г.

Въ Гумбинѣ я еще болѣе посвятилъ себя службѣ, и если зналъ не больше, то, по крайней мѣрѣ, и не меньше сѣдовласыхъ соперниковъ, которые постоянно занимались не службою, а карманомъ. Я успѣлъ здѣсь познакомиться съ высшею тактикою и дѣлалъ часто маневры по всѣмъ правиламъ атаки и обороны. Чтобы ввести въ офицерахъ честолюбіе къ познанію своего дѣла, они обязывались присылать ко мнѣ диспозиціи мѣстныхъ рот-

ныхъ и баталіонныхъ маневровъ, съ изложеніемъ мѣстности и правилъ нападенія и отпора. Общіе умы напряжены были къ полезной точкѣ. И смѣю похвалиться, что полкъ мой былъ точно полкъ славнѣйшихъ вольтижеровъ. Ученье ихъ не утомляло, но составляло просто игру, развивающую способности; а воображеніе, доведенное до энтузіазма, такъ удерживало сторону чести, что одни брали, а другіе прикрывали свои пункты съ тѣмъ же искусствомъ и даже ожесточеніемъ, какое можно было только видѣть въ бою, но безъ пуль и безъ крови. Пальба въ цѣль была другою охотою. Я покупалъ на свой счетъ порохъ и свинецъ. Приходящая въ штабъ для караула рота не иначе приходила, какъ въ видѣ непріятеля; стоявшая до нее, ее встрѣчала, отражала, маневрировала по всѣмъ правиламъ военнаго искусства и, отступая шагъ за шагомъ, уступала, наконецъ, и городъ. Потомъ они соединялись и стрѣляли въ цѣль вмѣстѣ. Съ одной стороны, стояло ведро водки, съ другой — ведро воды: попавшій въ цѣль пилъ первую, давшій промахъ пилъ поневолѣ послѣднюю. Смѣхъ и стыдъ: вотъ какое неумѣющему было наказаніе. Мастерамъ стрѣлять—платилъ я по рублю и по два. Воспламененные честью, офицеры повторяли точно тоже у себя въ ротахъ.

Я испыталъ совершенно, что палка есть орудіе нетерпѣнія и звѣрства. У меня ее не было, а полкъ гремѣлъ совершенствомъ. Жители Гумбина отдавали справедливость поведенію солдатъ и офицеровъ и напечатали изъявленіе ихъ чувства въ варшавскихъ газетахъ. Это былъ примѣръ новаго и перваго, можно сказать, расположенія къ русскимъ.

Я сблизился съ помѣщиками, бывалъ на всѣхъ ихъ праздникахъ, приглашая ихъ къ себѣ. Но мнѣ никогда не нравился тонъ ихъ молодежи. Она нагла, насмѣшлива, неблагопристойна. Того, чего французъ не хочетъ замѣтить, полякъ старается выискать, выдумать. Антипатія ихъ къ русскимъ обнаруживается часто до излишества и не покрывается вовсе мантіею приличія. Этотъ характеръ въ Варшавѣ отражается съ дерзостью и притязаніями, въ провинціи—съ наглостью и невѣжествомъ. Я боялся входить въ домъ, гдѣ меня искали, ибо мнѣ должно было вытерпѣть болѣе по себѣ выстрѣловъ, чѣмъ подъ Краснымъ. Милая и прелестная жена моя, которая слыла красавицею Вар-

шавы, сблизила меня съ поляками; но сердце мое никогда не лежало къ этому попугайчистому народу.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1815 г. сказанъ намъ новый походъ во Францію. Я служилъ въ дивизіи Маркова, который хотѣлъ, но не могъ вредить моей репутаціи. Онъ вездѣ слабѣе меня былъ принимаемъ. Къ счастію, меня съ баталіономъ назначили въ конвой главной квартиры, чему противились Сакенъ и Марковъ, боясь потерять у себя мой полкъ.

Въ Пентковѣ уже я соединился съ главною квартирою. Фельдмаршалъ и супруга его обрадованы были свиданіемъ со мной. Фельдмаршалъ повторилъ мнѣ обычный свой комплиментъ и велѣлъ оба мои баталіона соединить въ конвоѣ главной квартиры.

Въ Брацлау я получилъ ордена: св. Георгія, Анны 2-й ст. съ алмазами, Пуръ-ле-меритъ и Шведскаго Меча. И это все въ одинъ день и часъ!

Въ главной квартирѣ шелъ я до Майна. Тамъ велѣно было смѣнить меня Колыванскимъ полкомъ. Но неряшество послѣдняго остановило смѣну. Сакенъ и Марковъ отнесли это къ моему искательству и домогались перемѣны.

Барклай, приказавъ, наконецъ, спустить меня къ дивизіи, добавилъ:

— «Вы не опасайтесь никого: я вашъ покровитель».

Въ Кейсельстраутернѣ я назначенъ въ авангардъ къ г. Деламберту. Вотъ переданный мнѣ разговоръ:

Дибичъ: «Намъ теперь надо дать графу одинъ изъ храбрѣйшихъ егерскихъ полковъ, и я полагаю дать 13-й».

Барклай: «13-й слишкомъ хорошъ для авангарда. Безъ него у насъ не будетъ параднаго войска».

Дибичъ: «Тѣмъ лучше. Парадный полкъ долженъ быть вездѣ отличный. Впрочемъ, и вся цѣль—имѣть отличное для войны. Да гдѣ же и употреблять отличныхъ, какъ не въ войнѣ?»

Барклай: «Согласенъ; но желалъ бы поберечь этотъ полкъ для переду: ему еще много будетъ дѣла».

Дибичъ: «Да Маевскій и офицеры сами о томъ просятъ, чтобъ имъ дали случай отличиться».

Барклай: «Когда такъ, то съ Богомъ! Мнѣ очень пріятно слышать ихъ усердіе и доставить имъ случай къ отличію».

Это Дибичъ пересказалъ мнѣ, выйдя изъ кабинета фельдмар-

шала,—и я благодарилъ его за упрежденіе нашихъ чувствъ и желаній. Когда я объявилъ о семъ въ полку, всѣ краонскіе мои товарищи были въ восторгѣ, а прочіе повѣсили голову, пускаясь уже напередъ въ условія со смертью; но, на зло первымъ и къ радости послѣднихъ, кампанія наша обошлась безъ боя.

Въ двухъ моихъ кампаніяхъ я видѣлъ въ полку у себя 5 неимовѣрныхъ трусовъ, которыхъ одно слово «сраженіе» приводило уже въ трепетъ. Нѣкто Думбровскій предъ сраженіемъ всегда жаловался, почему я не беру его въ дѣло и съ неимовѣрною хвастливостью разсказывалъ о чудесахъ своей храбрости. Но когда дошла до него очередь, онъ такъ струсилъ, что признался мнѣ безъ обиняковъ въ недостаткѣ своего духа. Другой былъ у меня капельмейстеръ, итальянецъ Анжело. Ему очень захотѣлось имѣть офицерскій чинъ. Предъ тѣмъ, какъ намъ штурмовать Парижъ, мы шли въ самое дѣло съ музыкою, играя, что только пришло въ голову. Когда за ядрами полетѣли пули, онъ бѣжитъ ко мнѣ, говоря:

— «Г. полковникъ, весь мой хлѣбъ въ пальцахъ, а когда ихъ отобьютъ, что я буду тогда дѣлать?»

Третьяго нельзя было никуда послать: онъ вѣчно спрячется. Во вторую кампанію обнаружили свою трусость М. и П... Если изъ 30, 6 естественно всегда трусы, другіе 6 не уходятъ отъ видовъ образованной стыдливости, третьи 6 — только что нетрусы, то въ 300-хъ едва-ли найдется 50 истинно храбрыхъ и на все готовыхъ. Тѣ ошибаются, которые думаютъ, что мундиръ составляетъ храбрость: нѣтъ, она родится съ человѣкомъ и никогда ничѣмъ пріобрѣсться не можетъ. А если и храбрость не есть общій удѣлъ человѣка, то ее и надо считать: тому, кто имѣетъ— даромъ неба, а тому, кому она полезна, — счастьемъ государства. Простая даже храбрость, въ объемѣ общей и благоразумной, столько же необходима, какъ необходимы лафетъ и колеса для пушки; а лафетъ, вѣдь, не стрѣляетъ, такъ же какъ и простая храбрость не распоряжаетъ. Но одно безъ другаго мертво и неподвижно. Великъ тотъ, кому природа подарила оба эти таланта вмѣстѣ. Но въ моихъ глазахъ герой, въ полномъ смыслѣ этого слова, выше сотни стратегиковъ-трусовъ.

Въ Парижъ вошелъ я теперь совсѣмъ съ другими понятіями, нежели прежде. Болѣе солидности, болѣе благоразумія доставило

мнѣ не простую разсѣянность, но истинное удовольствіе. Не разсчитывая уже жизнь на однѣ сутки, я разсчитывалъ ее впередъ и далеко впередъ! Дѣтскія игры меня уже не занимали; я смотрѣлъ на высокое и двигался только къ высокому. Въ это время былъ энтуазистическій хаосъ всѣхъ партій. Но примѣтнѣе другихъ была королевская. Эти живые мертвецы, возставши изъ гроба Бурбоновъ, хотѣли всѣхъ сдѣлать бурбонами,—и, забывая вѣкъ, раздѣлявшій ихъ прошедшее отъ настоящаго, они высказывали всю глупость, всю нескромность своего столѣтія. Францію можно было тогда уподобить картинѣ, на которой одна половина погребаетъ своего генія, а другая—видитъ воскресеніе своего. На 30 т. можно было положить одного, который бы въ тогдашнихъ обстоятельствахъ бралъ участіе въ радости. Даже и тѣ, кои отторгнуты отъ Франціи и получили собственное политическое существованіе, изъ сильныхъ враговъ сдѣлались друзьями Наполеона. Вотъ лучшее доказательство великости его генія. Потерю Наполеона не одна Франція, но цѣлые народы чувствовали почти въ той же степени, въ какой чувствовала Россія, потерявъ обожаемаго Александра.

Бывъ всегда безпеченъ на собственный свой счетъ, я рѣшился запасти себѣ въ Парижѣ тѣмъ, что составляетъ и память, и потребность. Но посланный отъ меня за покупками истратилъ мои деньги и скрылся. Это лишило меня возможности имѣть классическія рѣдкости Парижа.

Изъ Парижа я выступилъ въ Нанси, 4 часа отъ Парижа. Тутъ простоялъ я около 3-хъ мѣсяцевъ. Слѣдуя духу тогдашняго времени, я воззвалъ къ жителямъ, чтобы они были покойны и въ нуждахъ обращались ко мнѣ. Во все это время взаимная гармонія ничѣмъ нарушаема не была. Нанси небольшой, но густо населенный городокъ. Имъ управляла жена мэра, женщина строптивая и безпокойная. Образъ жизни жителей столь единообразный, что вы не замѣтите въ характерѣ народа ни прилива, ни отлива. Всякій день, посредствомъ городоваго барабанщика, объявляется то или другое приказаніе мэра, и жители свято его исполняютъ. Въ три мѣсяца я видѣлъ только разъ пьянаго, а разврата вовсе не замѣтилъ. Доброе поведеніе обоего пола есть общее достоинство малыхъ городовъ и деревень Франціи.

Французскія сельскія женщины, такъ какъ и сельскіе дома ихъ,

очень дурны. Жители праздны и вѣчно ротозѣютъ на улицахъ, какъ наши ямщики у почтовыхъ станцій; но въ образѣ жизни имѣютъ все удовольствіе. Французъ безъ говядины не сядетъ за столъ; а денегъ въ оборотѣ я болѣе Франціи нигдѣ не видалъ. Одна только у нихъ странная привычка, что они завтракаютъ, обѣдаютъ и ужинаютъ на походѣ, т. е., переходя съ чашкою или кушаньемъ изъ комнаты въ сѣни, а оттуда на дворъ и т. д. Это означаетъ излишнюю живость характера.

Въ Нанси я совершенно преобразовалъ весь свой полкъ. Люди были одѣты единообразно до задивленія; офицеры одѣлись снова съ ногъ до головы, а музыканты перещеголяли и англійскихъ. Одинъ тамбуръ-мажоръ стоилъ мнѣ 800 франковъ. Онъ только что имѣлъ свой остовъ, впрочемъ: бакенбарды, усы и проч., и проч. было прибавочное. Изъ Парижа ко мнѣ и отъ меня въ Парижъ ежедневно летали транспорты, посылки и мастера. Одинъ разъ мастеровъ такъ было много, что двое, за неимѣніемъ мѣста, сидѣли на имперіалѣ дилижанса.

Въ такомъ блескѣ явился я съ полкомъ подъ Вертю. Вся армія бросилась смотрѣть меня и повѣрять, точно-ли я тотъ, какимъ описываютъ. Записной мой соперникъ Скобелевъ, командуя также полкомъ и гремя на другомъ концѣ Россіи славой своего полка, долженъ былъ уступить мнѣ лавровую свою вѣтвь. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ торжествомъ, а возвратился съ завистью.

Подъ Вертю армія стояла большимъ карре. Войска проходили мимо государя разомкнутыми и сомкнутыми колоннами. Нашу велъ генералъ-адъютантъ графъ Потоцкій. Послѣ парада является въ мою ставку Потоцкій, говоря:

— «Государь желаетъ знать, чѣмъ онъ можетъ васъ наградить?»

— Произвесть въ подполковники помощника моего, М. Ходаковскаго: вотъ въ чемъ полагалъ бы я особую милость государя императора.

И къ вечеру Ходаковскій былъ уже подполковникомъ.

Государю, какъ сказывалъ мнѣ Потоцкій, понравилось безкорыстіе мое и послужило къ довершенію счастія Ходаковскаго. Онъ лично удостоилъ его командиромъ 5-го егерскаго полка.

30-го августа 1815 г. былъ парадъ. Войска послѣ обѣдни

и молебна шли домой вообще всѣ въ безпорядкѣ. Нѣкоторые были разсѣяны и сами по себѣ кричали «ура!». Это произошло отъ ошибки первыхъ и сообщилось послѣднимъ. Я, напротивъ, почти одинъ изъ всей арміи шелъ въ сомкнутомъ фронтѣ, съ музыкою и въ величайшемъ порядкѣ. Государь, не ожидая перваго и восхищаясь послѣднимъ, т. е., хотя однимъ стройно идущимъ полкомъ, остановился передъ нами, билъ рукою кадансъ, подозвалъ меня къ себѣ и благодарилъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Я самъ согласенъ съ прочими, что этимъ, какъ и всѣмъ, обязанъ не фарсамъ, какъ говорятъ, а истинно моему счастію. За то этотъ день чту я во всю мою жизнь.

Чрезъ нѣсколько дней, государь выбираетъ самъ людей въ гренадеры. Подъѣхавъ къ 1-му полку въ дивизіи, начинаетъ хвалить полкъ Витебскій. Марковъ говоритъ:

— «Ваше величество, это еще не первый полкъ въ моей дивизіи; у меня лучшій Куринскій».

— «Если вы хотите сказать истину, подхватилъ Барклай, такъ у васъ первый полкъ въ дивизіи 13-й егерскій».

Едва только государь подъѣхалъ къ 13-му полку, какъ ему бросился въ глаза мой тамбуръ-мажоръ: это былъ стройный и гибкій Геркулесъ. Посмотрѣвъ съ минуту на него, поѣхалъ къ флангу полка. Окинувъ ярко фронтъ, государь началъ говорить окружающимъ его:

— «Этотъ полкъ лучше гвардіи, лучше Лейбъ-егерскаго, лучше Финляндскаго» и т. д.

Наконецъ, подозвавъ къ себѣ австрійскаго генерала, сказалъ ему:

— «Я увѣренъ, что у васъ ни одного такого полка нѣтъ въ гвардіи».

При такой всеобщей похвалѣ, родились отголоски въ слѣдующей постепенности:

Гр. Ожаровскій: «Государь! какъ же этому полку не быть и хорошимъ: вѣдь имъ командуетъ нашъ Маевскій».

Гр. Воронцовъ: «Государь! этотъ полкъ столько же отличается и храбростью, сколько и наружностью». (Онъ былъ радъ похвалить свой выборъ).

Барклай: «Государь! полкъ этотъ былъ у меня въ конвоѣ,

и къ чести его, я не имѣю ничего болѣе сказать, какъ то, что онъ отличный во всѣхъ отношеніяхъ».

Прочіе мелкіе голоса вторили бо́льшимъ и старались аккордировать мыслямъ и словамъ государя. Государь, будучи въ восторгѣ отъ полка и людей, выбралъ у меня, вмѣсто 20, 40 чел.; но, не желая обижать противу другихъ, сталъ опять перевыбирать. Высылая одного за другимъ, безпрестанно повторялъ:

— «Они всѣ прекрасные; теряюсь, не знаю, котораго выслать и котораго оставить».

Наконецъ, сочли 19. Государь, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— «Маевскій, дай одного, но не выбирай: они у тебя всѣ прекрасны».

Однако-жъ, я далъ изъ лучшихъ лучшаго.

Вслѣдъ затѣмъ государь давалъ обѣдъ всѣмъ генераламъ и командирамъ полковъ и артиллерійскихъ ротъ. Послѣ обѣда государь шутилъ и говорилъ со многими. Наконецъ, обращаясь къ Ермолову, говоритъ:

— «Ну, я, кажется, далъ тебѣ славныхъ людей».

— «Государь», отвѣчалъ Ермоловъ, «я особенно васъ благодарю за людей 13-го егерскаго полка».

Государь: «О, это отличные люди въ полку Маевскаго. Но знаете-ли, вѣдь, онъ не былъ военнымъ. Я его сдѣлалъ». (Кажется, что государь и самъ торжествовалъ безошибочность выбора).

Ермоловъ: «Маевскій, бывши еще и не военнымъ, показывалъ уже всѣ военныя наклонности».

На походѣ уже къ Рейну, я получилъ орденъ Маврикія за Вертю. Награда эта была вовсе неожиданная и тѣмъ пріятнѣйшая, что она составляла трофей непосредственнаго ко мнѣ вниманія государя, столь много обожаемаго и подданными, и всей Европою. Сихъ орденовъ прислано только 5-ть во всю армію. И изъ сихъ-то 5-ти одинъ удостоился получить и я.

Отъ редакціи. Здѣсь мы прерываемъ разсказъ Маевскаго (приведенныя VIII — XII гл. написаны имъ въ теченіи времени съ 30-го марта по 22-е апрѣля 1831 г.). Дѣлаемъ большой пропускъ, такъ какъ въ послѣдующемъ повѣствованіи о „его вѣкѣ“ не встрѣчается подробностей, имѣющихъ общій интересъ или почему-либо характеристичныхъ. Авторъ разсказываетъ о возвратѣ изъ Франціи въ Россію; рожденіе у Маевскаго сына Александра; государь предлагаетъ Маев-

скому полкъ короля Прусскаго, но онъ предпочитаетъ остаться во главѣ 13-го егерскаго полка.—Стоянки съ полкомъ въ Малороссіи.—Бытъ Малороссійскаго дворянства: грубость, развратъ и невѣжество.—Царскіе смотры войскъ; — автору Записокъ пожаловано три тысячи десятинъ земли въ Саратовской губ. Полковая жизнь, стрѣльба, „солдатскіе пунктики"; изученіе Маевскимъ тактики и стратегіи и проч. Далѣе слѣдуетъ изложеніе возникшихъ между Маевскимъ и генераломъ Ротомъ, начальникомъ дивизіи, столкновеній; непріятности и придирки происходили оттого, что Ротъ завидовалъ подчиненному ему—командиру 13-го егерскаго полка. Непріятности съ генераломъ Ротомъ вынудили Маевскаго, по производствѣ въ генералъ-маіоры, оставить командованіе 13-мъ егерскимъ полкомъ (12-го декабря 1819 г.). Офицеры, прощаясь съ нимъ, поднесли ему золотую шпагу. Государь повелѣлъ дать Маевскому, по его просьбѣ, 10 тысячъ рублей въ долгъ, такъ какъ отъ командованія полкомъ Маевскій ничего не нажилъ, между тѣмъ, какъ другіе командиры наживались.—Маевскаго сдѣлали бригаднымъ (3-й бриг. 3-й грен. див.) командиромъ;—рожденіе сына Сергія. — Маевскій трудится надъ составленіемъ исторіи турецкой войны 1808—1812 гг. Въ 1823 г. государь смотрѣлъ корпусъ, въ которомъ состояла бригада Маевскаго, подъ Орломъ. Смотръ кончился удачно, генералу пожалована аренда. — 24-го февраля 1824 г. Маевскій назначенъ, на правахъ дивизіоннаго командира, отряднымъ командиромъ поселенныхъ баталіоновъ 2-й и 3-й гренадерскихъ дивизій (Старорусскимъ военнымъ поселеніемъ), куда и отправился до вос послѣдованія еще приказа, 11-го января 1824 г.

Съ этого времени начинается подробный и весьма интересный разсказъ, который справедливо назвать: „аракчеевщина". Онъ составляетъ слѣдующую за симъ вторую часть „Моего вѣка, или исторіи генерала Маевскаго".

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ П. А. КАРАТЫГИНА.

Печатая въ февральской книгѣ „Русской Старины“, изд. 1873 г. (т. VII, стр. 179), нѣсколько главъ изъ „Воспоминаній П. А. Каратыгина“, мы напомнили читателямъ, что 1-го марта текущаго года минетъ пятьдесятъ лѣтъ артистическаго служенія автора. Русское общество, къ чести его, не осталось равнодушнымъ къ заслугамъ нынѣ старѣйшаго русскаго артиста и драматическаго писателя. Въ лицѣ многочисленныхъ своихъ представителей, явясь на празднество 1-го марта [1]), оно многими адресами, рѣчами, прозою и стихами, многими задушевными тостами и дорогими подарками выразило чувства истиннаго уваженія и любви, давно пріобрѣтенныя П. А. Каратыгинымъ на обѣихъ сценахъ: среди театральныхъ кулисъ и на сценѣ общественной жизни.

1-го марта, Государь Императоръ, въ ознаменованіе заслугъ юбиляра, пожаловалъ ему большую золотую медаль для ношенья на шеѣ.

Отсылая читателей къ брошюрѣ: „Пятидесятилѣтіе артистической и литературной дѣятельности П. А. Каратыгина“ (Спб. 1873 г.), въ которой собраны всѣ подробности празднества 1-го марта,—мы приводимъ на страницахъ „Русской Старины“ еще нѣсколько главъ изъ неизданныхъ записокъ достоуважаемаго артиста и писателя о русскомъ театрѣ, за время почти полустолѣтія назадъ.

Ред.

---

[1]) С.-петербургское собраніе художниковъ предоставило для устройства этого праздника все свое помѣщеніе; обѣденное зало было обращено въ великолѣпный садъ, украшено бюстомъ юбиляра и проч.

I[1]).

Въ 1832 г. былъ учителемъ драматическаго искусства въ Театральномъ училищѣ извѣстный и даровитый актеръ Яковъ Григорьевичъ Брянскій; но такъ какъ онъ былъ довольно лѣнивъ, то и просилъ себѣ у дирекціи помощника,—выборъ его остановился на мнѣ. Директоръ, кн. Гагаринъ, предложилъ мнѣ занять мѣсто репетитора по драматической части при училищѣ, съ производствомъ 600 руб. ассигнаціями жалованья. Такое предложеніе польстило моему самолюбію и значительно должно было пополнить мой домашній бюджетъ; я, разумѣется, охотно согласился принять на себя эту должность. Брянскій, какъ серьезный трагикъ старинной классической школы, былъ не очень пріятенъ своимъ ученикамъ; онъ слишкомъ строго и педантически съ ними обращался, а потому-то молодой, веселый репетиторъ новаго поколѣнія, скорѣе имъ пришелся по душѣ. Брянскій, представляя мнѣ своихъ учениковъ, указалъ на одного бѣлокураго мальчика небольшаго роста, съ оживленной, но довольно комичной физіономіей, и прибавилъ въ полголоса:

— «Вотъ этотъ мальчуганъ учится у Конони живописи и просится перейти въ драматическій классъ; я заставилъ его выучить одну роль, прослушалъ его, но, кажется, лучше ему оставаться краскотеромъ,—выговоръ у него дурной, голосъ слабый и, кажется, изъ него толку не будетъ».

Этотъ мальчикъ-краскотеръ былъ Мартыновъ, котораго вскорѣ, по моему ходатайству, уволили отъ занятій по декораціонной части и перевели въ драматическій классъ.

Воспитанницъ тогда учила умная и весьма образованная актриса Марья Ивановна Вальберхова, но не долго; едва-ли не черезъ полгода и она, и Брянскій отказались отъ своихъ должностей, и тогда мнѣ одному поручено было учить и воспитанниковъ, и воспитанницъ. Я ревностно принялся за мою новую обязанность и ласковымъ своимъ обращеніемъ съумѣлъ привязать къ себѣ своихъ учениковъ и учениць.

Максимову (который былъ въ то время въ числѣ моихъ уче-

[1]) См. другія главы изъ Воспоминаній П. А. Каратыгина: «А. С. Грибоѣдовъ» («Рус. Ст.» 1872 г., т. V, стр. 423); «Русскій театръ при Александрѣ I» («Рус. Стар.» 1872 г., т. VI, стр. 297; 1873 г., т. VII, стр. 146—179).

никовъ) тогда было лѣтъ 16 и въ немъ были видны нѣкоторые задатки будущаго jeune premier; ясное произношеніе, оживленная, веселая физіономія и ловкость ручались за его успѣхи въ будущемъ; онъ довольно быстро понималъ и усвоивалъ дѣлаемыя ему замѣчанія. Мартыновъ же, хотя и отличался подвижной, комической мимикой и натурой, но былъ нѣсколько тугъ на пониманіе; а выговоръ, какъ говорилъ Брянскій, былъ, дѣйствительно, у него весьма не ясный, такъ что требовалъ большой обработки и мнѣ приходилось, зачастую, одинъ какой-нибудь монологъ заставлять его повторять по нѣсколько разъ. Изъ воспитанницъ лучше другихъ были: Кольбрехтъ — очень стройная и красивая дѣвица, двѣ сестры Степановы, Гринева, Бормотова (впослѣдствіи по замужеству Громова), Ѳедорова и Семенова.

Ѳедорова, вскорѣ по выпускѣ изъ школы, перешла на провинціальные театры и долго на нихъ съ успѣхомъ занимала амплуа первыхъ любовницъ. Семенова же переведена была въ Москву, поступила въ оперу, была тамъ нѣсколько лѣтъ примадонной и считалась хорошей актрисой.

Въ числѣ тогдашнихъ моихъ учениковъ были также: Леонидовъ, Вороновъ, Пруссаковъ, Марковецкій, Прохоровъ, Смирновъ 1-й, Краюшкинъ, Годуновъ и другіе.

Любимыми моими учениками были—Максимовъ и Мартыновъ, которые тоже полюбили меня, потому что обращеніе мое съ ними было больше дружеское, нежели учительское. Къ чести ихъ надо сказать, что оба эти артиста до конца своей жизни были постоянно мнѣ признательны и благодарны; такъ что, когда черезъ 25 лѣтъ общество первоклассныхъ литературовъ давало обѣдъ Мартынову, передъ отъѣздомъ его за границу, по случаю его болѣзни,— онъ, посреди торжественныхъ овацій, которыя ему дѣлали, вспомнилъ о своемъ первомъ наставникѣ, какъ я однажды поцѣловалъ его за какую-то удачно-исполненную имъ роль, и что эта первая награда за его сценическіе успѣхи не могла изгладиться изъ его памяти по прошествіи такого продолжительнаго времени,—и впослѣдствіи, когда онъ сталъ играть на большой сценѣ, я былъ постоянно ходатаемъ за него и заступникомъ [1]).

[1]) Объ этомъ отзывѣ Мартынова о П. А. Каратыгинѣ было напечатано тогда же въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (см. № 58, 15-го марта 1859 г.). Ред.

Оба они — Мартыновъ и Максимовъ — впослѣдствіи сдѣлались любимцами публики и, конечно, превзошли своего наставника (особенно первый) и получили оклады жалованья вдвое, даже втрое противъ меня; но, говоря по совѣсти, я не только никогда имъ не завидовалъ, но, любуясь ихъ успѣхами, внутренно говорилъ себѣ:

— Тутъ и моего меду есть частичка.

Относительно дикціи, я часто говаривалъ моимъ ученикамъ: ясная, правильная рѣчь и чистое произношеніе—первое и главное основаніе для хорошаго актера, такъ же точно, какъ даръ слова—лучшій даръ, данный природою человѣку. Если начинающій актеръ пренебрежетъ этими основными правилами и обратитъ все свое вниманіе только на одну внѣшность, т. е. на мимику, жесты и ловкость тѣлодвиженій, то, въ такомъ случаѣ, пусть онъ лучше переходитъ въ балетъ,—тамъ онъ будетъ болѣе на своемъ мѣстѣ. Я совѣтовалъ имъ учить свои роли всегда вслухъ и даже въ полный голосъ, безъ торопливости.

— Если вамъ встрѣтится фраза, или слово, которыя вамъ трудно выговаривать, повторяйте ихъ по нѣсколько разъ, пока не преодолѣете эту трудность; держась такого правила, вы принесете себѣ двойную выгоду! вы незамѣтно обработаете и органъ, и выговоръ.

Здѣсь, кстати, я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о такъ-называемой теоріи драматическаго искусства.

II.

Нѣкоторые современные театральные критики имѣютъ довольно странный взглядъ на драматическое искусство и не допускаютъ въ немъ никакой подготовки или теоретическихъ правилъ. Они говорятъ, что талантъ не нуждается въ руководителяхъ, что единственнымъ его учителемъ должна быть одна природа.

«Бездарность (прибавляютъ они), какъ-бы ни старалась, ни училась, вѣчно останется бездарностью, а школьныя правила только вредятъ таланту.

«Если человѣкъ грамотенъ, образованъ, одаренъ пріятною наружностью, звучнымъ голосомъ — этого достаточно. Тутъ всѣ данныя, чтобы быть хорошимъ актеромъ».

Очевидно, что подобный взглядъ на драматическое искусство

весьма ошибоченъ. Развѣ шлифовка отнимаетъ достоинство у драгоцѣнныхъ камней? Природа можетъ быть учителемъ человѣка только въ его животныхъ наклонностяхъ; къ искусствамъ же и художествамъ едва-ли это примѣнимо; бываютъ исключенія, но они весьма рѣдки. Если усовершенствованіе таланта можно сравнить съ шлифовкой алмаза, то недаровитаго, но прилежнаго актера, почему же не сравнить съ хрусталемъ, хорошо ограненнымъ; и въ немъ есть своя игра и у него есть свои радужные, красивые переливы. Не всѣмъ же быть первоклассными талантами. Внѣшнія и даже внутреннія данныя не дѣлаютъ еще актера: красивая наружность, звучный голосъ, даже душевный жаръ—все это только сырые матеріалы, требующіе обработки. Если ими одаренъ человѣкъ, неизучающій искусство, всѣ эти качества только краски и кисти въ рукахъ неимѣющаго понятія объ основныхъ правилахъ живописи. Возьмемъ для примѣра спектакли любителей-самоучекъ: участвующіе въ нихъ, бо́льшею частію люди воспитанные и образованные, необижены природными достоинствами; есть между ними, можетъ быть, и даровитыя личности. Но для человѣка, опытнаго въ дѣлѣ театральнаго искусства, подобные спектакли, зачастую, далеко неудовлетворительны. Положимъ, что масса зрителей часто бываетъ довольна, но судъ публики не есть еще судъ науки; а наука-то и замѣтитъ, что въ этихъ спектакляхъ многіе грѣшатъ противъ правильности дикціи, не рѣдко слышится фальшъ въ интонаціи, ошибочныя ударенія на словахъ, произвольные жесты, вовсе неподходящіе къ смыслу. Стало-быть, драматическое искусство дается не такъ легко, или вѣрнѣе сказать, оно, какъ и всякое искусство, не пріобрѣтается безъ науки. Какъ нельзя быть хорошимъ ремесленникомъ, не изучивъ первыхъ правилъ мастерства, также точно нельзя быть и артистомъ, не изучивъ техники этого искусства, т. е. его теоріи.

Актеръ—сценическій ораторъ, каѳедра его—сцена; онъ заставляетъ зрителя и плакать, и смѣяться,—онъ могучимъ талантомъ потрясаетъ его до глубины души. Актеръ дѣйствуетъ на слухъ, на разумъ, на зрѣніе и на сердце своихъ слушателей. Чтобы пріятно дѣйствовать на слухъ, надобно имѣть ясную, внятную дикцію, основанную на грамматическихъ правилахъ языка; чтобы дѣйствовать на разумъ, актеръ долженъ усвоить всю силу,

всю сущность выражаемой имъ мысли; мало сказать—усвоить; онъ долженъ сродниться съ нею. Только, изучивъ сердце человѣческое и сокровеннѣйшіе его изгибы, актеръ можетъ дѣйствовать на сердце слушателя. Игра физіономіи (т. е. мимики), благородные, умѣренные жесты, плѣняя зрѣніе, довершаютъ наконецъ то очарованіе, которое артистъ можетъ произвести на зрителя. Ухо—главный проводникъ рѣчи къ сердцу и къ разуму, и потому говорящій при многочисленномъ собраніи ни на одну минуту не долженъ забывать о достиженіи каждаго своего слова до чужаго слуха. При этомъ Квинтиліанъ дѣлаетъ остроумное сравненіе: «ухо», говоритъ онъ, «передняя; ежели слова входятъ въ нее, какъ попало, въ безпорядкѣ, то едва-ли они проникнутъ во внутренніе покои, т. е. разумъ и сердце».

Правильность произношенія—въ прямой зависимости отъ грамматики языка. Не надо упускать изъ виду, что отъ неправильнаго ударенія на словѣ не рѣдко искажается самый смыслъ рѣчи. Торопливость—обыкновенный порокъ всѣхъ начинающихъ учиться декламаціи. Конечно, при всякомъ чтеніи встрѣчаются мѣста, которыя слѣдуетъ читать съ ускореннымъ тактомъ; но ускоренный тактъ не надо смѣшивать съ торопливостью; у читающаго торопливо, слова бѣгутъ въ перегонку, окончанія ихъ съѣдаются, звуки сливаются въ какое-то утомительное гудѣнье; онъ не знаетъ, гдѣ перевести духъ, стало-быть, тутъ некогда думать о выраженіи.

Итакъ, послѣ всего сказаннаго мною, кажется, мудрено будетъ согласиться съ тѣмъ актеромъ, который возьметъ себѣ за правило руководствоваться одной только натурой. Вѣдь бормотать себѣ подъ носъ, или шептать, тоже дѣло натуральное,—но каково же тогда будетъ бѣднымъ слушателямъ? Въ недавнее еще время, рьяные поклонники такъ-называемой «натуральной школы» требовали отъ актера только одной безъискусственной натуры; желали, чтобъ онъ игралъ по вдохновенію, игралъ душою. Такъ говаривали, во время оно, о Мочаловѣ (объ этомъ, дѣйствительно, самородномъ, но не развитомъ талантѣ) его поклонники. Нѣкоторые изъ нихъ сами сознавались, что иногда покойному Мочалову случалось играть всю роль изъ рукъ-вонъ плохо; но за то, по ихъ отзывамъ, вырывалась у него одна вдохновенная минута, которая искупала всѣ его недостатки. Странное понятіе о

театральномъ искусствѣ! Тутъ, стало-быть, актеръ уже не художникъ, а вдохновенная пиѳія; но я не думаю, чтобъ и древняя пиѳія могла имѣть способность вдохновляться ежедневно.

Такъ-называемые: паѳосъ, экстазъ, восторженность—есть уже не нормальное состояніе человѣка; актеръ, дошедшій до самозабвенія, естественнымъ образомъ, долженъ забыть свою роль; а забывъ свою роль, онъ разрушаетъ уже очарованіе, произведенное имъ на зрителя. Если высокоталантливый актеръ можетъ владѣть сердцемъ зрителя, то, въ свою очередь, онъ долженъ умѣть владѣть своими чувствами, не увлекаться ими и держать ихъ въ извѣстныхъ границахъ.

Женщина, по природѣ своей, впечатлительнѣе мужчины; если нервная актриса даетъ полную волю своимъ чувствамъ, зальется слезами, съ нею можетъ сдѣлаться истерика, того гляди, наконецъ, упадетъ въ обморокъ,—и тогда, разумѣется, она не въ состояніи будетъ кончить свою роль; тогда придется опустить завѣсу, послать за докторомъ. Конечно, все это очень естественно, но едва-ли такой результатъ можетъ быть пріятенъ зрителямъ.

Здѣсь мнѣ пришелъ на память случай, бывшій со мною въ Москвѣ: однажды покойный Мочаловъ игралъ Фердинанда въ драмѣ «Коварство и Любовь», и игралъ, дѣйствительно, на этотъ разъ неудачно; но въ одномъ мѣстѣ вдругъ весь театръ разразился оглушительнымъ взрывомъ аплодисментовъ. Мой сосѣдъ-купчикъ прыгалъ на своихъ креслахъ, билъ въ ладоши, стучалъ ногами и бѣсновался громче всѣхъ. Фраза, вызвавшая такой шумный восторгъ, была произнесена Мочаловымъ шопотомъ, такъ что я никакъ не могъ ее уловить. Я обратился къ моему восторженному сосѣду и спросилъ его:

—Что такое сказалъ Мочаловъ?

Мой сосѣдъ немного сконфузился и наивно отвѣчалъ мнѣ:

— «Не слышалъ, батюшка, извините; но играетъ-то, вѣдь, какъ злодѣй, чудо, чудо!»

Надобно признаться, что и этотъ отвѣтъ былъ тоже довольно чуденъ.

— Ужъ не одна-ли это изъ тѣхъ минутъ, отъ которыхъ съ ума сходятъ его поклонники, подумалъ я. Если это такъ, то каково же зрителю сидѣть въ театрѣ часа четыре и ждать одной вдохновенной минуты. И придетъ-ли она, Богъ вѣсть.

И наконецъ, вознаградитъ-ли она его за скуку цѣлаго вечера—это еще вопросъ.

Я помню безпрерывные, отчаянные споры театральныхъ рецензентовъ, когда на двухъ столичныхъ сценахъ были два трагика, ничѣмъ не похожіе другъ на друга и глядѣвшіе на свое дѣло съ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія. Мочаловъ, по словамъ москвичей, былъ вдохновенный поэтъ; Каратыгинъ (братъ мой)—пластикъ и искусный лицедѣй, который никогда не могъ достигнуть мочаловскаго паѳоса. Первому изъ нихъ случалось не рѣдко выходить на сцену съ нетвердой ролью, потому что онъ надѣялся на свою способность вдохновляться; второй—строго изучалъ свое искусство и до того твердо приготовлялъ свои роли, что обыкновенно просилъ суфлеровъ не сбивать его напраснымъ усердіемъ. Говорить на сценѣ своими словами, по моему, большое злоупотребленіе въ актерѣ,—онъ не имѣетъ никакого права распоряжаться чужою собственностью. И можетъ-ли онъ поручиться, что скажетъ лучше своими словами, нежели то, что написано авторомъ въ тиши кабинета, гдѣ каждая фраза была имъ обдумана и округлена, каждое слово взвѣшено и имѣетъ свое мѣсто и значеніе. Оттого-то иногда актеръ, позволяющій себѣ эту вольность, и попадается въ просакъ. Можетъ случиться, что упрямое вдохновеніе не придетъ къ нему свыше, а суфлеръ—не поможетъ ему снизу, тогда и придется ему розыграть роль лѣниваго школьника на публичномъ экзаменѣ.

Знаменитую Ристори также, какъ и моего брата, критики-реалисты упрекали въ излишней пластичности, рутинной ходульности и обдуманной подготовкѣ; но что за дѣло—какимъ путемъ они достигали цѣли, а они ее достигали съ блестящимъ успѣхомъ. Если ихъ игра была не естественна и бездушна, они не могли бы потрясать душу зрителя, не могли бы заставлять его плакать. Теперь спрашивается: возможно-ли, чтобы эти артисты оставались безчувственными, такъ сильно дѣйствуя на чувство своихъ зрителей?

Неужели это былъ фокусъ зажигательнаго стекла, которое, воспламеняя, само остается холоднымъ? Нѣтъ, сердце нельзя обмануть никакимъ фокусомъ.

III.

Занятія мои въ Театральномъ училищѣ шли обычнымъ своимъ чередомъ; я продолжалъ тамъ заниматься раза три или четыре въ недѣлю. Въ Великій и Успенскій посты, какъ я уже говорилъ, были тамъ постоянные спектакли. Максимовъ началъ уже играть на публичномъ театрѣ и года черезъ два вышелъ изъ училища; Мартыновъ продолжалъ прилежно со мною заниматься и, наконецъ, также дебютировалъ на большой сценѣ. Онъ въ первый разъ игралъ, подъ моимъ руководствомъ, въ комедіи «Глухой, или полный трактиръ» роль Глупдубридова; хотя этотъ дебютъ нельзя было назвать вполнѣ удовлетворительнымъ, но и тогда можно было видѣть въ Мартыновѣ хорошіе задатки въ будущемъ. Выйдя изъ училища, онъ продолжалъ играть не важныя роли. Въ ту пору Дюръ былъ въ полномъ развитіи своего разнообразнаго таланта, и по заслугамъ могъ считаться любимцемъ публики; стало-быть, при такомъ счастливомъ соперникѣ, Мартынову мудрено было выдвинуться впередъ; только по смерти Дюра, и то еще не вскорѣ, онъ началъ обращать на себя вниманіе начальства и публики, и наконецъ, занялъ первыя комическія роли.

Театральное начальство было довольно успѣхами моихъ учениковъ и ученицъ, и послѣ Великаго поста я неоднократно получалъ письменную благодарность директора; потомъ, года черезъ три, по представленію кн. Гагарина, я получилъ отъ государя золотую табакерку. Но окладъ жалованья мнѣ, однако же, не увеличили, не смотря на то, что жалованье Брянскаго и Вальберховой, должность которыхъ я занялъ, оставалось въ экономіи.

IV.

Въ началѣ 1830-хъ годовъ бывшій режиссеръ Боченковъ вышелъ на пенсію; на мѣсто его надобно было выбрать другаго режиссера; тогдашній членъ репертуарной части Рафаилъ Михайловичъ Зотовъ, съ согласія директора, кн. Гагарина, предложилъ мнѣ это почетное мѣсто; но я уклонился отъ этой чести, не смотря на то, что вмѣстѣ съ этой должностью, увеличился бы окладъ моего жалованья болѣе нежели вдвое. Режиссеръ тогда получалъ 4,000 руб. асс. и полный бенефисъ.

Нѣсколько причинъ побуждали меня отказаться отъ должности режиссера: 1) Должность эта была несходна съ моимъ уступчивымъ и открытымъ характеромъ. Режиссеръ — посредникъ между начальствомъ и своими товарищами; ему слѣдуетъ угождать и той, и другой сторонѣ, а возможно-ли это? Если онъ, положимъ даже по своему убѣжденію, иногда склонится на одну сторону, непремѣнно возбудитъ неудовольствіе въ другой. Самолюбіе артиста— самое раздражительное чувство; а тутъ самолюбіе двухъ половъ! Кто не знаетъ, каково женское самолюбіе. Попробуй, напримѣръ, режиссеръ оказать предпочтеніе талантливой актрисѣ,—какой крикъ поднимутъ ея бездарныя соперницы. Осмѣлься сказать устарѣлой агнесѣ, что ей пора перейти на амплуа пожилыхъ дѣвъ или благородныхъ матерей,—она, въ своемъ ослѣпленіи, готова тебѣ глаза выцарапать. Замѣть какому-нибудь небольно грамотному, хотя и талантливому актеру, что онъ говоритъ безсмыслицу, что другой не понимаетъ характера своей роли, или одѣтъ не такъ, какъ слѣдуетъ, или... но всѣхъ примѣровъ не перечтешь. Не говоря уже о женскихъ костюмахъ, которые, ради кокетства, такъ часто искажаются на сценѣ; о закулисныхъ дрязгахъ и мелочахъ, которыхъ нѣтъ возможности перечесть. Отецъ мой, какъ я уже выше говорилъ въ своихъ «Запискахъ», былъ тоже режиссеромъ; но занималъ эту должность не болѣе двухъ лѣтъ, вѣроятно, по той же самой причинѣ, по которой и я отказался. 2) Эта хлопотливая должность отторгла бы меня отъ моей семьи, въ которой было все мое счастіе; я бы долженъ былъ ежедневно оставлять свою молодую жену, дѣтей—утромъ и вечеромъ; режиссеръ даже ночью, какъ брантмейстеръ, не можетъ поручиться, чтобъ его не потревожили по случаю внезапной болѣзни кого-нибудь изъ артистовъ,—и онъ, зачастую, въ полночь долженъ отправляться въ типографію, чтобы при перемѣнѣ спектакля измѣнить напечатанную уже афишу. 3) Сдѣлавшись такимъ неусыпнымъ труженикомъ, я бы не могъ успѣвать, какъ актеръ: я бы долженъ былъ отказываться отъ многихъ ролей, потому что у меня физически не достало бы времени ихъ приготовлять, а я душой любилъ свое искусство. 4) Въ то время братъ мой и его жена занимали первое амплуа; я легко могъ быть пристрастенъ относительно ихъ обоихъ по родственному чувству,—могъ подчиниться ихъ вліянію и вслѣдствіе того быть не справедливымъ къ моимъ

товарищамъ. Еслибъ я даже дѣйствовалъ по своему убѣжденію, то и тутъ бы я, конечно, не избѣгъ нарѣканій [1]). Наконецъ, 5) мнѣ бы тогда надобно было заниматься только сочиненіемъ рапортовъ, рапортичекъ, требованій и прочихъ пустяковъ, и бросить перо водевилиста, а писать для сцены была у меня страстишка съ малолѣтства. Можетъ быть, мои критики-антагонисты скажутъ по этому случаю:

— «Ну, тутъ еще не велика потеря».

Можетъ быть, они будутъ и правы; да мнѣ-то самому это занятіе доставляло удовольствіе. Итакъ, въ виду вышеизложенныхъ причинъ, я не задумался отказаться и отъ почетной должности, и отъ матеріальныхъ выгодъ. Впослѣдствіи, при другомъ директорѣ, мнѣ два раза вновь предлагали эту должность, но я измѣнилъ моимъ убѣжденіямъ.

Въ этотъ же промежутокъ времени я былъ приглашенъ занять должность учителя драматическаго искусства въ Морскомъ корпусѣ. Такого класса до тѣхъ поръ никогда не бывало ни въ одномъ изъ военно-учебныхъ заведеній; и вотъ по какому случаю устроился тамъ этотъ классъ. Однажды покойный государь Николай Павловичъ заѣхалъ въ Морской корпусъ; разспрашивая нѣкоторыхъ старшихъ гардемариновъ, готовившихся къ выпуску изъ корпуса, онъ обратилъ вниманіе на дурной выговоръ и вообще на неясное произношеніе у нѣкоторыхъ изъ нихъ, и тутъ же сказалъ адмиралу Крузенштерну, бывшему тогда директоромъ корпуса:

— «Иванъ Ѳедоровичъ, они у тебя дурно говорятъ, бормочатъ, съѣдаютъ слова,—нельзя-ли этому пособить? пригласи кого-нибудь изъ актеровъ съ ними заниматься; пусть онъ заставляетъ ихъ читать вслухъ стихи, или хоть театральныя пьесы, чтобы обработать ихъ выговоръ» [2]).

Воля государя, разумѣется, не могла остаться безъ исполненія, и адмиралъ Крузенштернъ предложилъ мнѣ взять на себя

---

[1]) Здѣсь я замѣчу мимоходомъ: по моему мнѣнію, чтобы избѣжать упрека въ пристрастіи, режиссеръ не долженъ имѣть въ труппѣ ни жены, ни дѣтей, ни свата, ни брата; короче сказать, никакихъ родственныхъ связей и отношеній. П. К.

[2]) Эти слова покойнаго государя были мнѣ переданы капитаномъ Юхариным, который былъ тогда командиромъ роты гардемариновъ. П. К.

эту обязанность; я согласился, и такимъ образомъ устроился въ корпусѣ постоянный классъ декламаціи, одинъ разъ въ недѣлю. Я занимался съ гардемаринами по два и по три часа въ недѣлю; заставлялъ ихъ читать Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя, Кукольника, Полеваго и другихъ,—давалъ имъ выучивать цѣлыя сцены; а на Рождествѣ или на Масляницѣ устраивалъ домашніе спектакли,—у меня до сихъ поръ еще сберегаются печатныя афиши этихъ спектаклей. Многіе изъ тогдашнихъ юныхъ моряковъ теперь—давно уже контръ- и вице-адмиралы и ихъ доблестныя имена теперь красуются на страницахъ исторіи русскаго флота. Занятія мои въ Морскомъ корпусѣ продолжались года полтора; по смерти Крузенштерна, хотя этотъ классъ и былъ отмѣненъ, но меня ежегодно приглашали устраивать домашніе спектакли, какъ въ Морскомъ корпусѣ, такъ равно и въ Пажескомъ и другихъ кадетскихъ корпусахъ.

Въ продолженіе моей долговременной службы никто изъ моихъ товарищей болѣе меня не былъ приглашаемъ для постановки домашнихъ спектаклей, начиная съ высочайшаго двора и аристократическихъ домовъ до солдатскихъ спектаклей въ казармахъ включительно. Вообще объ этихъ домашнихъ спектакляхъ я поговорю подробнѣе впослѣдствіи; теперь снова обращусь къ моей сценической дѣятельности.

Въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ, занятія мои шли очень хорошо и однообразно,—я почти каждый день игралъ; но роли мои были самыя неблагодарныя: кромѣ приторныхъ любовниковъ, изображалъ я холодныхъ резонеровъ, придворныхъ и тому подобныя личности—безъ лицъ. А между тѣмъ, представляя свѣтскихъ молодыхъ людей, я обязанъ былъ ежедневно заботиться объ изяществѣ своего костюма, быть въ чистомъ бѣльѣ, въ чистыхъ перчаткахъ, лаковыхъ сапогахъ, и вообще долженъ былъ быть приличенъ, чтобъ не возбудить смѣха своимъ неряшливымъ туалетомъ или какой-нибудь неловкостью; но при томъ скудномъ жалованьѣ, которое я тогда получалъ, мудрено мнѣ было франтить на сценѣ; дирекція же особенныхъ денегъ на городскіе костюмы мнѣ не назначала.

Семейство мое въ это время умножилось: у меня было тогда уже четверо дѣтей; сынъ отъ перваго брака, двѣ дочери и сынъ отъ втораго. Здѣсь мнѣ пришелъ на память грустный эпизодъ

изъ моей домашней жизни. Въ 1839 году, въ маѣ мѣсяцѣ, захворали наши дѣти корью; два сына и меньшая дочь (Вѣра) лежали уже въ постелѣ нѣсколько дней, а старшая дочь (Надя), 3-хъ лѣтъ, была еще на ногахъ. Докторъ не совѣтовалъ намъ отдѣлять ее отъ другихъ больныхъ дѣтей, такъ какъ эта болѣзнь —дѣло обычное въ дѣтскомъ возрастѣ. Наканунѣ еще эта малютка играла безпечно со своими игрушками, бѣгала, рѣзвилась; но на другой день и она слегла. Бѣдная моя жена сбилась съ ногъ, не отходила отъ дѣтей, не раздѣвалась по цѣлымъ недѣлямъ. Между тѣмъ, болѣзнь старшаго сына моего отъ перваго брака была опасна въ высшей степени. Этотъ первенецъ мой былъ самый любимый внукъ моей матери, которая, разумѣется, навѣщала его въ это время ежедневно. Жена моя, видя ея отчаяніе и мою грусть, сказала мнѣ однажды въ слезахъ:

— «Другъ мой, я вижу, что наши дѣти всѣ одинаково опасны; но если намъ суждено лишиться кого-нибудь изъ нихъ, пусть падетъ этотъ жестокій жребій на одного изъ моихъ дѣтей, лишь бы твой Николай остался живъ».

И что же? Точно ангелъ смерти подслушалъ ея благородный вызовъ. Черезъ нѣсколько дней бѣдняжка Надя умерла, а всѣ прочія дѣти начали выздоравливать. Въ тотъ грустный вечеръ я долженъ былъ играть въ новой пьесѣ добраго моего товарища-однокашника (актера Шемаева); роль моя была довольно значительная, отказъ мой поставилъ бы его въ большое затрудненіе— надо бы было перемѣнить спектакль,—и потому отказаться мнѣ было невозможно.

Уѣзжая въ театръ, я поцѣловалъ, перекрестилъ мою бѣдную дочку, у которой началась уже предсмертная агонія, и поѣхалъ «комедь ломать». Почтеннѣйшая публика! Не судите иногда слишкомъ строго нашего брата-актера, если онъ, подчасъ, не такъ удачно васъ потѣшаетъ: вѣдь онъ тоже мужъ, отецъ, семьянинъ; удѣлите же частичку вашего снисхожденія на долю и человѣка.

Какъ я игралъ въ тотъ вечеръ—не помню; удивляюсь теперь только, какъ я могъ помнить тогда свою роль. Возвратясь изъ театра, я нашелъ умирающее дитя мое еще дышащимъ; но черезъ часъ мы съ женою приняли ея послѣдній вздохъ. Наутро, когда ребенка обмыли и положили на столъ, бѣдная жена моя съ ры-

даньемъ обливала слезами холодный трупъ милой дочери. Я плакалъ вмѣстѣ съ нею, но чтобъ нѣсколько успокоить, сказалъ ей:

— «Другъ мой, не ропщи на Провидѣніе и покорись волѣ Божіей. Можетъ быть, это, точно, жертва искупленія. Ты помнишь свои благородныя и страшныя слова; ты сама вызвалась принести эту жертву для моего первенца. Можетъ быть, судьба подслушала тебя и послала тебѣ испытаніе».

Она пожала мою руку и сказала мнѣ:

— «Да, да, я ихъ помню; я не ропщу, я постараюсь быть тверже, постараюсь удержать свои слезы,—но, вѣдь, это первая моя потеря!» и рыданія заглушили ея слова.

V.

Теперь я стану продолжать свой послужной списокъ и опишу постепенный мой переходъ на другое амплуа. Въ 1833 году, 1-го марта, я отслужилъ свой обязательный десяти-лѣтній срокъ —за воспитаніе въ Театральномъ училищѣ и заключилъ съ дирекціей первый контрактъ. Будучи отъ природы веселаго характера, моя антипатія къ скучнымъ ролямъ любовниковъ была весьма естественна; я только и мечталъ о томъ, чтобъ перемѣнить несносное амплуа, но эта задача была довольно трудная. Главное препятствіе встрѣчалъ я, разумѣется, со стороны администраціи; меня заставляли тянуть любовную канитель не потому, чтобы я былъ, дѣйствительно, хорошъ въ этихъ роляхъ, но потому, что другіе-то молодые люди были чуть-ли не хуже меня.

Первая комическая роль, которую мнѣ давелось сыграть, была роль Загорецкаго—въ «Горе отъ ума» (если не считать роли Репетилова, которую я еще въ 1830 году исполнялъ раза четыре за отсутствіемъ Сосницкаго). За тѣмъ было еще нѣсколько комическихъ ролей, по назначенію дирекціи, какъ-то: Маршала—въ драмѣ «Коварство и Любовь», Вилькинса — въ драмѣ «Она помѣшана», Флорестона — въ комедіи «Первая любовь» (за эту роль я былъ нѣсколько разъ вызванъ, что въ то время считалось большой наградой). Но въ 1837 году Дюръ (зять мой по первой моей женѣ) бралъ въ свой бенефисъ новый водевиль, подъ названіемъ «Архиваріусъ» и уговаривалъ меня сыграть въ немъ главную комическую роль. Я долго не соглашался на его просьбу, боясь, во-первыхъ, принять на себя отвѣтственную роль, отъ

которой зависѣлъ успѣхъ пьесы, а во-вторыхъ, я никогда не пѣлъ на сценѣ, а тутъ было нѣсколько большихъ куплетовъ, что могло бы меня затруднить; но Дюръ, какъ хорошій музыкантъ, брался мнѣ помочь въ этомъ дѣлѣ. Наконецъ, я рѣшился и роль Архиваріуса удалась мнѣ противъ всякаго моего ожиданія; меня за нее вызывали два раза и похвалили во всѣхъ журналахъ. Это былъ мой первый шагъ на веселой, водевильной дорожкѣ.

Въ этомъ же году пріѣхала въ Петербургъ знаменитая танцовщица Тальони и произвела необыкновенный фуроръ, такъ что билеты на ея представленія брали чуть не приступомъ. Это обстоятельство дало мнѣ мысль написать водевиль-а-propos на этотъ случай.

Въ слѣдующемъ 1838 году, апрѣля 25-го, назначенъ мнѣ былъ бенефисъ (по контракту). Этотъ бенефисъ составился у меня довольно удачно: я взялъ «Русалку» — Пушкина, потомъ «15-тилѣтній король» — комедію въ 2-хъ дѣйствіяхъ, «Домъ на Петербургской сторонѣ» — водевиль, передѣланный мною съ французскаго, и оригинальный водевиль-а-propos, подъ названіемъ «Ложа 1-го яруса на послѣдній дебютъ Тальони». Въ обѣихъ послѣднихъ пьесахъ я написалъ для себя главныя комическія роли; спектакль удался на славу, доставилъ мнѣ полный сборъ и я получилъ отъ покойнаго государя драгоцѣнный брилліантовый перстень. Вообще этотъ спектакль такъ понравился публикѣ, что его въ полномъ составѣ давали болѣе 15-ти разъ въ продолженіи мая мѣсяца и каждый разъ при полномъ сборѣ, что въ это время года, когда петербургская публика обыкновенно разъѣзжается за границу, по деревнямъ или на дачи, можно было считать тогда небывальщиной. И точно, этотъ спектакль былъ замѣчателенъ по своему дружному исполненію (ансамблю), что не всегда удается на нашей сценѣ.

Молодая актриса Асенкова, тогдашняя любимица публики, была въ полномъ развитіи своего симпатичнаго таланта; она играла въ трехъ пьесахъ (Русалку, 15-ти-лѣтняго короля и Сонюшку—въ «Ложѣ 1-го яруса») и всѣ три роли исполнены были ею превосходно. Сосницкая, Дюръ, Максимовъ, Мартыновъ, Григорьевъ 2-й[1]) и Воротниковъ много содѣйствовали успѣху моей

[1]) Григорьевъ 2-й былъ неподражаемъ въ роляхъ апраксинскихъ купчиковъ. Въ этой пьесѣ ему разрѣшено было варьировать свою роль и онъ почти

пьесы; даже второстепенные актеры, представлявшіе вводныхъ лицъ въ этомъ водевилѣ, и тѣ были всѣ на своихъ мѣстахъ, исполняли свои маленькія роли съ большимъ стараніемъ и были очень забавны; нѣкоторые изъ нихъ, для большаго эфекта, поддѣлывались подъ личности извѣстныхъ въ то время театраловъ и копировали ихъ очень удачно; такъ напримѣръ, актеръ Милославскій каррикатурилъ извѣстнаго въ то время барина Поливанова; актеръ Беккеръ поддѣлался подъ фигуру Элькана (также всѣмъ извѣстную личность), и многіе другіе.

Есть русская поговорка: «не родись ни хорошъ, ни пригожъ — родись счастливъ». Эта поговорка сбылась надъ моей пьеской. И точно, можно подумать, что мысль — написать эту бездѣлку родилась у меня въ счастливую минуту. Написалъ я ее въ продолженіи пяти или шести дней — не болѣе; но выгоды, которыя она мнѣ доставила, были огромныя. Не говоря уже о полномъ сборѣ въ мой бенефисъ и царскомъ подаркѣ, эта пьеса имѣла значительное вліяніе на мою театральную карьеру; съ этихъ поръ публика начала мнѣ оказывать свое расположеніе, часто аплодировала при появленіи моемъ на сцену; директоръ также сталъ благоволить ко мнѣ, и не мудрено: моя пьеса давала дирекціи огромные сборы, а она не истратила ни гроша на ея постановку. Наконецъ, этой счастливой бездѣлкѣ я обязанъ былъ рѣшительнымъ переходомъ на комическія роли и, такъ сказать, выдвинулся изъ жалкой посредственности. Но что всего дороже было для меня — это благосклонность и ласка покойнаго государя; тутъ въ первый разъ онъ удостоилъ говорить со мною, и съ тѣхъ поръ постоянно изъявлялъ мнѣ свое милостивое вниманіе, которое продолжалось до самой его кончины.

Въ мой бенефисъ государь не былъ въ театрѣ, хотя я и получилъ, по представленію министра двора, подарокъ; но дня черезъ четыре и именно 30-го апрѣля, въ субботу, по его приказанію, былъ назначенъ русскій спектакль и данъ былъ мой водевиль: «Ложа 1-го яруса». Въ этотъ вечеръ покойный государь пріѣхалъ въ театръ вмѣстѣ съ императрицей, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и другими высочайшими осо-

---

каждый разъ вставлялъ въ свою сцену какой-нибудь новый разсказъ, городской современный анекдотъ и т. п., и потѣшалъ публику своимъ балагурствомъ.
П. К.

бами. Назначеніе русскаго спектакля въ субботу насъ всѣхъ тогда удивило, потому что покойный государь былъ вообще очень строгъ относительно православныхъ обычаевъ; но что именно было причиною такого назначенія, мнѣ въ точности неизвѣстно. Можетъ быть, предположено было двору на другой день переѣхать въ Царское Село, что постоянно бывало въ концѣ апрѣля.

Государь остался совершенно доволенъ, какъ пьесой, такъ и исполненіемъ ея; приходилъ въ антрактѣ на сцену вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, и, подозвавъ меня къ себѣ, обласкалъ и похвалилъ меня. Въ то же лѣто, 7-го іюня, по собственному назначенію государя, мы играли эту пьесу въ Петергофѣ; за этотъ спектакль я получилъ опять брилліантовый перстень.

Я помню, какъ въ этотъ день, часа въ три, мы собрались въ Мон-плезирѣ, гдѣ намъ приготовленъ былъ обѣдъ,— и только что мы сѣли за столъ, какъ вбѣжалъ камеръ-лакей и сказалъ, что государь съ императрицей подъѣхалъ въ кабріолетѣ къ крыльцу и желаетъ видѣть актрису Асенкову; она выбѣжала на крыльцо, а мы всѣ подошли къ окнамъ. Государь отрекомендовалъ Асенкову императрицѣ, сказалъ ей нѣсколько ласковыхъ словъ; потомъ обратился къ намъ и спросилъ: хорошо-ли мы помѣщены и всѣмъ-ли довольны?

По отъѣздѣ государя, мы тутъ же, прежде супа, спросили шампанскаго и съ дружнымъ «ура!» выпили за его царское здоровье. Въ томъ же мѣсяцѣ, 26-го числа, великій князь Михаилъ Павловичъ приказалъ сыграть мой водевиль въ Павловскѣ. По окончаніи спектакля, великій князь представилъ меня своей супругѣ Еленѣ Павловнѣ и былъ ко мнѣ и другимъ артистамъ, участвовавшимъ въ этой пьесѣ, очень милостивъ. Потомъ, въ ноябрѣ, два раза играли этотъ водевиль, по высочайшему повелѣнію, безъ афиши, то есть, назначали его въ самый день представленія. Короче, эта пьеса такъ понравилась государю, что онъ ее видѣлъ, конечно, болѣе десяти разъ.

Покойный государь имѣлъ обыкновеніе ежегодно осенью, въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ, переѣзжать въ Гатчину съ царственной своей семьей недѣли на двѣ,— это было время его отдыха; туда же приглашались нѣкоторые изъ придворныхъ чиновъ и близкіе его любимцы. Время проводилось безо всякаго

этикета; утро посвящалось прогулкѣ или охотѣ; на завтракъ и обѣдъ всѣ собирались за-просто; вечеромъ карты, концерты, шарады и разныя развлеченія.

Въ одну изъ этихъ поѣздокъ (кажется, въ 1840 году) вотъ что тамъ происходило, по разсказамъ тѣхъ лицъ, которыя были тогда въ Гатчинѣ. Государю было угодно устроить домашній спектакль и онъ для этого спектакля выбралъ все-таки мою «Ложу 1-го яруса»; самъ назначилъ роли и присутствовалъ на всѣхъ репетиціяхъ. По словамъ участвовавшихъ въ этой пьесѣ, репетиціи эти были самымъ веселымъ препровожденіемъ времени; на каждой изъ нихъ придумывали новую шутку, или остроту. Спектакль, говорятъ, прошелъ на славу, и многіе изъ участвовавшихъ въ немъ долго вспоминали объ этомъ веселомъ вечерѣ.

На память этого спектакля женскій персоналъ получилъ тогда отъ покойнаго государя по драгоцѣнному браслету, на которыхъ было вырѣзано: «Гатчина, такого-то года, мѣсяца и числа»—и тутъ же «имя и отчество того персонажа, какое она занимала въ пьесѣ».

Этотъ водевиль былъ мною тогда напечатанъ и два изданія его разошлись въ самое короткое время. На публичныхъ же сценахъ, онъ въ продолженіи двухъ лѣтъ былъ сыгранъ около ста разъ. Но, можетъ быть, я уже слишкомъ долго о немъ распространяюсь. Что дѣлать? Старые люди живутъ уже воспоминаніемъ.

Въ 1839 году я для своего бенефиса написалъ новый водевиль, подъ названіемъ «1-е іюля въ Петергофѣ» (ежегодный праздникъ въ день рожденія императрицы). Когда бенефисъ мой уже былъ выставленъ на афишѣ, государь, увидя меня въ Михайловскомъ театрѣ, подозвалъ къ себѣ и съ улыбкой сказалъ мнѣ:

— «Я видѣлъ на афишѣ твой бенефисъ; ты берешь сюжеты изъ моихъ помѣстій? Что же тутъ представляется?»

— Ваше величество, отвѣчалъ я ему, представить лицевую сторону этого великолѣпнаго праздника на театрѣ нѣтъ никакой возможности, онъ выше всякаго описанія,—и потому я взялъ только изнанку его: представилъ задній дворъ и гуляньку людей средняго и простаго класса.

—«Ну, въ этотъ день мнѣ не случалось туда заглядывать», отвѣчалъ государь. «Пріѣду, непремѣнно пріѣду къ тебѣ въ гости».

Я поклономъ поблагодарилъ государя за обѣщанную милость и онъ сдержалъ слово — удостоилъ своимъ посѣщеніемъ мой бенефисъ вмѣстѣ съ императрицей, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и съ другими великими князьями.

Здѣсь я приведу въ примѣръ, какъ покойный императоръ былъ милостивъ и снисходителенъ къ артистамъ. Актриса Асенкова, какъ я выше уже замѣтилъ, пользовалась благосклонностью государя за свой прекрасный талантъ; за два года до ея кончины, въ 1839 году, Н. А. Полевой написалъ для ея бенефиса драму: «Параша Сибирячка»; цензура не одобрила ее къ представленію. Авторъ и бенефиціантка были въ отчаяніи; оставалось одно средство — просить высочайшаго разрѣшенія. Асенкова рѣшилась на эту крайнюю мѣру и, выбравъ удобную минуту, лично въ театрѣ просила государя объ этой милости. Онъ потребовалъ къ себѣ пьесу. Времени до бенефиса оставалось уже немного, но отвѣта на просьбу Асенковой не было; она томилась въ мучительномъ ожиданіи, однако-жъ, утруждать государя вторичной просьбой, разумѣется, не осмѣливалась. Въ одно изъ представленій знаменитой танцовщицы Тальони, государь былъ въ Большомъ театрѣ и во время антракта вышелъ изъ своей ложи на сцену; увидя меня, онъ подозвалъ къ себѣ и спросилъ:

— «Когда назначенъ бенефисъ Асенковой?»

Я ему отвѣчалъ, что черезъ двѣ недѣли; тутъ государь, съ обычной своей любезностью, сказалъ мнѣ:

— «Я почти кончилъ представленную мнѣ драму Полеваго и не нахожу въ ней ничего такого, за чтобы слѣдовало ее запретить; завтра я возвращу пьесу; повидай Асенкову и скажи ей объ этомъ. Пусть она на меня не пѣняетъ, что я задержалъ ея пьесу. Что-жъ дѣлать? у меня въ это время были дѣла, нѣсколько поважнѣе театральныхъ пьесъ».

Я, не досмотря спектакля, поскакалъ къ Асенковой обрадовать ее; тутъ же у нее въ гостяхъ случился нѣкто Песоцкій — издатель «Репертуара русскаго театра», который былъ записной театралъ и разсчитывалъ помѣстить новую драму Полеваго въ своемъ журналѣ; онъ тотчасъ поѣхалъ передать эту радость автору и на другой день былъ обѣдъ у Дюссо по этому случаю. Полевой, Асенкова, Песоцкій, Сосницкій, я и другіе были на этомъ обѣдѣ и мы выпили за здоровье государя и за будущій

успѣхъ «Параши Сибирячки». Успѣхъ, дѣйствительно, былъ самый блестящій. Государь осчастливилъ бенефиціантку своимъ посѣщеніемъ и наградилъ ее прекраснымъ подаркомъ. Въ этотъ же бенефисъ, послѣ «Параши», шелъ въ 1-й разъ мой водевиль, передѣланный съ французскаго, подъ названіемъ «Ножка», который я подарилъ Асенковой. Бенефиціантка исполнила обѣ эти роли съ неподражаемымъ искусствомъ и была восторженно принята публикой.

Въ началѣ 1841 г. русскій театръ лишился этой прекрасной артистки; она умерла отъ чахотки, ровно черезъ годъ послѣ Дюра. Эти двѣ потери были невознаградимы для драматической труппы; оба они горячо и безкорыстно[1]) любили искусство и были украшеніемъ русской сцены; оба они были тогда еще во цвѣтѣ лѣтъ, въ полномъ развитіи своего таланта. Не говоря уже о прекрасномъ и разнообразномъ дарованіи этой молодой артистки, я не могу умолчать о ея миломъ и любезномъ характерѣ; добродушіе и кротость ея доходили до дѣтской наивности. Я не замѣчалъ, чтобъ она кому-нибудь завидовала; не слыхалъ, чтобы съ кѣмъ-нибудь повздорила, что такъ обыкновенно въ нашемъ закулисномъ муравейникѣ. Если она не получила блестящаго воспитанія, то природный ея умъ и тактъ заставляли забывать въ ней этотъ недостатокъ. Собой она хотя не была красавицей въ строгомъ смыслѣ, но миловидность ея была до того симпатична, что собирала около ее толпу поклонниковъ и вздыхателей изъ такъ-называемыхъ театраловъ.

Припоминая прошлое, я съ грустью обращаюсь назадъ: сколько прекрасныхъ, свѣжихъ талантовъ на моей памяти преждевременно сошли со сцены въ могилу. И большая часть изъ нихъ кончили свое поприще, не вполнѣ оцѣненные за свое честное и безкорыстное служеніе искусству. Въ то старое доброе время не было у публики обыкновенія присоединять къ рукоплесканіямъ другой родъ награды своимъ любимцамъ. Теперь лавровые вѣнки, рос-

---

[1]) Тогда еще не было, такъ-называемыхъ, «разовыхъ». Асенкова прослужила на сценѣ всего шесть лѣтъ, и только за годъ до своей кончины заключила контрактъ, по которому ей дирекція назначила самую ничтожную поспектакльную плату по 5 руб. ассигнаціями за каждую сыгранную роль. Дюръ не былъ и 10-ти лѣтъ на сценѣ и умеръ, не получая никакой поспектакльной платы. П. К.

кошные букеты и цѣнные подарки сдѣлались такъ обыкновенны, что рѣдкій бенефисъ не только первыхъ, но, зачастую, второстепенныхъ артистовъ, не обходится безъ этихъ вещественныхъ доказательствъ расположенія зрителей къ бенефиціанту (особенно къ бенефиціанткѣ). Въ 1830-хъ же годахъ, болѣе чѣмъ за четверть вѣка до освобожденія крестьянъ, наша аристократія, помѣщики, гвардія и даже средній классъ были, конечно, позажиточнѣе; къ тому же, тогда не было и такой дороговизны, какъ теперь; но тогда, сколько я помню, ни Асенкова, ни Дюръ, ни другіе первоклассные артисты не были такъ награждаемы, какъ въ нынѣшнее время, хотя, конечно, по справедливости, могли называться любимцами публики. Теперь не только на придворныхъ сценахъ, даже въ театрѣ Буффъ, Берга, клубныхъ спектакляхъ, въ Циркѣ, на Минеральныхъ водахъ, словомъ, вездѣ благосклонная публика щедрою рукою вознаграждаетъ любимыхъ своихъ артистовъ. Чему же, какъ не одной только «модѣ», слѣдуетъ приписать всѣ эти щедрыя овацiи! Да, въ то старое доброе время, хотя артистамъ не подносили лавровыхъ вѣнковъ, не осыпали ихъ цвѣтами, а грѣхъ сказать, чтобы тогда не процвѣтало сценическое искусство.

VI.

Покойная Асенкова (Варвара Николаевна) воспитывалась прежде въ пансіонѣ, потомъ поступила въ Театральное училище, гдѣ пробыла не болѣе года, потому что ее оттуда выключили за неспособность. Тогдашній директоръ, кн. Гагаринъ, въ одно прекрасное утро призвалъ къ себѣ ея мать и сказалъ ей:

— «Вы сами талантливая актриса, но у дочери вашей нѣтъ никакихъ способностей для сцены; возьмите ее лучше теперь же изъ школы, а если она въ ней пробудетъ еще нѣсколько лѣтъ, то выйдетъ оттуда на самое ничтожное жалованье и будетъ какой-нибудь жалкой статисткой, что, конечно, не можетъ быть вамъ пріятно».

Мать Асенковой, получа отъ директора такое категорическое рѣшеніе, должна была взять свою дочь изъ училища и обратилась тогда къ Сосницкому, какъ опытному артисту, прося его заняться съ ея дочерью. Сосницкій далъ ей выучить нѣсколько ролей, но тоже, въ продолженіи цѣлаго года, не могъ замѣтить въ ней особеннаго таланта; но Асенкова страстно любила театръ и про-

должала, не смотря на постоянныя неудачи, прилежно заниматься со своимъ учителемъ, какъ-будто внутреннее чувство говорило ей, что страсть ея къ искусству не можетъ пропасть безслѣдно. Проявленіе сценическаго таланта, дѣйствительно, дѣло загадочное; иногда ученикъ кажется совершенной тупицей, положительною бездарностью, но вдругъ одна какая-нибудь роль, или даже фраза, какъ искра мелькнетъ изъ-подъ пепла и обнаружитъ скрытое дарованіе,—такъ было и съ Асенковой. Однажды Сосницкій проходилъ съ нею роль изъ драмы: «Фанни, или мать и дочь—соперницы»; тутъ ученица прочла одинъ монологъ изъ своей роли съ такимъ чувствомъ, съ такимъ глубокимъ, правдивымъ сознаніемъ, что восхитила своего учителя, и онъ тутъ убѣдился въ развивающемся ея талантѣ.

Въ 1835 году, 25-го января, она дебютировала въ бенефисѣ Сосницкаго, въ комедіи: «Три Султанши» и въ водевилѣ: «Лорнетъ», который я тогда перевелъ для нее. Успѣхъ дебютантки былъ самый блестящій. Покойный государь Николай Павловичъ, по окончаніи спектакля, удостоилъ ее милостивымъ своимъ вниманіемъ и сказалъ ей, что такой удачный дебютъ ручается за будущіе ея успѣхи на сценѣ. Но дирекція, не смотря на высочайшій авторитетъ, еще долго не соглашалась заключить съ нею контракта; наконецъ, хлопоты ея матери разными окольными путями достигли своей цѣли и Асенкова поступила на сцену. Выше было сказано мною о ея поклонникахъ-театралахъ; здѣсь мнѣ припомнился одинъ пасквильный, грубый эпизодъ изъ ея жизни. Какой-то очень юный сынъ Марса (фамилію его теперь не могу вспомнить), вѣроятно, отверженный ея обожатель, сыгралъ съ нею возмутительную шутку, которая могла бы имѣть гибельныя послѣдствія. Однажды этотъ армейскій герой рѣшился блистательнымъ образомъ отомстить непреклонной красавицѣ: онъ подкараулилъ ее послѣ спектакля у театральнаго подъѣзда и въ то время, когда она сѣла въ карету, бросилъ туда зажженную шутиху. По счастію, шутиха попала въ шубу актера Григорьева, сидѣвшаго тутъ же, и онъ успѣлъ ее потушить. Лицо этого фейерверкера не могло укрыться отъ свидѣтелей, а гнусный поступокъ его не могъ пройти безъ наказанія. Покойный великій князь Михаилъ Павловичъ приказалъ его немедленно арестовать; но этотъ пылкій юноша не унялся и прислалъ Асенковой грозное письмо,

что если ему не удалось на этотъ разъ ее обезобразить, то онъ рѣшится на болѣе отчаянную мѣру. Однако-жъ, онъ долженъ былъ умѣрить свою запальчивость. За эту злую шутку его отправили на Кавказъ понюхать пороховаго дыму, происходящаго не отъ шутихи. Впослѣдствіи онъ возвратился съ Кавказа, но тогда, кажется, не было на свѣтѣ предмета его пылкой страсти. Асенкова скончалась 19-го апрѣля 1841 года. Она похоронена на Смоленскомъ кладбищѣ, не далеко отъ большой церкви; прекрасный памятникъ, съ бронзовымъ ея бюстомъ, до сихъ поръ сохранился во всей своей цѣлости.

VII.

Николай Осиповичъ Дюръ,— современникъ и постоянный сотрудникъ Асенковой, былъ человѣкъ вспыльчиваго и раздражительнаго характера. Талантливый актеръ на сценѣ, онъ не могъ терпѣть закулиснаго актерства и лицемѣрія. Это была одна изъ тѣхъ честныхъ и правдивыхъ натуръ, для которой приторная лесть была хуже полыни; онъ не допускалъ ее не только въ самомъ себѣ, но сердился, когда и ему отпускали комплименты, особенно кто-нибудь изъ его собратовъ.

— «Полноте, пожалуйста», говорилъ онъ тутъ, «бросьте эту пошлую привычку — хвалить товарища въ глаза; кто же повѣритъ нашей искренности, когда все наше искусство заключается въ притворствѣ!»

Малѣйшее униженіе, недобросовѣстность кого-нибудь изъ его товарищей, особенно заискиваніе, низкопоклонничество передъ начальствомъ — постоянно возмущали его и онъ никогда не пропускалъ случая громко при всѣхъ высказать о немъ свое мнѣніе. Понятно, что съ такимъ характеромъ ему мудрено было ужиться въ закулисномъ мірѣ. Сколько разъ мнѣ приходилось удерживать его отъ этихъ выходокъ, чрезъ которыя онъ наживалъ себѣ безпрестанно враговъ.

— Уймись, говорилъ я ему; изъ чего ты бьешься, — вѣдь, намъ съ тобою людей не передѣлать.

— «Знаю, Петенька» (такъ привыкъ называть меня мой родственникъ и однокашникъ), «знаю, да что же дѣлать, если я самъ себя передѣлать не могу!»

Первые годы своей молодости, по выпускѣ изъ училища, про-

велъ онъ не совсѣмъ умѣренно,— особенно женскій полъ имѣлъ впослѣдствіи вредное вліяніе на его слабое здоровье.

Музыка была его страсть и онъ прилежно ею занимался; ничѣмъ его, бывало, такъ не потѣшишь, какъ попросишь его написать музыку для куплета или романса; и многое у него выходило довольно удачно. Во всѣхъ моихъ первыхъ водевиляхъ музыка была всегда имъ составлена. Репертуаръ его ролей былъ необыкновенно разнобразенъ: онъ игралъ въ операхъ [1]), комедіяхъ, трагедіяхъ и водевиляхъ; танцовалъ мастерски, какъ любимый ученикъ Дидло. Однимъ словомъ, могъ назваться артистомъ въ полномъ смыслѣ. Въ 1836 году онъ женился на танцовщицѣ Марьѣ Дмитріевнѣ Новицкой, производившей въ то время фуроръ ролью Фенеллы, въ извѣстной оперѣ: «Нѣмая въ Портичи» [2]); но супружеское его счастіе было не продолжительно,—года черезъ три послѣ его женитьбы развилась у него скоротечная чахотка. Во время болѣзни своей, онъ вполнѣ сознавалъ свое безнадежное положеніе и переносилъ страданія съ христіанскою твердостью. Слухъ о его тяжкой болѣзни скоро распространился по Петербургу и многіе, вовсе незнакомые ему люди, часто присылали къ нему на квартиру узнавать о его здоровьѣ, что всегда раздражительно дѣйствовало на его нервы. Однажды, мѣсяца за два до его кончины, когда онъ еще не слегъ въ постель, жена его куда-то ушла со двора, прислуги тоже въ это время тутъ не случилось,—громко позвонили у его входныхъ дверей; онъ самъ отворилъ ихъ и тутъ вошелъ какой-то купчикъ въ сибиркѣ.

— «Что вамъ нужно?» спросилъ его Дюръ.

Купчикъ перекрестился.

— «Что вамъ нужно», повторилъ больной.

— «Извините-съ», отвѣчалъ купчикъ, заглядывая въ зало: «вѣдь здѣсь квартира ахтера г. Дюро?»

— «Ну, да, здѣсь. Да что вамъ надобно? я васъ спрашиваю».

— «Мы слышали, что они изволили скончаться, такъ я, т. е., гробовой мастеръ... я все предоставлю въ найлучшемъ видѣ».

---

[1]) Онъ былъ, особенно хорошъ въ «Севильскомъ Цирюльникѣ»—Бартолѣ, въ «Сорокѣ-воровкѣ»—Подеста и въ «Ченерентолѣ»—Донъ Манифико. П. К.

[2]) По кончинѣ мужа, она перешла изъ балетной труппы въ драматическую и впослѣдствіи была довольно приличная актриса. П. К.

Взбѣшенный отъ такой преждевременной услуги, онъ, разумѣется, живой рукой выгналъ въ шею незванаго гостя. Въ то утро я, по обыкновенію, пришелъ его навѣстить и, онъ, смѣючись, разсказалъ мнѣ объ этомъ пріятномъ визитѣ, и тутъ же прибавилъ:

— «Видите, Петенька, какая выгода быть извѣстнымъ артистомъ,—его прежде времени въ гробъ укладываютъ».

Въ началѣ мая онъ слегъ въ постель и не вставалъ уже болѣе. Въ одно изъ посѣщеній моихъ, воспользовавшись отсутствіемъ своей жены, онъ подозвалъ меня къ себѣ и просилъ написать письмо на имя директора (А. М. Гедеонова) въ такомъ смыслѣ, что, не дослужа нѣсколькихъ мѣсяцевъ до десяти-лѣтняго срока своей обязательной службы по выходѣ изъ училища, онъ не смѣетъ надѣяться на какой-нибудь пенсіонъ его малюткѣ-дочери, но проситъ директора исходатайствовать у министра хоть бенефисъ осиротѣлому его семейству. Я тутъ же съ его словъ написалъ это письмо, которое онъ подписалъ довольно твердою рукою; потомъ онъ вынулъ изъ-подъ подушки листъ бумаги, исписалъ карандашемъ и отдалъ его мнѣ. Это было предсмертное его распоряженіе: онъ просилъ меня не оставлять его жены, помогать ей моими совѣтами, а главное—не давать ее въ обиду его отцу, который былъ человѣкъ буйнаго и строптиваго характера, особенно въ хмѣльную пору, что случалось съ нимъ довольно часто. На другой день я доставилъ письмо къ директору, который обѣщалъ похлопотать у министра двора [1]). Дюръ, дня за два до кончины своей, пожелалъ исполнить послѣдній христіанскій долгъ; и хотя прежде онъ не былъ особенно богомоленъ, но тутъ съ полнымъ умиленіемъ, съ теплою вѣрою и съ христіанскою твердостью исповѣдался и пріобщился Св. Таинъ. Это было, какъ теперь помню, въ самый Духовъ день. Наканунѣ еще была поставлена молодая березка въ ногахъ у его кровати; въ рукахъ тогда онъ держалъ вѣтку свѣжей сирени, принесенной ему наканунѣ изъ церкви. По уходѣ священника, когда мы окружили его смертный одръ, онъ взглянулъ на березку, поднесъ цвѣтокъ къ горячимъ губамъ своимъ и, грустно покачавъ головою, сказалъ мнѣ:

[1]) По смерти Дюра, покойный государь назначилъ пенсію его дочери въ 500 руб. ассигнаціями до замужества. П. К.

— «Какъ нынѣче рано распустились цвѣты и какъ рано отцвѣла моя жизнь!»

Онъ тихо скончался 9-го мая 1839 года. Похороны его, также совершились тихо: не было ни овацій, ни лавровыхъ вѣнковъ, ни шумной многолюдной толпы. Онъ погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ. На скромномъ, далеко не изящномъ, его памятникѣ вырѣзана надпись: «Отъ почитателей его таланта» [1]).

VIII.

Въ концѣ 1830-хъ годовъ пріѣхалъ въ первый разъ въ Петербургъ Дмитрій Тимоѳеевичъ Ленскій (извѣстный въ то время острякъ и переводчикъ-водевилистъ). Года за полтора до того мы съ нимъ заочно познакомились: я посылалъ ему въ Москву, для его бенефисовъ, мои пьесы, а онъ взаимно предлагалъ мнѣ свои; мы даже вели съ нимъ постоянную переписку, но не знали другъ друга въ лицо (тогда, разумѣется, еще не было фотографіи, не было также и литографическихъ нашихъ портретовъ). Сосницкій подговорилъ меня разыграть съ нимъ знакомыхъ незнакомцевъ; онъ предупредилъ меня, что когда Ленскій будетъ у него обѣдать, онъ позоветъ тоже и меня, но только непремѣнно выдастъ меня за другаго. Сосницкій жилъ тогда на Крюковомъ каналѣ, противъ Никольской церкви. Въ условный день и часъ, когда Ленскій пришелъ къ нему и собрались гости, Сосницкій послалъ за мною (моя квартира была тогда не далеко отъ него). Это было въ лѣтнюю пору; онъ съ Ленскимъ и съ нѣкоторыми изъ нашихъ товарищей стоялъ на балконѣ; я прохожу мимо, Сосницкій кричитъ мнѣ:

— «Андрей Ивановичъ, Андрей Ивановичъ! что вы у меня давно не были?—зайдите пожалуйста!»

Я поклонился и поднялся къ нему на лѣстницу. Всѣ гости были предупреждены объ этой мистификаціи и едва могли удержаться отъ смѣха при моемъ появленіи. Сосницкій отрекомендовалъ насъ другъ другу; меня онъ выдалъ за какого-то чиновника Андрея Ивановича (фамиліи теперь не помню), служащаго въ Кронштадтѣ. Подали обѣдать, меня посадили рядомъ съ Ленскимъ; онъ былъ веселъ, шутливъ и остроуменъ. Разговоръ, разу-

[1]) Некрологъ покойнаго Дюра былъ составленъ Ѳ. А. Копи и помѣщенъ въ томъ же году въ «Репертуарѣ Русскаго Театра», изданіе Песоцкаго. П. К.

мѣется, шелъ больше о театрѣ; потомъ рѣчь зашла обо мнѣ. И тутъ Ленскій спросилъ Сосницкаго:

— «Да когда же, наконецъ, я увижу Петра Каратыгина? Вы говорите, что онъ живетъ на дачѣ? Завтра же поѣду къ нему. Я просто полюбилъ его заочно по его письмамъ ко мнѣ, по пьесамъ его, наконецъ, по всѣмъ отзывамъ о немъ. Мнѣ кажется, еслибъ я его встрѣтилъ на улицѣ — непремѣнно бы узналъ».

Эта фраза всѣхъ разсмѣшила, но Ленскій не обратилъ на это вниманія. Въ концѣ обѣда подали шампанское и радушный хозяинъ предложилъ тостъ за здоровье московскаго гостя. Послѣ обѣда всѣ мы изъ столовой перешли въ кабинетъ, закурили трубки и продолжали еще мистифировать Ленскаго. Наконецъ, Сосницкій велѣлъ подать новую бутылку шампанскаго и предложилъ Ленскому выпить за здоровье Петра Каратыгина.

— «О! съ большимъ удовольствіемъ», отвѣчалъ Ленскій.

И тутъ же первый предложилъ мой тостъ. Всѣ выпили, кромѣ меня.

Ленскій это замѣтилъ и, обратясь ко мнѣ, спросилъ:

— «А вы-то что же, Андрей Ивановичъ, не пьете?»

— Да мнѣ неловко, Дмитрій Тимоѳеевичъ.

— «Что же это значитъ? Развѣ вы имѣете противъ Петра Каратыгина что-нибудь?»

— Напротивъ, я его люблю, какъ самого себя.

Ленскій посмотрѣлъ на всѣхъ съ недоумѣніемъ. Тутъ я подошелъ къ нему и сказалъ:

— Позвольте васъ поблагодарить за ту честь, которую вы мнѣ сдѣлали и выпить теперь за ваше здоровье!

Ленскій опѣшилъ. Онъ былъ въ то время уже немножко навеселѣ и не могъ въ толкъ взять, что такое я ему говорю.

— «Позвольте, позвольте, Андрей Ивановичъ, я, вѣдь, пилъ за здоровье Каратыгина», сказалъ онъ.

— А теперь Каратыгинъ пьетъ за ваше, отвѣчалъ я ему.

Общій хохотъ совершенно его озадачилъ. Но, наконецъ, Сосницкій вывелъ его изъ заблужденія и объяснилъ сыгранную съ нимъ комедію.

Тутъ Ленскій бросилъ свой бокалъ объ полъ и, обратясь къ Сосницкому, сказалъ:

— «Послушайте, разбойникъ вы, Иванъ Ивановичъ! Развѣ

можно дѣлать такія вещи съ добрыми пріятелями? Ну, хорошо, что вы напали на такого человѣка (продолжалъ онъ, показывая на меня), о которомъ я, по совѣсти моей, не могу сказать ни одного худаго слова; а еслибъ было иначе, такъ какую бы глупую и неприличную роль пришлось мнѣ розыграть въ этой комедіи!»

— Это совершенно справедливо, сказалъ я ему, дѣло было рискованное и моя роль была бы едва-ли не хуже вашей; но теперь, благодаря шуткѣ нашего добраго друга, я вполнѣ убѣдился въ искреннемъ вашемъ ко мнѣ расположеніи!

Тутъ мы съ нимъ обнялись и веселая бесѣда наша продолжалась до восхода солнца. Ленскій не могъ налюбоваться нашей петербургской ночью, которая, дѣйствительно, въ то время была превосходна. Сосницкій обѣщалъ ему на другой день показать Кронштадтъ и Ленскій потребовалъ, чтобъ кронштадскій чиновникъ, Андрей Ивановичъ, непремѣнно съ ними поѣхалъ; онъ долго не могъ безъ смѣха вспомнить о сыгранной съ нимъ мистификаціи и тутъ сказалъ Сосницкому:

— «Ай-да петербургскій народецъ! Вотъ вы иногда упрекаете москвичей въ двоедушіи, а сами люди двуличные».

— «Это почему?» спросилъ Сосницкій.

— «Да какъ же», сказалъ онъ, показывая на меня, «развѣ этотъ злодѣй не въ двухъ лицахъ представлялся мнѣ сегодня?»

Покойный Ленскій былъ человѣкъ очень умный и образованный, хорошій товарищъ и пріятный собесѣдникъ; игривое шампанское какъ-то особенно возбуждало его остроуміе,—жаль, что большая часть его эпиграммъ, куплетовъ и экспромтовъ неудобны для печати.

П. А. Каратыгинъ.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

XIX [1]).

Ѳедоръ Осиповичъ Туманскій.

Время рожденія и первоначальныя обстоятельства жизни Ѳ. О. Туманскаго неизвѣстны. Знаю только, что онъ былъ сынъ Осипа Григорьевича Туманскаго, который служилъ предсѣдателемъ Новгородъ-Сѣверской Уголовной Палаты съ 1785 по 1795 годъ („Губерн. Служебникъ", кн. Туркест., стр. 66-я) и происходилъ изъ рода, принадлежащаго къ лучшимъ въ средѣ малороссійскаго дворянства (Вас. Григ. Тум., біогр. очеркъ въ №№ 28—32 „Черниг. Губ. Вѣд."). Слѣды его происхожденія лежали нерѣдко и на литературномъ его языкѣ, въ которомъ отзывался складъ малороссійской рѣчи. Ѳ. О. Туманскій дѣлается мнѣ извѣстнымъ съ 1786 года, къ которому относятся первые печатные труды его. Въ 1791 году, когда Карамзинъ началъ издавать свой „Московскій журналъ", Ѳ. О. Туманскій сталъ присылать ему во множествѣ свои писанія, преимущественно въ стихахъ; но они были такъ плохи, что Карамзинъ ихъ не печаталъ (Письма Кар. къ Дмитр., стр. 17 и 19). Кромѣ того, Карамзинъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ рѣзкій разборъ, написанный Подшиваловымъ, переведенной Ѳ. О. Туманскимъ Палефатовой книги „О невѣроятныхъ сказаніяхъ" (Ibid., стр. 624). Все это озлобило Ѳ. О. Туманскаго и онъ выступилъ въ числѣ противниковъ Карамзина, которыми были Клушинъ, Эминъ-сынъ, и другіе сотрудники выходившаго въ 1792 году петербургскаго журнала „Зритель", котораго

[1]) См. «Русскую Старину» 1870 г., т. I, изд. первое, стр. 463; изд. второе, стр. 541; т. II, стр. 74 и 194; 1871 г.: т. III, стр. 205; т. IV, стр. 571 и 681; 1873 г.: т. VII, стр. 616 и 619.

издателемъ былъ знаменитый впослѣдствіи баснописецъ Крыловъ (Ibid., стр. 33). Самъ же Ѳ. О. Туманскій, въ томъ же 1792 году, издавалъ журналъ „Россійскій Магазинъ“, гдѣ покушался порицать Карамзина, особенно при сличеніи переводовъ его изъ Оссіана съ переложеніемъ Оссіановыхъ пѣсней, которое сдѣлалъ Костровъ (Ibid., стр. 024). Но месть Ѳ. О. Туманскаго этимъ не ограничилась и отозвалась черезъ нѣсколько лѣтъ Въ 1800 году вышелъ въ Лейпцигѣ, сдѣланный Рихтеромъ нѣмецкій переводъ „Писемъ Русскаго путешественника“ Карамзина (Сопик. № 5,067). Ѳ. О. Туманскій, бывшій тогда цензоромъ иностранныхъ книгъ при русской таможнѣ (Слов. Евг., ч. 2-я, стр. 226), не пропустилъ-было этой книги (Письма Кар. къ Дмитр., стр. 115). Но, кажется, ему не удалось запретить ее. Въ 1801 году Ѳ. О. Туманскій оставилъ службу съ пенсіономъ въ чинѣ статскаго совѣтника и умеръ на родинѣ своей, въ Глуховѣ, въ 1805 году (Слов. Евг., ч. 2-я, стр. 227). Онъ оставилъ трехъ сыновей: Михаила, Павла и Николая Ѳедоровичей („Черниг. Губ. Вѣд.“ 1858 г., № 32); не знаю, кто была его жена.

Ѳ. О. Туманскій написалъ многое, что̀ осталось неизвлеченнымъ изъ современныхъ ему журналовъ. Отдѣльно же изданные труды его суть нижеслѣдующіе:

А. Собственныя произведенія.

1) «Дѣтскій мѣсяцесловъ, съ краткою исторіею, географіею и хронологіею, всеобщею и россійскою, и примѣчаніями изъ астрономіи». Спб., 1787 г. (Соп. № 6,387; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

2) «Жизнь и дѣянія государя императора Петра Великаго». Ч. 1-я; Спб., 1788 г. (Соп. № 7,687; тутъ сказано, что обѣщано было пять частей; Плав. № 3,386; Смирд. № 2,802).

3) «Чтеніе для прекраснаго пола». Ч. 1-я; Спб., 1788 г. (у Соп. нѣтъ; у Плав. № 6,476; у Смирд. нѣтъ).

4) «Созерцанія славныя жизни святаго Благовѣрнаго Великаго князя Александра Невскаго». Спб., 1789 г. (Соп. № 11,077; Плав. № 1,162; Смирд. № 866).

5) «Палефата, греческаго писателя, о невѣроятныхъ сказаніяхъ». Пер. Спб., 1791 г. (Соп. № 8,041; Плав. № 3,823; Смирд. № 3,263).

6) «О благонравіи, твореніе Діонисія Катона». Пер. (Соп. № 2,253; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

7) «Котъ во адѣ», поэма въ пяти пѣсняхъ, соч. Захаріи. Пер. съ нѣм. Спб. 1791 г. (Соп. № 8,677; Плав. № 3,909; Смир. № 6,824).

Б. Изданныя книги.

8) «Краткое описаніе Архипелага и Варварійскаго берега, изъявляющее положеніе: острововъ, городовъ, крѣпостей, пристаней, подводныхъ камней, мелей, жителей, вѣру, обряды и нравы ихъ; съ тремя чертежами». Соч. бригадира, Матвѣя Григорьевича Коковцева. Спб., 1786 г. (Соп. № 7,526; Плав. № 2,816. Смирд. № 3,609).

9) «Достовѣрныя извѣстія о Алжирѣ, о нравахъ и обычаяхъ тамошняго народа; о состояніи правительства и областныхъ доходовъ, о положеніи Варварійскихъ береговъ, о произрастеніяхъ и о прочемъ». Соч. бригадира Матвѣя Григорьевича Коковцева. Спб., 1787 г. (Соп. № 4,416; Плав. № 2,582; Смирд. № 3,581,—показанъ 1789 годъ).

10) «Собраніе разныхъ записокъ и сочиненій, служащихъ къ доставленію полнаго свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ государя императора Петра Великаго». 10 частей; Спб., 1787—1788 гг. (Соп. № 10,962; Плав. № 3,395,—показанъ одинъ 1787 годъ; Смирд. № 2,686).

В. Повременныя изданія.

11) «Зеркало Свѣта» (Ежемѣсячникъ). 6 частей; Спб., 1786—1787 гг. (Соп. №№ 3,810 и 3,811,—показаны неправильно 1785—1786 годы; соредакторомъ названъ Петръ Богдановичъ; у Плав. нѣтъ; Смирд. № 9,699).

12) «Лекарство отъ скуки и заботъ» (Еженедѣльникъ, съ 1-го іюля 1786 г. по 1-е іюля 1787 г.), 2 части; Спб. 1786—1787 гг. (Соп. № 3,897; у Плав. нѣтъ; Смирд. № 9,670).

13) «Россійскій Магазинъ» (Ежемѣсячникъ, съ сентября 1792 г. по мартъ 1794 г.), 3 части; Спб. 1792—1794 гг. (Соп. № 3,848, показанъ одинъ 1792 годъ; у Плав. нѣтъ; Смирд. № 8,712).

XX.

Княжна Екатерина Сергѣевна Урусова.

Княжна Е. С. Урусова родилась 13-го февраля 1747 года. Отецъ ея князь Сергѣй Васильевичъ Урусовъ (род. 4-го сентября 1721 г., ум. 16-го августа 1755 г.) былъ женатъ на княжнѣ Иринѣ Даниловнѣ Друцкой, которой родная сестра, княжна Анна Даниловна, была въ въ первомъ бракѣ за г. Херасковымъ и имѣла отъ него сыновей: извѣстнаго писателя Михаила Матвѣевича Хераскова (род. 25-го октября 1733 г., ум. 27-го сентября 1807 г.), Петра и Александра Матвѣевичей; а отъ втораго брака съ вдовцомъ, генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Никитою Юрьевичемъ Трубецкимъ (род. 12-го мая 1700 г., ум. 16-го октября 1768 г.) имѣла: а) четырехъ сыновей, изъ которыхъ два старшихъ, дѣйствительные тайные совѣтники, князь Юрій Никитичъ (род. 21-го ноября 1736 г., ум. 22-го августа 1811 г.) и князь Николай Никитичъ (род. 6-го ноября 1744 г., ум. 1821 г.) были дѣятельными товарищами Новикова во всѣхъ его предпріятіяхъ, и б) трехъ дочерей, изъ которыхъ княжна Анна Никитична (род. 9-го октября 1737 г.) была за Александромъ Ивановичемъ Нарышкинымъ, а княжна Елена Никитична (род. 1745 г., ум. 1832 г.) за генералъ-прокуроромъ княземъ Александромъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ (род. 3-го августа 1727 г., ум. 8-го января 1793 г.) съ іюля 1768 года (Рос. родосл. книга, кн. П. Долг., ч. 1-я, стр. 155, № 214; стр. 322, № 38; и ч. 2-я, стр. 29, № 86, стр. 30; № 95, и по раз-

нымъ другимъ источникамъ). Изъ этихъ свѣдѣній видно, что княжна Е. С. Урусова была въ близкихъ связяхъ съ самою просвѣщенною и знатною частію тогдашняго общества. Она жила въ домѣ двоюродной сестры своей княгини Е. Н. Вяземской, жены генералъ-прокурора, которая въ началѣ 1777 года задумала выдать ее за Державина, который искалъ тогда мѣста у ея мужа; но поэтъ отказался, говоря, что „она пишетъ стихи, да и онъ маракетъ, то они все забудутъ, что и щей сварить некому будетъ“ (Зап. Держ., стр. 123), и вскорѣ потомъ помолвленъ на Екатеринѣ Яковлевнѣ Бастидоновой (Ibid., стр. 130). Но это не помѣшало Державину и княжнѣ Е. С. Урусовой остаться друзьями, что видно изъ писемъ ея къ нему въ Казань отъ 9-го ноября 1778 г. и въ Тамбовъ отъ іюля 1786 г., когда она жила въ домѣ двоюроднаго брата своего поэта Хераскова (Соч. Держ., изд. Грота, т. 5, стр. 308 и 516). Уже въ старости, въ 1811 г., сдѣлалась она почетнымъ членомъ въ только что учрежденной Державинымъ „Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова“ (Соврем. 1856 г., № 5, Смѣсь, стр. 8). Она сочинила даже надпись къ портрету своей соперницы (Пам. Отеч. Музъ 1827 г., стр. 104). Княжна Е. С. Урусова съ молоду уже была извѣстна по своимъ литературнымъ произведеніямъ, которыя были рѣдкостью между женскимъ поломъ. Въ 1772 году находится у Новикова очень лестный о нихъ отзывъ (Мат. Ефр., стр. 112). Мнѣ неизвѣстно, когда именно скончалась эта знаменитая въ свое время дѣва-писательница.

Стихотворенія княжны Е. С. Урусовой печатались въ разныхъ сборникахъ и журналахъ; между прочимъ, въ „Аонидахъ“—Карамзина, „Патріотѣ“—В. Измайлова и пр. (Русск. Арх. 1865 г., изд. 2, стр. 1464). М. Н. Макаровъ написалъ о ней статью (Дамскій Журн. 1830 г., кн. 29, стр. 97; кн. 30, стр. 113 и кн. 31, стр. 40).

Отдѣльно изданныя произведенія княжны Е. С. Урусовой суть слѣдующія:

1) «Письмо къ Петру Дмитріевичу Еропкину». Спб. 1772 г. (Соп. № 8,228. у Плав. и Смирд. нѣтъ).

2) «Поліонъ, или просвѣщенный нелюдимъ, поэма въ пяти пѣсняхъ». Спб., 1774 г. (Соп. № 8,708; у Плав. нѣтъ; у Смирд. № 6,700).

3) «Ироиды, музамъ посвященныя». Спб., 1777 г. (Соп. № 4,651; у Плав. нѣтъ; Смирд. № 8,038; имени автора у Смирдина не указано).

4) «Сердечныя чувствія благодарности, изливаемыя предъ престоломъ императора Павла I». Спб., 1798 г. (Соп. № 10,210; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

5) «Стихи императрицѣ Маріѣ Ѳеодоровнѣ». М., 1801 г. (Соп., № 11,505; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

6) «Стихи на день коронованія императора Александра I». М., 1801 г. (Соп. № 11,523; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

М. Н. Лонгиновъ.

ГРАФЪ НИКИТА ПЕТРОВИЧЪ ПАНИНЪ.

1771 — 1837.

Чѣмъ отдаленнѣе эпоха отечественной исторіи, тѣмъ полнѣе и лучше она у насъ обработана. Русь языческая, времена св. Владиміра и Ярослава; усобицы удѣльныхъ князей: распри разныхъ Всеволодовичей, Игоревичей, Мстиславичей, Ростиславичей; татарское иго; наконецъ, двухвѣковой періодъ: отъ княженія Димитрія Донскаго до кончины Ивана Грознаго,—обо всемъ этомъ существуетъ довольно много лѣтописей, монографій, сказаній. Событія и дѣятели древней и средневѣковой Руси довольно хорошо извѣстны. За тѣмъ въ русской исторіи начинается «мракъ неизвѣстности» и не только не исчезаетъ, но усиливается именно съ воцареніемъ просвѣтителя Россіи — Петра Великаго. «Правда — лучшій другъ царю», говаривалъ онъ, — и, между тѣмъ, съ его вѣкомъ воцаряется неправда въ историческихъ нашихъ сочиненіяхъ: видимъ пропуски, недомолвки, сокрытіе нѣкоторыхъ фактовъ, упоминаніе вскользь или совершенное молчаніе о личностяхъ, заслуживающихъ памяти потомства и виднаго мѣста въ исторіи.

Если относительно царствованія Петра Великаго мракъ неизвѣстности и началъ разсѣеваться, то давно-ли? нѣтъ еще и двадцати лѣтъ, какъ съ появленіемъ первыхъ томовъ труда Устрялова (на первыхъ томахъ онъ и остановился) наступила пора разработки эпохи преобразованія по достовѣрнымъ, архивнымъ источникамъ.

Исторіи Россіи XVIII столѣтія и первой половины XIX у насъ еще нѣтъ,—и все, что до сихъ поръ было напечатано, не выключая и отдѣльныхъ трудовъ, носящихъ названія «исторій», «обзоровъ» и «очерковъ» этого полуторавѣковаго періода, ничто иное, какъ матеріалы, далеко еще неполные для будущей исторіи.

Собраніе историческихъ матеріаловъ, преимущественно способствующихъ пополненію многочисленныхъ пробѣловъ въ исторіи XVIII вѣка—одна изъ главнѣйшихъ задачъ «Русской Старины». Особенно драгоцѣнными признаемъ мы матеріалы для біографій государственныхъ дѣятелей XVIII вѣка, изъ которыхъ нѣкоторые извѣстны позднѣйшимъ поколѣніямъ только по имени, по наслышкѣ, иные же и вовсе неизвѣстны, такъ какъ наши не многіе изслѣдователи исторіи прошлаго вѣка не говорили о нихъ ни единаго слова. Къ числу таковыхъ, молчаніемъ пройденныхъ личностей, принадлежитъ графъ Никита

Петровичъ Панинъ, о которомъ всѣ, до сихъ поръ обнародованныя, свѣдѣнія ограничивались краткимъ формулярнымъ спискомъ. Между тѣмъ, въ характерѣ этого государственнаго дѣятеля, въ складѣ его ума и образованія, и въ характерѣ его политической дѣятельности, отразились и сосредоточились всѣ черты его эпохи — эпохи переходной отъ одного поколѣнія къ другому, отъ «екатерининскихъ орловъ» къ «сподвижникамъ» Александра I.

Послѣдніе годы царствованія Екатерины II можно назвать осенью; воцареніе Александра I — весною; кратковременный вѣкъ Павла — суровая зима; но безъ зимы переходъ отъ осени къ веснѣ—немыслимъ. Орудіе духа времени, Павелъ круто измѣнилъ порядки предъидущаго царствованія, крайне ему нелюбезнаго; не созидая новаго, онъ разрушалъ старое, но это разрушеніе, по его мнѣнію, было необходимостью. Его царствованіе, будто лютый морозъ, до нѣкоторой степени отрезвляющимъ образомъ повліяло на русское общество, упоенное двумя наносными, одинъ другому противоположными, міазмами: старымъ, изнѣженнымъ аристократизмомъ, отъ котораго вѣяло Версалемъ, и новымъ республиканизмомъ, припахивавшимъ кровью и порохомъ. Павелъ полагалъ, что отъ обѣихъ заразъ «солдатчина» была весьма дѣйствительнымъ средствомъ. Павлу одинаково были ненавистны, какъ раздушенные петиметры, такъ и обрызганные кровью демагоги.

Панинъ принадлежитъ къ числу людей, поставленныхъ судьбою на рубежѣ двухъ вѣковъ — минувшаго и нынѣшняго; людей, бывшихъ звѣньями, которыя соединяли старое поколѣніе съ новымъ.

При Петрѣ I государственные дѣятели были еще рабами; при Екатеринѣ II — слугами; при Александрѣ I — сотрудниками и сподвижниками.

Графъ Никита Панинъ попытался быть сотрудникомъ въ то время, когда рабство было уже анахронизмомъ, но и пора сотрудничества еще не наступила...

На сколько умъ и способности Панина выразились въ его политической дѣятельности, въ чемъ она состояла и въ какой мѣрѣ была она оцѣнена Павломъ I и его преемникомъ,—отвѣтъ на эти вопросы въ предлагаемыхъ матеріалахъ [1]).

Высочайшимъ приказомъ, отъ 27-го ноября 1770 года, недавній покоритель Бендеръ, генералъ-аншефъ, кавалеръ орденовъ св. Андрея Первозваннаго и св. Георгія 1 класса — графъ Петръ Ивановичъ Панинъ былъ всемилостивѣйше уволенъ отъ службы.

Причинами увольненія героя, остановившагося болѣе нежели на половинѣ служебнаго своего поприща, на которомъ, въ недавнемъ будущемъ, онъ могъ получить фельдмаршальскій жезлъ, титулъ свѣтлости,— причинами тому были правила и характеръ графа Петра

---

[1]) Они извлечены изъ обширнаго семейнаго архива кн. Александра Борисовича Куракина, составляющаго собственность барона М. Н. Сердобина и имъ весьма обязательно предоставленнаго въ распоряженіе «Русской Старины». Эти-то извлеченія, во многихъ мѣстахъ дополненныя вновь открытыми историческими документами, мы предлагаемъ на страницахъ нашего изданія въ русскомъ переводѣ съ французскаго, на каковомъ языкѣ писана бо́льшая часть корреспонденцій гр. Н. П. Панина. **Ред.**

Ивановича. Въ вѣкъ фаворитизма, братья Панины[1]), Румянцовъ и Суворовъ были до нѣкоторой степени исключительными, отрадными явленіями. Честный, правдолюбивый, какъ древній римлянинъ или славянинъ, графъ Петръ Ивановичъ полагалъ честолюбіе не въ стремленіи къ чинамъ, но въ дѣяніяхъ, истинно доблестныхъ, хотя бы и не награждаемыхъ, въ безукоризненныхъ поступкахъ, въ сознаніи собственнаго достоинства и честнаго исполненія своего долга. Четырнадцати лѣтъ графъ поступилъ на службу простымъ солдатомъ и черезъ четыре мѣсяца былъ взятъ отцомъ въ годовой отпускъ, къ концу котораго его заочно произвели въ капралы. Молодой служака не только не радовался этому повышенію, но былъ имъ оскорбленъ и пенялъ отцу, что тотъ выпрашиваетъ ему чины и этимъ „ввергаетъ его въ стыдъ и презрѣніе подчиненныхъ его чину; что онъ званія своего меньше еще знаетъ, нежели они, и что онъ будетъ ихъ ученикомъ, а не они будутъ его учениками". Эти, въ отрокѣ проявлявшіеся задатки — прямизны, добросовѣстности и строгости къ себѣ самому, самымъ блестящимъ образомъ оправдались во все продолженіе службы графа Петра Ивановича. Братья Панины начали служебную карьеру въ нижнихъ чинахъ, въ тѣ времена, когда начальники, безъ вниманія къ родовымъ правамъ подчиненныхъ, наказывали ихъ фухтелями и палками; при всемъ томъ, прилежаніе Паниныхъ, ихъ покорность дисциплинѣ и неуклонное исполненіе служебныхъ обязанностей отклоняли отъ нихъ не только наказанія, но даже выговоры и замѣчанія начальства. „Доброе намѣреніе, труды и прилежаніе" — таковъ былъ служебный лозунгъ братьевъ Паниныхъ и графъ Петръ Ивановичъ былъ ему неизмѣнно вѣренъ. „Если подлинно истинное любопытство возбуждаетъ желанія ваши превосходить другихъ",— писалъ графъ Петръ Ивановичъ одному изъ своихъ родственниковъ[2]),— „то забудьте совсѣмъ о своемъ теперешнемъ ребячьемъ чинѣ: всего себя займите прилежаніемъ къ наукамъ и къ пріобрѣтенію истинной добродѣтели. Имъ, конечно, съ руководствомъ проницательнаго разума, отворены дороги — во всякое время достигать до истинной чести и почтенія".

Переворотъ 28-го іюня 1762 года возвелъ на престолъ супругу свергнутаго и вскорѣ скончавшагося Петра III. Панины не противодѣйствовали приверженцамъ Екатерины II, тогда могучимъ братьямъ Орловымъ; они признали права силы, однако же съ условіемъ,

[1]) Графъ Никита Ивановичъ, воспитатель императора Павла I, родился 15-го сентября 1718, † 31-го марта 1783 г. Графъ Петръ Ивановичъ родился 1720, † 15-го апрѣля 1789 года.

[2]) Князю Алексѣю Борисовичу Куракину (род. 19-го сентября 1759, † 1829 г.).

чтобы императрица уступила престолъ законному его наслѣднику Павлу Петровичу, по достиженіи имъ совершеннолѣтія. Условіе это, конечно, было бы соблюдено Екатериною II, но въ такомъ только случаѣ, если бы великій князь имѣлъ надежную опору въ большинствѣ аристократіи, въ войскѣ, въ народѣ... но что значилъ протестъ Паниныхъ предъ обоготвореніемъ Екатерины народомъ, предъ колѣнопреклоненнымъ дворомъ, предъ удивленіемъ Европы, наконецъ, предъ рядомъ временщиковъ, готовыхъ съ оружіемъ въ рукахъ преградить путь къ престолу ихъ владычицы хотя бы и законному наслѣднику! Отстраненный отъ всякаго соучастія въ государственныхъ дѣлахъ, въ безсильномъ негодованіи перенося невнимательность, даже пренебреженіе любимцевъ своей матери, Павелъ Петровичъ проживалъ въ своей Гатчинѣ или въ Павловскѣ, занимаясь тамъ, однако, не одними лишь разводами и вахтъ-парадами, но и пытливымъ изученіемъ лучшихъ классическихъ писателей западной Европы, дѣлая изъ нихъ обширныя своеручныя извлеченія, составляя тактическія задачи и разныя предположенія относительно того времени, когда Провидѣніе возведетъ его на престолъ...[1]). Годы уходили, миновало совершеннолѣтіе, Павелъ приближался къ годамъ мужества; окончательно сложился его характеръ — угрюмый, тяжелый, недовѣрчивый, и не могло быть иначе при окружавшей его обстановкѣ.

Первый бракъ его съ великою княжною Натальею Алексѣевною (10-го октября 1773 года) могъ имѣть самое благотворное вліяніе, какъ на его нравъ, такъ и на всю его будущность. Первая супруга Павла Петровича[2]) — умная, кроткая, любящая — поняла его положеніе и употребила всѣ свои силы, чтобы составить по возможности многочисленную партію изъ людей, искренно расположенныхъ къ наслѣднику престола... Отчасти ей удалось: вокругъ Павла Петровича начали группироваться нѣкоторые изъ молодыхъ вельможъ, недовольныхъ правительствомъ; но то была незначительная горстка людей безсильныхъ. Образованіе партіи требовало много времени, а дни Наталіи Алексѣевны были сочтены: 15-го апрѣля 1776 года она скончалась на шестой день мучительныхъ родовъ. Смерть ея тяжко повліяла на характеръ Павла Петровича; нѣсколько смягчившійся въ послѣдніе три года,— онъ окончательно сдѣлался мизантропомъ. Къ числу немногихъ людей, къ которымъ онъ питалъ чувства пріязни и

---

[1]) Въ распоряженіи «Русской Старины» находится большое собраніе копій съ трудовъ великаго князя Павла Петровича;— труды эти проливаютъ новый свѣтъ на жизнь и дѣятельность его въ бытность великимъ княземъ. **Ред.**

[2]) Урожденная принцесса Вильгельмина, дочь ландграфа Гессенъ-Дармштадскаго.

уваженія, принадлежали братья Панины. Изъ нихъ—Петръ Ивановичъ жилъ тогда въ Москвѣ, гдѣ поселился со своей второю супругою [1]), со времени выхода своего въ отставку.

Внучатный племянникъ Панина, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ [2]), ведя съ нимъ переписку, исправно увѣдомлялъ его о всѣхъ событіяхъ при дворѣ, служа ему посредникомъ въ самыхъ интимныхъ сношеніяхъ Панина съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Придворная жизнь, выходки фаворитовъ, опалы прежнихъ и появленіе новыхъ, ошибки правительства,—все это со стороны графа Петра Ивановича вызывало замѣчанія, часто саркастическія, мѣткія, проникнутыя справедливымъ негодованіемъ. Временщики были всегда ненавистны правдивому Панину. Когда (въ январѣ 1773 года) А. Б. Куракинъ писалъ ему въ Москву о какой-то предполагаемой очень выгодной партіи, старикъ отвѣчалъ: „Вы, любезный другъ, позволяете себѣ брать примѣръ изъ графа Алексѣя Кириловича [3]), затмѣваясь, что онъ къ подражанію своему ничего другаго въ предкахъ своихъ не имѣетъ, какъ въ отцѣ припадками счастія обогащеннаго,— празднеца, а въ дѣдѣ уже — пастуха". Въ другомъ письмѣ (отъ 7-го марта 1774 года), по поводу возвышенія Потемкина, онъ говорилъ: „Мнѣ представляется, что сей новый актеръ станетъ ролю свою играть съ великою живностью и со многими перемѣнами, если только утвердится". Пророчество Панина сбылось: черезъ четырнадцать лѣтъ Потемкинъ былъ на апогеѣ могущества, и старый графъ, на порогѣ смерти, писалъ Куракину: „...Нынѣшній вѣкъ таковъ, въ которомъ, ежели не вся публика, то большая часть ея столько озлоблена и огорчена фаворитами, что всѣмъ тѣмъ, которые на себя сіе названіе пріемлятъ, или только, обманывая оными себя, представляютъ, ничего другаго не желаютъ и ничему другому радоваться не могутъ, какъ единственно тому, чтобы дожить всякому россіянину, дабы сподобиться увидѣть изъ нихъ, кого только справедливость доведетъ, подъ жребій бывшихъ стрѣльцовъ" [4]).

---

[1]) Фрейлиною Маріею Родіоновною Ведель († 1776). Первою супругою графа Петра Ивановича была Анна Алексѣевна Татищева († 27-го октября 1764 г.).

[2]) Старшая сестра графа Петра Ивановича, Александра Ивановна (р. 1711, † 1786 г.) была за дѣдомъ князя Куракина—Александромъ Борисовичемъ (род. 2-го іюля 1697, † 2-го октября 1749 г.). Внукъ ея, соименный дѣду Александръ Борисовичъ род. 18-го января 1752, † 25-го іюня 1818 г.

[3]) Графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій (род. въ 1748, † въ 1822 г.) въ царствованіе императора Александра I былъ министромъ народнаго просвѣщенія.

[4]) Переписка гр. Петра Ивановича Панина съ кн. А. Б. Куракинымъ зани-

Но не словами только, а на самомъ дѣлѣ П. И. Панинъ выказывалъ свое негодованіе на тогдашній порядокъ вещей. Во время московской чумы 1771 года, главнокомандующій, фельдмаршалъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ[1]), неустрашимый на полѣ битвы, поддался паникѣ и бѣжалъ къ себѣ въ помѣстье изъ Москвы, въ стѣнахъ которой свирѣпствовали и язва, и мятежъ. За это, въ началѣ слѣдующаго 1772 года, онъ былъ уволенъ отъ должности, а въ декабрѣ, снѣдаемый стыдомъ, скончался. Погребеніемъ опальнаго вельможи распоряжалась супруга; новый градоначальникъ, въ угоду правительству, не распорядился прислать ко гробу усопшаго почетнаго караула. Графъ Петръ Ивановичъ, въ полной парадной формѣ, во всѣхъ орденахъ, отправился въ домъ покойнаго и, ставъ у гроба съ обнаженною шпагою, объявилъ, что не сойдетъ съ мѣста, покуда почетный караулъ не будетъ присланъ ему на смѣну... Екатерина II могла не любить подобнаго человѣка, но не уважать его было невозможно. Послѣднимъ подвигомъ графа Петра Ивановича было истребленіе шаекъ пугачевщины въ одинъ мѣсяцъ времени. Екатерина II обратилась къ его помощи, какъ къ помощи Александра Ильича Бибикова[2]), котораго не вполнѣ цѣнила, покуда не встрѣтилось въ немъ крайней надобности... Пощечина, данная Панинымъ Пугачеву, при первомъ допросѣ самозванца, была послѣднимъ, смертельнымъ ударомъ, нанесеннымъ мятежу, который угрожалъ охватить половину имперіи.

Отъ перваго и отъ втораго брака у П. И. Панина было двадцать человѣкъ дѣтей; но въ живыхъ остались только — сынъ Никита и дочь Софія[3]), прочіе умерли въ младенчествѣ.

Графъ Никита Петровичъ родился 17-го апрѣля 1771 года и пяти лѣтъ лишился матери. Нѣжно-любящій отецъ съ удвоенной заботливостью пекся о дѣтяхъ и далъ имъ превосходное воспитаніе. Умъ и богатыя способности Никита Петровичъ обнаружилъ въ самомъ дѣтствѣ,—они быстро развились, и въ шестнадцать лѣтъ молодой Панинъ— представитель новаго поколѣнія—могъ потягаться образованіемъ со многими старичками временъ Анны и Елисаветы. Изъ

маетъ четыре тома. Извлеченія болѣе интересныхъ изъ нихъ отрывковъ будутъ также напечатаны въ «Русской Старинѣ». Ред.

[1]) Бывшій фельдмаршалъ род. въ 1698, † въ декабрѣ 1772 г.

[2]) Генералъ-аншефъ Александръ Ильичъ Бибиковъ род. въ 1729, † въ въ Симбирскѣ въ 1774 г., какъ подозрѣваютъ, отъ яду.

[3]) Графиня Софія Петровна (род. 18-го октября 1772, † 22-го мая 1833 г.), была за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Иваномъ Васильевичемъ Тутолминымъ.

множества родныхъ, старикъ Панинъ, выбравъ сыну въ менторы и руководители князя Александра Борисовича Куракина, убѣдительно просилъ послѣдняго завести переписку съ Никитою Петровичемъ — на французскомъ и русскомъ языкахъ, частію для практики, частію же и для окончательнаго развитія способностей сына. Куракинъ былъ девятнадцатью годами старѣе своего „кузена“ Панина, но, не смотря на то, съумѣлъ приблизить его къ себѣ и пріохотить къ перепискѣ. Она началась въ 1786 году. Кромѣ писемъ, молодой Панинъ писалъ Куракину цѣлыя разсужденія о читаемыхъ имъ книгахъ и о политическихъ событіяхъ... То были первыя пробы пера будущаго дипломата; но графъ Петръ Ивановичъ готовилъ сына на иное поприще. Желая, во-первыхъ, ознакомить его съ военной службой, во-вторыхъ, приблизить его къ великому князю Павлу Петровичу, располагавшему отправиться въ походъ противъ шведовъ, старый графъ Панинъ, лѣтомъ 1788 года, обратился къ императрицѣ съ просьбою о разрѣшеніи его сыну поступить въ качествѣ волонтера въ армію графа Мусина-Пушкина[1]). Высочайшее разрѣшеніе вскорѣ послѣдовало и 13-го августа 1788 г. гр. Никита Петровичъ поѣхалъ въ Петербургъ. Впрочемъ, повинуясь родительской волѣ, молодой человѣкъ дѣйствовалъ и не наперекоръ собственному желанію: его не могла не тѣшить мысль — стать въ ряды защитниковъ отечества. По прибытіи въ Петербургъ, графъ Никита Петровичъ представлялся императрицѣ и великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, былъ ими весьма благосклонно принятъ и обласканъ и отправился въ армію; а въ половинѣ ноября того же года возвратился въ родительскій домъ, подобно великому князю Павлу Петровичу, не принявъ въ военныхъ дѣйствіяхъ никакого участія. Хотя, по отзывамъ отца, графъ Никита Петровичъ обучался военнымъ наукамъ, но главнокомандующій, графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ, не доставилъ ему случая примѣнить теорію къ практикѣ, принимая во вниманіе его молодость. За эту неудачу графъ Петръ Ивановичъ былъ вознагражденъ тѣмъ, что сынъ его имѣлъ случай обратить на себя вниманіе наслѣдника престола, удостоившаго юношу своею благосклонностью въ память заслугъ его отца и дяди. Въ будущемъ карьера графа Никиты Петровича была обезпечена.

До сихъ поръ сердце молодаго графа было дѣтски-спокойно и чувства любви были ему невѣдомы: оно пробудилось и затрепетало первой страстью, по возвращеніи его изъ похода. Въ бытность графа

---

[1]) Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ (род. 6-го декабря 1735, † 8-го іюля 1804 г.) былъ пожалованъ въ фельдмаршалы 5-го апрѣля 1797 г.

Никиты Петровича въ Финляндіи, сестра его, графиня Софія Петровна, посѣщала семейство младшаго изъ графовъ Орловыхъ, Владиміра Григорьевича, и вмѣстѣ съ его дочерьми брала уроки танцевъ. Она познакомила возвратившагося брата съ Орловымъ, который, найдя въ немъ сходство со своимъ покойнымъ сыномъ, радушно принялъ и полюбилъ молодаго человѣка; а тотъ, въ свою очередь, страстно влюбился въ младшую дочь графа, Софію Владиміровну[1]), дѣвицу четырнадцати лѣтъ, прелестную собою, очень скромную и превосходно воспитанную. Она отвѣчала Никитѣ Петровичу взаимностью. Позабывъ непріязнь, существовавшую между фамиліями Орловыхъ и Паниныхъ, графъ Петръ Ивановичъ (тогда уже больной) отъ имени сына сдѣлалъ формальное предложеніе отцу Софіи Владиміровны; графъ Орловъ отвѣчалъ согласіемъ, и 23-го марта 1789 года восемнадцати-лѣтній графъ Никита Петровичъ Панинъ былъ помолвленъ съ пятнадцати-лѣтнею графинею Софіею Владиміровною Орловою. Хотя на этотъ бракъ было испрошено разрѣшеніе императрицы, тѣмъ не менѣе, при молодомъ дворѣ, въ аристократическомъ мірѣ, а частью въ родственномъ кругу онъ возбудилъ великіе толки и неудовольствіе. Менторъ Никиты Петровича—князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, въ письмахъ своихъ къ великому князю Павлу Петровичу и къ его супругѣ, называлъ эту свадьбу „скороспѣлою, рановременною“ (mariage précoce); говорилъ, что Орловымъ онъ доставляетъ болѣе удовольствія, нежели графу Петру Ивановичу... Но всѣ эти толки вскорѣ должны были утихнуть предъ новой, печальной вѣстью: въ полночь съ 15-го на 16-е апрѣля графъ Петръ Ивановичъ Панинъ скончался. Цесаревичъ и цесаревна приняли искреннее участіе въ семейной утратѣ фамиліи Паниныхъ. Екатерина II, по словамъ Храповицкаго въ его „Запискахъ“[2]), отнеслась къ ней „равнодушно“. Трауръ смѣнилъ приготовленія къ свадьбѣ графа Никиты Петровича, отложенной на годъ. Не смотря на семейное горе, въ отношеніяхъ князя А. Б. Куракина къ Н. П. Панину замѣтна была какая-то натянутость, а въ отзывахъ о немъ почти недоброжелательство. Причина этихъ измѣнившихся отношеній къ Панину,— какъ молодаго двора, такъ и кн. Куракина — была все та же: именно бракъ гр. Никиты Петровича съ дѣвицею изъ фамаліи Орловыхъ, которыхъ великій князь Павелъ Петровичъ ненавидѣлъ. Князь Куракинъ отзывался, вслѣдствіе этого, о своемъ кузенѣ, какъ „о бездушномъ, избалован-

[1]) Графиня Софія Владиміровна род. 6-го ноября 1774, † 7-го января 1844 г.

[2]) Записки Храповицкаго, стр. 186, 23-го апрѣля 1789 г.: «извѣстіе о смерти графа Петра Ивановича принято равнодушно».

номъ мальчикѣ, когда-то обѣщавшемъ быть чѣмъ-нибудь, но нынѣ ни къ чему неспособномъ". „Ребяческая его неопытность просто непостижима!" писалъ, между прочимъ, князь Куракинъ цесаревичу (17-го октября 1791 года)... Охлажденіе къ молодому Панину со стороны великаго князя, а слѣдовательно, и кн. Куракина было, однако, не продолжительно.

6-го ноября 1796 года Екатерина II скончалась. Восходя на престолъ, императоръ Павелъ Петровичъ припомнилъ все, что приходилось ему переносить отъ наглыхъ временщиковъ въ бытность его наслѣдникомъ, но не забылъ и тѣхъ, которые тогда чтили въ немъ будущаго государя. Грянулъ громъ опалъ, полились дождемъ и милости. 4-го декабря 1796 года, недавно пожалованный въ камергеры, графъ Никита Петровичъ Панинъ былъ опредѣленъ членомъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Это назначеніе снова сблизило его съ княземъ А. Б. Куракинымъ, бывшимъ въ то время въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, вице-канцлеромъ. Таково было начало дипломатическаго поприща графа Никиты Петровича. Благосклонность императора и императрицы, родственная снисходительность и покровительство князя Куракина сулили молодому человѣку блестящую будущность; и, не смотря на то, онъ черезъ полгода обратился къ вице-канцлеру съ нижеслѣдующею просьбою, выраженною въ дружескомъ письмѣ:

Графъ Н. П. Панинъ—князю А. Б. Куракину.

7-го іюня 1797 г., воскресенье.

„Съ послѣднею почтою изъ Стокгольма вы, вѣроятно, получили отъ нашего посланника письмо, въ которомъ онъ просилъ о своемъ увольненіи. Канцлеръ должно быть тоже получилъ письмо одинаковаго содержанія, это я узналъ отъ барона Криднера, которому о томъ сообщилъ г. Будбергъ. Вотъ, достойный и почтенный другъ, благопріятный случай—выпутать меня изъ затруднительнаго положенія и застраховать отъ всѣхъ угрожающихъ мнѣ огорченій. Если увольненіе будетъ принято, предложите, чтобы меня назначили въ Стокгольмъ, умоляю васъ! Этимъ вы упрочите мое спокойствіе за служебное мое поприще, можетъ быть и за всю мою жизнь, такъ какъ весьма вѣроятно, все политическое мое поприще ограничится этимъ назначеніемъ. Если вы можете оказать мнѣ эту важную услугу, то я полагаю, надобно прибавить два замѣчанія канцлеру: 1) что я ни въ какомъ случаѣ не останусь въ коллегіи, если она не будетъ организована надлежащимъ образомъ; 2) чтобы шведскій послан-

никъ не препятствовалъ моему отправленію на конгрессъ, такъ какъ это послѣднее назначеніе только временное".

Судя по этому скромному желанію, можно предположить, что графъ Панинъ былъ чуждъ всякаго честолюбія; но это предположеніе было бы крайне ошибочно. Честолюбивый до ревности, независимый и настойчивый въ своихъ мнѣніяхъ, онъ не могъ терпѣть никакого совмѣстничества; подчиненность была для него невыносима. Между прочими перемѣнами и перемѣщеніями въ иностранной коллегіи, графа Панина встревожила слѣдующая:

„Депеша прусскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Вегенера.

С.-Петербургъ, 12-го (23-го) іюня 1797 г.

„Кочубей [1]) отозванъ со своего поста въ Константинополѣ и на его мѣсто назначенъ г. Тамара. Послѣдній не пользуется здѣсь лучшей репутаціей, и этому назначенію вообще удивляются. Кочубей, будучи любимымъ племянникомъ князя Безбородко [2]), повидимому, будетъ играть важную роль въ министерствѣ, въ которое поступаетъ, какъ членъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ".

Вмѣсто незначительнаго поста посланника въ Швецію, графъ Панинъ получилъ другое мѣсто поважнѣе, позначительнѣе: 5-го (17-го) іюля 1797 года ему было повелѣно исполнять должность чрезвычайнаго посланника въ Берлинѣ. По этому случаю, прусскіе — повѣренный въ дѣлахъ Вегенеръ и посланникъ генералъ Грёбенъ, отправили къ королю Фридриху Вильгельму II слѣдующія депеши:

Депеша Вегенера къ королю прусскому.

С.-Петербургъ, 3-го (14-го) іюля 1797 г.

„Назначеніе графа Панина на мѣсто сенатора Колычева [3]) при дворѣ вашего величества произвело здѣсь большое впечатлѣніе, и изъ того заключаютъ о великой пріязни, которая теперь возникнетъ между обоими дворами. Говоря съ графомъ Брюлемъ о новомъ своемъ назначеніи, графъ Панинъ сказалъ, что такъ какъ онъ уже былъ членомъ министерства, то ему необходимо сохранить за собою это мѣсто, вслѣдствіе чего ему будетъ удобнѣе вѣдать обо всемъ, происходящемъ въ петербургскомъ кабинетѣ, во время его

---

[1]) Викторъ Павловичъ Кочубей (впослѣдствіи князь) род. 1768, † 2-го іюня 1834 года.

[2]) Свѣтлѣйшій князь Александръ Андреевичъ Безбородко, государственный канцлеръ, род. въ 1742, † въ 1799 г.

[3]) Степанъ Алексѣевичъ Колычевъ былъ нашимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, а по увольненіи Панина, вице-канцлеромъ.

пребыванія въ Берлинѣ; что, впрочемъ, еслибы императоръ не согласился на подобное сочетаніе должностей, то графъ на поприщѣ своемъ пойдетъ вспять вмѣсто движенія впередъ, принявъ миссію послѣ того, какъ былъ членомъ министерства".

Депеша генерала Грёбена къ прусскому королю [1]).

С.-Петербургъ, 17-го (28-го) іюля 1797 г.

„Воспользуюсь первымъ же случаемъ, чтобы сообщить здѣшнему министерству о распоряженіяхъ вашего величества чрезъ г. Сандозъ-Роллена (прусскаго посланника) въ Парижѣ, для извѣщенія французской директоріи о намѣреніяхъ его императорскаго величества и о желаніи, изъявляемомъ этимъ государемъ, сблизиться съ новою республикою".

Панинъ не медлилъ: 28-го іюля онъ былъ уже въ Мемелѣ; 4-го (15-го) августа—въ Данцигѣ, гдѣ осталось его семейство, а 15-го (26-го) августа—прибылъ въ Берлинъ. Еще изъ Мемеля, увѣдомляя князя Куракина о своемъ прибытіи въ прусскія владѣнія, графъ Панинъ приписалъ шифромъ въ своемъ письмѣ:

„Сейчасъ узналъ, къ великому моему удивленію, что шведскій король [2]) отправился въ Пирмонтъ инкогнито. Что значитъ это свиданіе, и не имѣетъ-ли оно цѣлію какихъ-либо замысловъ противъ насъ? [3])".

По прибытіи въ Берлинъ, графъ Панинъ, въ шифрованной депешѣ (на французскомъ языкѣ), отправленной въ Петербургъ, отдавая справедливость дѣятельности своего предмѣстника С. С. Колычева, просилъ о награжденіи его орденомъ св. Анны. Затѣмъ, Никита Петровичъ приступилъ къ усердному отправленію своей должности, сопряженному, особенно для новичка, съ величайшими затрудненіями. Самыя эти затрудненія давали возможность молодому посланнику выказать свои рѣдкія способности—неутомимую энергію и весьма часто проницательность, свойственную только опытнымъ, старымъ дипломатамъ. По ясности идей, по изяществу и правильности изложенія, депеши графа Панина донынѣ могутъ служить образцомъ дипломатическаго слога. Весьма сожалѣемъ, что не можемъ, вмѣстѣ

[1]) Грёбенъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ въ понедѣльникъ вечеромъ, 29-го іюня 1797 года, въ самый день тезоименитства императора Павла. Первую аудіенцію у государя имѣлъ 12-го іюля въ Кронштадтѣ, на фрегатѣ «Эммануилъ». Принятъ Павломъ весьма благосклонно.

[2]) Густавъ IV Адольфъ наслѣдовалъ Густаву III 28-го марта 1792 г. отрекся отъ престола 12-го марта 1809 г. (род. 1-го ноября 1778, † 1837 г.). Онъ былъ нѣсколько помѣшанъ.

[3]) Въ Пирмонтѣ находился тогда король прусскій.

съ переводомъ, печатать и подлинниковъ: мы озаботились о вѣрности перевода и за него ручаемся, но самая эта вѣрность—главная причина мѣстами встрѣчающейся неровности слога.

Прежде нежели приступить къ обзору дипломатической дѣятельности графа Панина, считаемъ необходимымъ бросить взглядъ на положеніе дѣлъ тогдашняго берлинскаго кабинета.

Преемникъ Фридриха Великаго, король Фридрихъ-Вильгельмъ II [1]), котораго народъ прозвалъ „толстымъ королемъ“ (der dicke König), въ теченіи десяти лѣтъ царствованія расточилъ финансы страны и низвелъ Пруссію на степень второстепенной державы. Безпечный сибаритъ, которому государственныя дѣла были непосильнымъ бременемъ, онъ возложилъ ихъ на графа Гаугвица [2]), стоявшаго во главѣ берлинскаго кабинета. Притворство и двусмысленность были приняты графомъ Гаугвицемъ за постоянное и неизмѣнное правило. Въ сознаніи собственнаго безсилія, не чувствуя ни малѣйшаго желанія возобновлять борьбу съ революціонными идеями, олицетворяемыми Франціею, берлинскій кабинетъ помышлялъ только о томъ, чтобы, пользуясь усложненіемъ

---

[1]) Племянникъ Фридриха Великаго, родился 25-го сентября 1744, † 5-го (16-го) ноября 1797 г.

[2]) Графъ Гаугвицъ (Christian Heinrich-Karl graf von Haugwitz) род. въ Силезіи 1752, † въ Венеціи 19-го февраля 1822 г., зять генерала Тауэнціена (1776 г.). Въ молодости, проживая долгое время въ Тосканѣ, пріобрѣлъ особенное расположеніе эрцгерцога австрійскаго Леопольда, наслѣдника австрійскаго престола. По воцареніи своемъ, Леопольдъ изъявилъ желаніе, чтобы Гаугвицъ былъ назначенъ прусскимъ посланникомъ къ вѣнскому двору, что и было исполнено (1790 г.). Затѣмъ, быстро повышаясь, Гаугвицъ получилъ званіе прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ—на мѣсто Шулембурга (1792 г.). Благодаря его стараніямъ, Берлинъ сдѣлался центромъ дипломатическихъ сношеній европейскихъ державъ. Система Гаугвица главнымъ образомъ состояла въ поддержаніи дружелюбныхъ сношеній съ Франціею, что, разумѣется, не могло нравиться ни Англіи, ни Австріи, ни Россіи, хотя впрочемъ способствовало временной безопасности Пруссіи. Въ 1803 г., сознавая отсталость политическихъ воззрѣній, Гаугвицъ подалъ въ отставку, уступивъ свое мѣсто Гарденбергу. Во время министерства послѣдняго, Пруссія вступила въ непосильную борьбу съ Франціею, за что жестоко поплатилась. Король Фридрихъ-Вильгельмъ III обратился къ Гаугвицу, желая, при его посредничествѣ, войдти съ Наполеономъ въ пріязненныя отношенія. Послѣ Аустерлицкой битвы Гаугвицъ смѣнилъ Гарденберга, и до 1813 года его стараніями Пруссія была союзницею Франціи. Не смотря на перемѣны въ европейской политикѣ, онъ сохранилъ портфель до 1820 года и удалился отъ дѣлъ по разстроенному здоровью, проживая съ этого времени и до самой смерти постоянно за границей. Полная и любопытная біографія этого дипломата была написана Минутолли: «Graf von Haugwitz. Berlin, 1844».

дѣлъ въ Европѣ, округлить прусскія владѣнія безъ особенныхъ пожертвованій и усилій. Эти корыстныя стремленія, въ ущербъ Австріи и всему германскому союзу, ставили Пруссію передъ ними болѣе нежели въ двусмысленное положеніе, и нарушали Тешенскій договоръ (1779 года), при которомъ на долю Россіи выпала роль—быть примирительницею Австріи съ Пруссіею. Но о соблюденіи тешенскаго договора берлинскій кабинетъ и не думалъ. Базельскій миръ съ Франціей (1795 года) и дополнительное къ нему условіе (подписанное 5-го августа 1796 года) обусловливали нейтралитетъ Пруссіи и обезпечивали за нею въ будущемъ значительное расширеніе территоріи. Уступивъ лѣвый берегъ Рейна Франціи, Пруссія могла вознаградить себя за эту уступку округленіемъ своихъ границъ, включая въ нихъ вымороченыя владѣнія германскихъ князей и ландграфовъ, за права которыхъ едва-ли могла вступиться Австрія, занятая войною съ республикой французской.

При восшествіи своемъ на престолъ, императоръ Павелъ I рѣшился не только придерживаться системы невмѣшательства, но даже вступить въ сношенія съ директоріею французской республики. Останавливаемся именно на этомъ моментѣ; о послѣдующихъ событіяхъ узнаемъ изъ слѣдующихъ депешъ.

Графъ Н. П. Панинъ — князю Куракину.

Берлинъ, 30-го августа (10-го сентября) 1797 г.

„Я, можетъ быть, покажусь вамъ дерзкимъ, осмѣливаясь выражать мнѣніе, у васъ не владычествующее. Сознаюсь, что это не языкъ придворнаго; но думаю, что общественный дѣятель обязанъ представлять вещи такъ, какъ онъ на нихъ смотритъ, а не такъ, какъ хотятъ, чтобы онѣ ему казались. Въ данную минуту нашему двору нельзя входить въ какія-либо полюбовныя сдѣлки съ французами, безъ оскорбленія достоинства императора, безъ принесенія въ жертву своихъ союзниковъ. Можно, безъ малѣшаго затрудненія, ждать исхода ихъ переговоровъ и внутренняго переворота во Франціи. Отъ насъ недалеки эти великія событія — нужно только нѣсколько дней терпѣнія. На что вы рѣшитесь, ежели одновременно получите и актъ, мною подписанный, и вѣсть о возобновленіи военныхъ дѣйствій на берегахъ Рейна и Эчи? Что вы тогда отвѣтите въ Вѣнѣ и въ Лондонѣ, когда отъ васъ потребуютъ помощи и соблюденія договоровъ? Что вы скажете сами себѣ, когда узнаете, что люди, съ которыми вы заставляли меня вести переговоры, возвратились въ ту грязь, изъ которой вышли, чтобы на одну минуту, подобно метеорамъ, ослѣпить васъ? Простите, мой милый кузенъ, если я заблуждаюсь,

увлекаемый усердіемъ; вспомните только, что я—единственный изъ министровъ императора, которому родственныя связи съ вами позволяютъ говорить подобнымъ языкомъ. Умоляю, заклинаю васъ, именемъ собственной вашей славы, зрѣло обсудить мои сегодняшнія депеши. Онѣ дурно редактированы; но перо, начертавшее ихъ, будетъ всегда водимо чистѣйшимъ безкорыстіемъ и неограниченною привязанностью къ интересамъ нашего августѣйшаго монарха. Вы—хлопочите, по крайней мѣрѣ, отсрочку на нѣсколько дней. Министры иностранныхъ дворовъ обыкновенно съ нетерпѣніемъ ждутъ рѣшеній отъ нихъ; я же на сей разъ возсылаю мольбы, чтобы вы пренебрегли мною; сказавъ вы, я говорю о канцлерѣ.

„.... Позвольте мнѣ, любезный кузенъ, обратиться къ вамъ съ двумя просьбами, касающимися интересовъ службы. Первая состоитъ въ томъ, чтобы вы приказали въ коллегіи изготовить, для моего употребленія, копію съ особенной шифровки графа Воронцова [1]), и доставить ее мнѣ съ первымъ курьеромъ; вы понимаете, какъ для меня важно имѣть возможность свободно съ нимъ переписываться. Вторая моя просьба: нельзя-ли дать мнѣ, по крайней мѣрѣ, одного фельдегеря?“

Берлинъ, 12-го (23-го) сентября.

(Шифрованная депеша — сокращенно).

Опасное возвращеніе революціонныхъ принциповъ на лѣвомъ берегу Рейна; Панинъ подозрѣваетъ тѣсную связь, или, по крайней мѣрѣ, совершенное согласіе между якобинцами и берлинскими коноводами; Панинъ спрашиваетъ: петербургскій кабинетъ продолжаетъ-ли придерживаться настроенія, подъ внушеніемъ котораго былъ написанъ энергическій рескриптъ касательно тайной конвенціи? Требовать отъ Пруссіи категорическаго объясненія — было бы, по мнѣнію Панина, единственнымъ средствомъ къ прегражденію потока, угрожающаго наводненіемъ Германіи.

„Если мы желаемъ войдти въ соглашенія съ Пруссіею, въ такомъ случаѣ только непосредственная переписка между обоими монархами можетъ произвести спасительное дѣйствіе: все, проходящее черезъ руки королевскихъ министровъ—Гаугвица и Бишофсвердера [2]) дохо-

[1]) Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ род. 15-го іюня 1744, † въ іюнѣ 1832 г. Женатъ былъ на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Сенявиной. Въ это время (1797 г.) онъ былъ нашимъ полномочнымъ посломъ въ Лондонѣ.

[2]) Баронъ Бишофсвердеръ (Hans Rudolph freiherr von Bischoffswerder) скончался въ преклонныхъ лѣтахъ, въ 1803 году. Службу свою, по дипломатической части, началъ при Фридрихѣ Великомъ и при его преемникѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ II игралъ весьма важную роль; но Фридрихъ Вильгельмъ III его

дить до короля съ тѣмъ оттѣнкомъ, который имъ заблагоразсудится придать; ихъ могущество усиливается по мѣрѣ истощенія физическихъ и нравственныхъ силъ его величества, принимающаго участіе въ дѣлахъ съ крайнимъ отвращеніемъ".

Императоръ Павелъ — королю Фридриху-Вильгельму II.

Гатчина, 30-го сентября 1797 г.

(Императоръ Павелъ пишетъ, что какъ только онъ убѣдился, что конвенція 5-го августа 1796 года, между Пруссіею и Франціею „была только éventuel[1]) и клонилась къ сохраненію ненарушимости германскаго союза и къ поддержанію европейскаго равновѣсія", единственная цѣль, имъ взятая, привести воюющія державы къ скорѣйшему заключенію мира. Нынѣ вся Европа наполнена слухомъ, будто французы)... „ежедневно создаютъ новыя затрудненія къ приступленію къ переговорамъ въ Удино и въ Лиллѣ, и что, наконецъ, неприкосновенность Германіи и предварительныя статьи, подписанныя въ Леобенѣ, не служатъ болѣе основами переговоровъ; тѣ же самые слухи обвиняютъ ваше величество въ пристрастіи; тѣшатся распространеніемъ молвы, будто вы изыскиваете способы воспрепятствовать, подъ рукою, европейскому миру; что ваше величество, дозволяя французамъ расширять ихъ завоеванія, сами приберегаете себѣ долю отъ разоряемой австрійской имперіи, и что дѣло только за тѣмъ, чтобы вооруженною рукою принудить римскаго императора къ подписанію. Желалъ бы вѣрить, что всѣ слухи ложны"...

(Тѣмъ не менѣе, Павелъ, будучи на основаніи тешенскаго мира „поручителемъ за германскую конституцію", не можетъ)... „взирать на переворотъ теперешней европейской системы, клонящейся къ разъединенію сей конституціи, не принимая участія на столько живаго, насколько обстоятельства, власть и силы, Провидѣніемъ мнѣ врученныя, внушатъ мнѣ".

Графъ Н. П. Панинъ — князю А. Б. Куракину.

Берлинъ, 13-го (24-го) октября.

„Отпуская подателя этого письма, любезный кузенъ, я поручилъ ему отдать вамъ точный отчетъ о моемъ образѣ жизни въ здѣш-

---

уволилъ отъ службы за дряхлостью и слабоуміемъ. Къ числу странностей этого министра принадлежало его вѣрованіе въ алхимію и въ универсальное лекарство.

[1]) То есть, такая конвенція, относительно которой, можетъ быть, и не представится случая привести ее въ исполненіе.

ней странѣ, о моемъ мнѣніи о ней и о моихъ видахъ на будущее. Вы этого желали—я повинуюсь. Г. Дольстъ будетъ особенно настаивать на одномъ пунктѣ, именно касательно крайняго моего нежеланія остаться на моемъ постѣ послѣ мира. До сихъ поръ и, покуда дѣла затруднительны, если усердіе искупаетъ мою неопытность, я посвящаю себя должности, на меня возложенной; вы не услышите отъ меня ни просьбы, лично до меня касающейся, ни единой жалобы; но за тѣмъ, я буду почитать наказаніемъ приказаніе — оставаться здѣсь, и тогда потребую исполненія обѣщаній императрицы и канцлера".

Король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ II—императору Павлу.

Потсдамъ, 21-го октября (1-го ноября) 1797 г.

(Отвѣчая на письмо императора Павла отъ 30-го сентября, король ссылается на сдѣланное Павлу сообщеніе конвенціи 5-го августа 1796 года, коей „основныя статьи были éventuel" и за симъ онъ продолжаетъ):

„Если миръ, подписанный въ Удино, — въ то самое время, когда меня обвиняли въ препятствіи ему, а я изъявлялъ Франціи желаніе ему содѣйствовать моимъ посредничествомъ,—если этотъ миръ, говорю я, дѣйствительно обезпечиваетъ неприкосновенность Германіи, о чемъ не замедлилъ извѣстить римскій императоръ иностранные дворы и регенсбургскій сеймъ, вслѣдствіе прелиминарныхъ статей договора въ Леобенѣ [1]), я первый тому порадуюсь и раздѣлю радость союзныхъ мнѣ владѣтелей; но если еще остается, чего, конечно, слѣдуетъ ожидать, устроить прочія дѣла, касающіяся германскаго союза, я повторяю вашему величеству предложеніе и приглашеніе—вмѣстѣ со мною содѣйствовать на конгрессѣ, который не замедлитъ собраться по сему предмету, согласно предложеніямъ моимъ французскому правительству. Вы увидите готовность мою приложить всѣ мои старанія къ сему великому дѣлу и раздѣлить съ вами обязательства, о которыхъ изволите помнить, приняты вами по мирному тешенскому договору къ охраненію правъ и владѣній фамиліи дома Пфальцъ".

Графъ Н. П. Панинъ — князю А. Б. Куракину.

Берлинъ (безъ числа; въ Петербургѣ получено 13-го ноября того-же 1797 года).

(Сокращенно). Графъ Панинъ встревоженъ миромъ при Кампо-Формio [2]) (заключеннымъ 6-го (17-го) октября). Въ Берлинъ не было

[1]) Переговоры въ Леобенѣ между Бонапартомъ, маркизомъ Галло и Меэрвельдтомъ предшествовали заключенію мира въ Кампо-Формio.

[2]) Миръ при Кампо-Формio между Франціей и Австріей былъ заключенъ

о томъ никакого сообщенія, но, по всѣмъ слагающимся обстоятельствамъ, можно судить, что условія, обнародованныя въ газетахъ, подлинны. Сомнѣнія въ честности вѣнскаго двора; совмѣстно-ли съ интересами и достоинствами императора продолжать покровительствовать тѣмъ, которые его не цѣнятъ?

Князь А. Б. Куракинъ — графу Н. П. Панину.

6-го ноября 1797 года.

(По-русски). „Въ разсужденіе мирнаго трактата, заключеннаго между вѣнскимъ дворомъ и французами, долженъ я вамъ объявить, что гр. Разумовскій [1]) увѣдомилъ насъ, по нарочной эстафетѣ, только о подписаніи онаго трактата, не упоминая объ условіяхъ, и яко-бы онъ никакого свѣдѣнія о томъ не имѣетъ, и что баронъ Тугутъ [2]) отозвался ему, что черезъ два дня отправитъ отсюда курьера съ подробными по сему дѣлу изъясненіями; но до сихъ поръ сей курьеръ къ намъ не прибылъ и гр. Разумовскій ничего о семъ не доноситъ. Таковое непростительное и ко многимъ для него невыгоднымъ заключеніямъ поводъ подающее молчаніе его весьма удивительно показалось и государь императоръ повелѣлъ изъявить ему за то свое неудовольствіе. По замедленію вѣнскаго двора и по недостатку въ семъ случаѣ той

6-го (17-го) октября 1797 г. (со стороны Франціи—Бонапартъ, со стороны Австріи—маркизъ Галло, Кобенцель, Меэрвельдтъ и баронъ Дегельманъ). За уступку Франціи Нидерландовъ, итальянскихъ своихъ владѣній за рѣкою Ольо, за признаніе цизальпинской республики и владычества Франціи надъ Іоническими островами, Австрія получила Венецію, Истрію, Далмацію и Бокко-ди-Каттаро. По тайному пункту соглашалась на уступку Франціи лѣваго берега Рейна съ Майнцемъ... Однимъ словомъ, за собственныя выгоды Австрія продала Франціи Германію и Пруссію.

[1]) Графъ Андрей Кириловичъ (род. въ 1751, † въ 1823 г.) пользовался особеннымъ расположеніемъ Павла I.

[2]) Баронъ Тугутъ (Franz Maria, Freiherr von Thugut) род. 1734, † 29-го мая 1818 г. Сынъ простаго лодочника; благодаря способностямъ и превосходному образованію, достигъ должности австрійскаго государственнаго канцлера. Службу свою началъ драгоманомъ при австрійскомъ посланникѣ въ Константинополѣ (1769), за тѣмъ былъ посломъ и полномочнымъ министромъ (1771). Въ іюнѣ 1794 года возведенъ въ званіе канцлера. Въ политической системѣ своей постоянно выказывалъ расположеніе къ Англіи и ненависть къ Пруссіи. По силѣ одной изъ тайныхъ статей Леобенскаго договора, въ апрѣлѣ 1797 г., былъ удаленъ отъ службы и, опять призванный въ 1799 г., находился на ней до октября 1800 г. Въ Россіи сынъ Тугута пріобрѣлъ извѣстность за его вмѣшательство въ распоряженія Суворова во время кампаніи 1799—1800 гг. Достойное орудіе австрійской политики—Тугутъ былъ лукавъ, лживъ и не пренебрегалъ никакими средствами для достиженія цѣли.

совершенной довѣренности къ нашему двору, которая, какъ къ первому его союзнику принадлежитъ, судить можно, что условія того трактата не весьма выгодны и не таковы, что бъ мы могли быть ими довольны; а потому и вѣроятно, что вѣнскій дворъ первый нарушилъ германскую конституцію и невредимость имперіи,—въ чемъ онъ всегда укорялъ берлинскій, — и легко можетъ быть также, что, въ угожденіе надменнымъ французамъ, согласился на тайное постановленіе, вопреки всѣхъ собственныхъ своихъ выгодъ и обязательствъ, на счетъ бывшей Польши. Но все сіе еще покрыто глубокимъ мракомъ, а всего желательнѣе, что бы сіи доводы, безпокойства и заключенія наши не оказались справедливыми".

9-го (20-го) ноября графъ Панинъ увѣдомилъ князя Куракина объ отъѣздѣ въ Петербургъ прусскаго генералъ-лейтенанта Клейста съ извѣстіемъ о вступленіи короля Фридриха-Вильгельма III на престолъ [1]).

(Король Фридрихъ-Вильгельмъ II сконч. 5-го (16-го) ноября 1797 г.)

Графъ Н. П. Панинъ — князю А. Б. Куракину.

Берлинъ, 14-го (25-го) ноября.

(Шифромъ). „Если генералъ Клейстъ [2]) привезъ только неопредѣленныя выраженія чувствъ короля, если вся его миссія ограничивается обычными любезностями, вы можете подумать, что молодой государь не совсѣмъ хорошо расположенъ къ намъ и что холодность эта слѣдствіе обдуманной системы. Подобное мнѣніе, во всякомъ случаѣ, было бы преждевременно и могло бы ввести васъ въ заблужденіе, о чемъ позвольте предварить васъ. Обстоятельство это, конечно, слишкомъ тонко, чтобы я могъ говорить съ увѣренностью; но вычисленія, основанныя на теоріи вѣроятностей, также иногда служатъ къ разрѣшенію нѣкоторыхъ задачъ. Новый король не хочетъ торопиться ни въ чемъ: таково его правило; онъ открыто его выражаетъ и подтверждаетъ его съ первыхъ же своихъ шаговъ. Прежде всего онъ хочетъ знать, какъ тѣхъ людей, съ которыми имѣетъ дѣло, такъ и тѣхъ, которымъ поручаетъ веденіе своихъ дѣлъ. Старая система, можетъ быть, не будетъ отринута, но будетъ очищена. Съ чашки вѣсовъ до тѣхъ поръ не снимутъ гирю, покуда ее не замѣнятъ другою. Примѣните это правило къ Франціи: вспомните, что теперешнимъ министрамъ прямая выгода искажать виды и правила нашего

[1]) Король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ III род. 3 августа 1770, † 7-го іюня 1840 г.

[2]) Генералъ Клейстъ-фонъ-Ноллендорфъ род. 9-го апрѣля 1762, † 17-го февраля 1823 года, былъ впослѣдствіи фельдмаршаломъ.

кабинета, и согласитесь со мною, что разрывъ съ Франціею невозможенъ до тѣхъ поръ, покуда не будутъ вполнѣ увѣрены, что въ союзѣ съ нами обрѣтутъ дружбу, довѣріе, подпору. Вы скажете мнѣ, можетъ быть: „въ томъ должны быть увѣрены". Позвольте, князь, не согласиться съ вами и возразить, что юный монархъ до сихъ поръ былъ знакомъ съ положеніемъ дѣлъ по рапортамъ Гаугвица, которому онъ не довѣряетъ, и это великій шагъ къ истинѣ; но, чтобы узнать ее вполнѣ на это потребны время и размышленія. Если нашъ августѣйшій монархъ счелъ нужнымъ отвѣчать конфиденціальнымъ сообщеніемъ, приведеннымъ въ моей секретной реляціи отъ 22-го октября, и отвѣтъ его былъ опять обращенъ къ королевскому принцу, я не сомнѣваюсь, что сей послѣдній дастъ удовлетворительное объясненіе и честно выскажется. Нынѣ все его вниманіе поглощено внутренними дѣлами, которыя онъ ставитъ на первый планъ и процессомъ Лихтенау, исходъ котораго, вѣроятно, рѣшитъ судьбу графа Гаугвица".

„P. S. Эта депеша явная, любезный кузенъ, такъ же точно, какъ и слѣдующая, дабы вы могли обѣими распорядиться по вашему усмотрѣнію. Въ отвѣтъ на эту, потрудитесь только увѣдомить меня, имѣетъ-ли пріѣздъ Клейста связь съ политическими сношеніями. Откажемъ-ли мы Англіи въ просимой ею помощи и будетъ-ли возможность отвергнуть причину союза (casus foederis)? Умоляю васъ, скажите мнѣ объ этомъ нѣсколько словъ; это указаніе будетъ мнѣ необходимо. Реляцію мою за № 49 поручаю волѣ Божіей, правосудію императора и вашей поддержкѣ. Подписываю ее съ безпокойствомъ, но безъ упрековъ совѣсти".

Берлинъ, 14-го (25-го) ноября.

(Шифромъ). „Правда, любезный кузенъ, что приказанія, полученныя мною чрезъ курьера Амана, доставили мнѣ истинное удовольствіе. Изъ нынѣшнихъ моихъ донесеній явствуетъ, что онѣ были мнѣ необходимы и, можетъ быть, признаютъ за нужное дать мнѣ право говорить языкомъ, и того болѣе рѣшительнымъ. Времени терять нечего, если только хотятъ разрушить ихъ замыслы и спасти германскую имперію отъ конечнаго ниспроверженія.

„P. S. (Собственноручно). Я легко могу попасть въ страшный просакъ, если сегодняшнее мое секретное донесеніе замѣшается между явными бумагами, ходящими по рукамъ. Вы понимаете, любезный кузенъ, что только вашимъ сіятельствамъ я могу сообщать о сношеніяхъ моихъ съ королемъ, равно и о бытѣ двора, о королевѣ и проч. Видите, что я не злоупотребляю правомъ писать императору въ собственныя руки; но когда это случится, цѣль моя не будетъ достиг-

нута, если я не получу приказанія откладывать эти депеши къ сторонѣ. Сегодняшняя депеша заслуживаетъ этого тѣмъ болѣе, что въ ней содержится бумага, похищенная изъ прусскаго министерства, и если Грёбенъ объ этомъ узнаетъ, я пропалъ.

„Завтра день погребенія короля. Такъ какъ для дипломатическаго корпуса устроена особая трибуна, я долженъ проливать на ней слезы, хотя и готовъ помирать со смѣху, глядя на нѣмецкую скупость, выказываемую во всѣхъ торжественныхъ оказіяхъ“.

Князь А. Б. Куракинъ — графу Н. П. Панину.

Петербургъ, 17-го ноября.

„Спѣшу увѣдомить васъ, что ваша эстафета съ вѣстью о восшествіи на престолъ короля Фридриха-Вильгельма III получена сегодня въ три часа пополудни. Лишь только его величество узналъ о кончинѣ покойнаго короля прусскаго, онъ тотчасъ же приказалъ отмѣнить спектакль, который былъ назначенъ на нынѣшній вечеръ въ эрмитажѣ. Эта внимательность съ его стороны ко двору союзному, дружественному и родственному, надѣюсь, будетъ оцѣнена по достоинству.

„P. S. Сію минуту я возвратился изъ дворца, гдѣ узналъ, что нашъ августѣйшій монархъ, не ожидая оффиціальнаго увѣдомленія, уже приказалъ наложить трауръ на четыре недѣли по случаю кончины Фридриха-Вильгельма II. Подобная аттенція была соблюдена у насъ только при извѣстіи о кончинѣ императрицы-королевы Маріи-Терезіи“.

С.-Петербургъ, 14-го ноября 1797 г.

„Письмо ваше подъ № 18 я сегодня получилъ и съ особливымъ удовольствіемъ изъ онаго усмотрѣлъ, что безъ всякаго еще отношенія моего къ вамъ единомысленны вы со мною по случаю мира вѣнскаго съ французами. Справедливы и основательны заключенія ваши объ ономъ.

„Гр. Разумовскій оказалъ себя въ семъ случаѣ непостояннымъ и совершенно предосудительнымъ для себя образомъ. По краткому будто сообщенію барона Тугута о семъ мирѣ, не входя ни въ какія подробности, прислалъ онъ съ симъ извѣстіемъ эстафету; черезъ два дни предвѣстилъ онъ присылку вѣнскаго курьера съ отправленіемъ о всѣхъ мирныхъ постановленіяхъ; но, къ крайнему удивленію и безпокойству нашему, двѣ недѣли протекли въ совершенномъ молчаніи отъ него и отъ барона Тугута, и сіе заслужило сему послу изъявленіе неудовольствія его императорскаго величества. Наконецъ, столь долго ожидаемый курьеръ пріѣхалъ сюда къ графу Дитрихштейну, ко-

торый вручилъ кн. Александру Андреевичу (Безбородко) и мнѣ двоякимъ словомъ составленныя письма отъ графа Кобенцеля[1]) и сообщилъ намъ мирный трактатъ и секретныя артикулы. Содержаніе перваго совершенно сходно съ напечатаннымъ въ вѣдомостяхъ. Секретные же артикулы заключаютъ въ себѣ слѣдующее:

(Краткое изложеніе секретныхъ статей и жалобы на коварство вѣнскаго двора)" легко судить можете, сколь вообще сіе событіе всякое ожиданіе наше превосходитъ и намъ непріятно быть должно, а особливо по пріобрѣтенію французами на Средиземномъ морѣ Венеціанскихъ острововъ, гдѣ, безъ сомнѣнія, постараются они возмутить грековъ и албанцевъ и распространить звѣрскія свои правила и въ Турціи; и если, къ несчастію, въ томъ предъуспѣютъ и Порта, не усмотрѣвъ угрожаемую ей гибель, имъ въ томъ не воспрепятствуетъ, то можно легко заключить о пагубныхъ слѣдствіяхъ ко вреду и нашему, изъ того произойти могущихъ. Однако, держась неколебимо принятой нами миролюбивой системы, не намѣрены мы явнымъ образомъ оказывать наши истинныя о семъ мирѣ чувствія и будемъ попечительно стараться сохранить доброе согласіе съ вѣнскимъ дворомъ и французами. Къ сему послѣднему имѣете вы, по силѣ данныхъ вамъ вновь предписаній, положить основаніе вашихъ подвиговъ противъ Каліара[2]). Слѣдствіемъ сего мира, вѣнскій дворъ и Францію безсовѣстными похищеніями чужихъ и наслѣдственныхъ владѣній удовлетворяющаго, будетъ, конечно, не токмо сближеніе, но и событіе тѣснаго союза между сими обѣими обязывающимися державами для взаимной обороны ихъ новыхъ пріобрѣтеній. Тогда надобно будетъ

---

[1]) Графъ Лудвигъ Кобенцель род. 1753, † 22-го февраля 1808 г. Начавъ службу въ молодыхъ лѣтахъ по дипломатической части, былъ австрійскимъ посломъ въ Копенгагенѣ (1774), въ Берлинѣ (1777), въ Петербургѣ (съ 1779 до 1797). При безобразной наружности, неистощимо-веселый, остроумный, любезный, вкрадчивый Кобенцель пользовался расположеніемъ Екатерины II, а съ нею, разумѣется, и всего нашего двора. Въ 1797 году императоръ австрійскій Францъ II назначилъ его полномочнымъ министромъ въ Удино и онъ былъ главнымъ виновникомъ всѣхъ выгодъ и невыгодъ мира, заключеннаго при Кампо-Форміо.

[2]) Антоній Бернаръ Кайльяръ (Antoine Bernard Caillard) род. 1737, † въ маѣ 1807 года, знаменитый французскій дипломатъ и одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени; товарищъ Тюрго по семинаріи, онъ былъ обязанъ этому министру своей блестящей карьерой. Въ 1761 году Кайльяръ былъ опредѣленъ секретаремъ посольства въ Парму; послѣ того въ этой-же должности былъ въ ландграфствѣ Гессенскомъ, въ Касселѣ, въ Копенгагенѣ, въ Петербургѣ (три раза въ 1774, 1779 и 1784 годахъ). Въ 1785 году онъ былъ назначенъ въ Голландію повѣреннымъ въ дѣлахъ; здѣсь оставался до 1792 года, въ которомъ получилъ званіе полномочнаго министра. По назначе-

намъ рѣшиться, прилично-ли намъ оставаться въ таковомъ союзѣ, или нѣтъ. Я того мнѣнія, что сохраненіе самой тѣсной связи съ нашею древнею и лучшею союзницею—съ Англіею, первый и непоколебимый предметъ намъ быть долженствуетъ, а потомъ обстоятельства откроютъ пользу и надобность другихъ союзовъ".

Князь А. Б. Куракинъ — графу Н. П. Панину.

27 ноября 1797 г.

(Шифромъ по-русски). „Письма ваши отъ 14-го (25-го) ноября я получилъ и не оставилъ сдѣлать изъ оныхъ надлежащее употребленіе.

„Въ удовлетвореніе изъявленнаго вами желанія вѣдать, намѣрены-ли мы дать Англіи помощь и признаемъ-ли настоящую ея войну за casus foederis, канцлеръ сообщитъ вамъ при первомъ курьерскомъ отправленіи копію съ посланныхъ къ гр. Воронцову предписаній по сему предмету; но, между тѣмъ, спѣшу сказать вамъ вкратцѣ содержаніе оныхъ: что его императорское величество непоколебимо пребываетъ въ принятомъ имъ правилѣ—свято соблюдать свои обязательства и сохранить дружбу лучшей своей союзницы — Англіи; что настоящія обстоятельства, а особливо пріобрѣтеніе французами Венеціанскихъ острововъ, дающее имъ столь важный перевѣсъ и вліяніе у Порты, обращаетъ наше вниманіе быть во всякой осторожности со стороны турокъ, а по нимъ и шведовъ, и содержать въ готовности знатное число сухопутныхъ и морскихъ силъ; что при всей доброй нашей волѣ находимъ мы невозможностью удовлетворить требованію англійскому, о посылкѣ теперь, по силѣ трактата, войскъ, ибо оныя не прежде будущаго апрѣля изъ Либавы отправлены быть могутъ, когда время угрожающаго теперь французскаго дессанта пройдетъ; слѣдовательно, не будутъ въ состояніи для требуемой помощи прибыть, а подвергнутся многимъ изнуреніямъ и послужатъ къ ослабленію силъ нашихъ, къ нашей собственной оборонѣ въ настоящемъ критическомъ случаѣ нужныхъ; что, судя по вѣрности англійской націи, полагаемъ мы, что ея могущество, ея превосходство на морѣ,

---

нію директоріи переведенъ въ Берлинъ, въ октябрѣ 1795 года, и съ первой аудіенціи заслужилъ расположеніе короля Фридриха-Вильгельма II; съ Гаугвицемъ былъ друженъ. Назначеніе аббата Сіэйса (Sieys) на мѣсто Кайльяра много повредило французской политикѣ. Отозванный въ Парижъ, Кайльяръ продолжалъ службу по министерству иностранныхъ дѣлъ и указомъ отъ 9-го мессидора IX года (28-го іюля 1801 г.) исправлялъ должность министра до назначенія Таллейрана. Послѣдніе годы жизни Кайльяръ посвятилъ литературнымъ занятіямъ.

достаточны будутъ къ отраженію всякихъ отъ французовъ покушеній противъ нея самой; но, если бы паче чаянія, оказались онѣ явнымъ образомъ недостаточными и миръ Англіи скоро заключенъ не будетъ, то представляемъ мы впредь изъясниться о постановленіи нужныхъ для того мѣръ, и что въ изъявленіе нашего попеченія, быть сколь возможно полезнѣе союзницѣ нашей—Англіи, намѣрены мы изъ вооружаемыхъ къ будущей веснѣ отъ 25 до 30-ти кораблей послать въ Сѣверное море 12 кораблей, если только Швеція останется нейтральною; впрочемъ, что въ разсужденіе сохраненія цѣлости германской имперіи и конституціи ограничиваемся мы въ изъясненіяхъ увѣщательныхъ, нами объ оной въ Вѣнѣ и Берлинѣ сдѣланныхъ, ибо и до сего не токмо всѣ чины имперіи единомысленно о томъ къ намъ не обратились, но даже многіе изъ нихъ оспариваютъ право и существо гарантіи нашей тешенскаго мира, въ чемъ ссылаемся на послѣдніе отзывы ганноверскаго министерства.

„Симъ далъ я вамъ знать главное содержаніе изволенія его императорскаго величества на послѣднее представленіе г. Витворта[1]) которое было ему словесно сообщено, и онъ, находя всѣ наши причины совершенно справедливыми, остался доволенъ.

„P. S. Сими строками поспѣшаю васъ успокоить на счетъ вашей реляціи подъ № 49. Я съ своей стороны всю осторожность вашу въ подвигахъ къ возобновленію прерванной негоціаціи съ Кальяромъ не токмо совершено похваляю, но въ оной новое доказательство вашихъ искусства и достохвальнаго усердія къ пользѣ и достоянію отечества нашего вижу. Мнѣ извѣстно, что оная не была противна, но сказано, что напрасно соединили съ симъ, вамъ особенно поручен-

---

[1]) Лордъ Витвортъ (sir charles Whitworth) род. въ 1760, † въ маѣ 1824 г. Типъ англійскаго дипломата въ обширнѣйшемъ значеніи слова. Въ 1786 году былъ великобританскимъ посланникомъ при дворѣ Станислава-Августа короля польскаго; въ 1788 г. назначенъ въ Петербургъ отстаивать интересы Турціи и способствовалъ заключенію ясскаго мира (29-го декабря 1791 года), за что получилъ отъ короля орденъ Бани, а отъ императрицы Екатерины II—шпагу, осыпанную бриллiантами. Склонилъ наше правительство къ заключенію союзнаго договора съ Англіею противъ Франціи, котораго, однако же, императоръ Павелъ I не подвердилъ. Въ замѣну таковаго, Витвортъ убѣдилъ Павла I заключить коммерческій трактатъ (1797) и до такой степени вкрался въ довѣренность императора, что онъ ходатайствовалъ у сент-джемскаго кабинета о пожалованіи Витворта въ пэры (1798). Виды Англіи на Мальту и дѣйствія Витворта, клонившіяся къ этой цѣли, лишили его расположенія Павла I, потребовавшаго у англійскаго правительства, чтобы Витвортъ былъ отозванъ (1-го февраля 1800 г.). Дальнѣйшая карьера этого дипломата возвела его на высоту всевозможныхъ почестей. Геніальнѣйшіе люди своего времени—Наполеонъ I и Вальтеръ-Скоттъ отзывались о способностяхъ Витворта съ величайшею похвалою.

нымъ, предметомъ послѣднее требованіе Англіи и ожиданный отсюда на оный отвѣтъ".

Графъ Н. П. Панинъ — князю А. Б. Куракину.

Берлинъ, 29-го ноября (10-го декабря) 1797 г.

(Подъ строжайшимъ секретомъ; собственноручно). „Ваша любопытная депеша отъ 6-го ноября получена мною своевременно.

„Не пойму упорнаго молчанія вѣнскаго двора и какъ ни ломаю голову, не нахожу никакого извиненія къ оправданію поступка, такъ мало совмѣстнаго съ уваженіемъ, которымъ онъ обязанъ своему вѣрному союзнику. Что касается до графа Разумовскаго, я думаю, весьма вѣроятно, всѣ его усилія въ министерствѣ были безплодны. Извините, если я говорю съ такой смѣлостью; вы пріучили меня, милый кузенъ, не скрывать отъ васъ ничего. Впрочемъ, я говорю о человѣкѣ, котораго лично не знаю и, признаюсь, на мѣсто котораго желалъ бы поступить, если бы открылась вакансія. Дѣйствительно, при теперешнемъ положеніи нашего департамента, гдѣ я не могу болѣе засѣдать безъ униженія, я почелъ бы себя счастливымъ, если бы могъ промѣнять мой постъ на другой—въ Вѣнѣ или въ Лондонѣ. Въ свое время вспомните объ этомъ, мой почтенный другъ! На васъ возлагаю всѣ мои ожиданія; но, если уже дѣло пошло на исповѣдь, прибавлю: если Кочубей оставитъ коллегію, я возвращусь въ нее съ удовольствіемъ.

„Слишкомъ уважаю васъ, милый кузенъ, чтобы скрывать мой образъ мыслей, который расходится съ вашимъ, относительно сближенія съ Франціей. Я думаю, что не пришло еще время; что мы не имѣемъ права, на которое могли бы сослаться, для нарушенія союза съ Англіей; что слава императора нашего запрещаетъ покидать союзника въ самую для него критическую минуту; что планъ, предложенный этимъ дворомъ, есть единственный, согласный съ пользами Россіи; что, отвергая его, мы поспособствуемъ извращенію всякихъ правилъ. Скажу болѣе: я думаю, что императоръ, диктуя свои послѣднія приказанія на счетъ Кальяра, не предвидѣлъ положенія, въ которомъ находится Англія, и что онъ ихъ отмѣнитъ.

„Князь Зубовъ[1]) все еще здѣсь, и я думаю, что онъ еще пробудетъ нѣсколько времени, точно такъ же какъ и графъ Разумов-

[1]) Платонъ Александровичъ (род. 1767, † 1822 г.), изъ ротмистровъ конной гвардіи въ шесть лѣтъ достигъ чина генералъ-фельдцейгмейстера, получилъ всѣ ордена первыхъ степеней и достоинство свѣтлѣйшаго князя Римской имперіи (съ 1789 по 1796 годъ). Пользовался особымъ расположеніемъ Екатерины II.

скій. Оба они были приняты при разныхъ дворахъ весьма благосклонно".

Берлинъ, 13-го (24-го) декабря.

(Секретно; собственноручно). „Какова бы ни была, любезный кузенъ, система нашего высочайшаго двора въ его отношеніяхъ къ тому, при которомъ я состою; какова бы ни была степень довѣрія, внушаемаго новымъ царствованіемъ, я думаю, что обязанъ, во всякомъ случаѣ, пользоваться всѣми обстоятельствами, могущими способствовать тѣснѣйшему ихъ сближенію и искорененію начатковъ недовѣрія, питаемыхъ лукавыми поступками прусскаго министерства. Таково чувство, одушевляющее всѣ мои поступки, и, льщусь мыслію, что вы угадали его въ доводахъ, которые я имѣлъ смѣлость привести вамъ о пользѣ дружеской переписки между нашею несравненною императрицею и молодою королевою. Этотъ щекотливый вопросъ еще требуетъ нѣкоторыхъ объясненій, которыя могу сообщить на усмотрѣніе только вамъ однимъ, милый кузенъ.

„Къ несчастію, извѣстно положительно, что въ прусскомъ кабинетѣ нельзя найти твердой почвы, покуда г. Гаугвицъ будетъ занимать въ немъ первое мѣсто. Намѣренія короля чисты, но таковы же были и намѣренія его предшественника, имѣвшаго также характеръ прямой, бывшаго врагомъ скрытности и увертокъ изворотливой политики; онъ умѣлъ цѣнить нашъ союзъ и въ видахъ пользы своей монархіи питалъ чувства личной дружбы къ нашему августѣйшему государю. Однако же, все это ни сколько не благопріятствовало успѣху праваго дѣла; съумѣли его обмануть, ослабить его добрыя намѣренія, извратить его правила и изъ естественнаго союзника Россіи сдѣлать доброхота, чтобы не сказать—раба якобинцевъ. Многіе признаки предвѣщаютъ, что мнѣ прійдется быть свидѣтелемъ повторенія той же сцены. Неопытность и нерѣшительность юнаго монарха точно такъ же выгодны людямъ злонамѣреннымъ, какъ и слабость его отца. Его уже окружили приспѣшники Гаугвица: одни повинуются этому министру корыстолюбія ради, другіе — по простотѣ. Я знаю одного господина изъ этого послѣдняго разряда, который, самъ того не подозрѣвая, орудіе Гаугвица: человѣкъ добрый, прямой, честный, находящій эти же самыя качества и въ своемъ патронѣ. Что же изъ всего этого выходитъ? Выходитъ то, что король, видящій все и желающій все видѣть, желающій добра, трудящійся безъ устали, не знаетъ, что ему сообщаютъ, покорствуетъ чужой волѣ, руководствуется рукою невидимою. Вы лучше меня поймете плачевныя послѣдствія этого порядка вещей. Я думаю, что еще есть время ихъ предупредить

и только въ нижеслѣдующихъ средствахъ вижу возможность достиженія этой цѣли и преобразованія прусской системы:

„1) Войдти въ переписку съ герцогомъ Брауншвейгскимъ [1]), поладить съ нимъ, подстрекнуть въ немъ чувства любви къ славѣ, распалить ему воображеніе; словомъ сказать, наэлектризовать его изъявленіями уваженія и довѣрія; указать ему ту цѣль, къ которой намѣрены идти, и увѣрить его, что только онъ одинъ знаетъ къ ней дорогу; что препоручаютъ себя его познаніямъ и сотрудничества его ищутъ не для Россіи, не для Пруссіи, но для спасенія всей Европы.

„2) Уладить (какъ я уже указалъ) дружескую переписку между императрицею и королевою; дѣло объ акушерѣ могло бы тому быть предлогомъ, или, скорѣе, починомъ [2]). Это привело бы непримѣтно къ признаніямъ о пользѣ единодушнаго согласія между двумя монархами. Письма, проходя черезъ руки императора, будутъ писаться, такъ сказать, подъ его диктовку; главнымъ предметомъ должно быть объясненіе истинныхъ причинъ недовѣрія всей Европы къ прусской системѣ, а результатомъ—снятіе личины съ г. Гаугвица. Впрочемъ, безполезно дѣлать замѣтку, что улаживать эти тайныя сношенія слѣдуетъ не круто, а къ главному предмему приступить не иначе, какъ послѣ предварительной, постепенной подготовки.

„3) Имѣть при здѣшнемъ дворѣ довѣреннаго агента безъ вѣрительныхъ грамотъ, безъ оффиціальнаго званія, но облеченнаго достаточною властью. Необходимо, чтобы ему, по его происхожденію и чину, доступны были всѣ придворныя собранія. Если на эту должность выберутъ меня, въ такомъ случаѣ, прежде всего я долженъ быть отозванъ, мой министерскій санъ долженъ быть съ меня снятъ; за тѣмъ, подъ вымышленнымъ предлогомъ порученія въ иномъ мѣстѣ я долженъ

---

[1]) Родился 9-го октября 1735, † 10-го ноября 1806 г.

[2]) Въ этомъ году императрица Марія Ѳеодоровна была беременна (великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, родившимся 28-го января 1798 г.) и, по случаю смерти ея акушера Моренгейма, поручено было графу Панину пригласить изъ Берлина профессора Мекеля (Meckel), который и принялъ предложенія нашего двора. Но при этомъ королева прусская Луиза (род. 10-го марта 1776, † 19-го іюля 1810 г.), хотя сама была беременна принцессою (которая родилась 1-го (12-го) іюля 1798 г. и впослѣдствіи была всероссійской императрицею Александрою Ѳеодоровною), предлагала отправить въ С.-Петербургъ своего собственнаго акушера Рибке (Riebke). По этому случаю Панинъ писалъ 30-го ноября (11-го декабря): «короткость отношеній по этому случаю, могущая возникнуть между обѣими государынями, будетъ имѣть благопріятнѣйшее вліяніе на дѣла, если только захотятъ воспользоваться, ибо королева обладаетъ совершеннымъ довѣріемъ своего августѣйшаго супруга».

по временамъ заѣзжать сюда. Если эта должность возложена будетъ на другаго, ее легко можно замаскировать и оправдать какой-нибудь уважительной причиной, напримѣръ, порученіемъ доставить королевскому принцу орденъ св. Андрея, коего кавалеромъ былъ покойный король и который намъ будетъ возвращенъ. Къ чему вся эта таинственность, спросите вы? Къ тому, что нелѣпый этикетъ здѣшняго двора не допускаетъ членовъ дипломатическаго корпуса въ общество короля и королевскаго семейства; къ тому, что полномочные министры могутъ говорить съ нимъ только при публикѣ или на чрезвычайныхъ аудіенціяхъ, случаи которыхъ весьма рѣдки; къ тому, что было бы дѣломъ величайшей важности, если бы ставъ между королемъ и его министрами, имѣть возможность объяснять ему сущность дѣлъ, побудить его къ работѣ, предупредить происки французовъ и разрушить ихъ ковы. Министръ, связанный условіями дипломатическими, жертвующій формами самому дѣлу (какъ мы къ тому всѣ принуждены), для подобной должности не годится и въ данную минуту не можетъ принести истинной пользы.

„Таковы мои мечты, милый кузенъ! Можете мое рукописаніе изорвать на папильотки, если хотите, зовите меня мечтателемъ, если вамъ угодно: одно только принимаю близко къ сердцу—не скрывать отъ васъ ничего, клонящагося къ пользамъ службы. Могу-ли связывать малѣйшее самолюбіе съ многими моими мнѣніями? Правда, если вы обрекаете меня еще на пребываніе здѣсь, вы обязаны, смѣю сказать, утѣшить меня, сдѣлавъ на что-нибудь пригоднымъ, ибо жестоко было бы требовать жертвы, совершенно напрасной. Если я имѣлъ несчастіе навлечь на себя гнѣвъ императора, въ такомъ случаѣ въ видахъ его пользы столько же, сколько и изъ состраданія ко мнѣ, я долженъ быть отозванъ. Если же, напротивъ, меня удостоиваютъ нѣкоторымъ довѣріемъ, тогда да будетъ мнѣ дозволено настаивать на главнѣйшемъ пунктѣ: необходимо, чтобы молодой король высказалъ свою систему. Это зависитъ отъ насъ. Нужно, чтобы онъ объяснился и рѣшилъ выборъ между Россіею и Франціею. Покуда онъ увертывается, а мы медлимъ да откладываемъ, общій врагъ утвердитъ свое владычество и ниспровергнетъ общественную систему. Австрія на своихъ политическихъ вѣсахъ переложила гирю изъ одной чашки въ другую; равновѣсіе нарушено. Есть-ли насущная потребность возстановить его? вотъ въ чемъ вопросъ. Узы тройственнаго союза распутаны, одна только нить еще связуетъ Лондонъ съ Петербургомъ; порвется эта нить и безначаліе восторжествуетъ, событіе свершится!

„Поступки вѣнскаго двора относительно здѣшняго заслуживаютъ

еще полнаго вашего вниманія, милый кузенъ. Его поведеніе также не политично, измѣнчиво, нелѣпо; каковымъ оно было и съ нами послѣ мира. Горечь, злопамятство, ребяческая придирчивость пробиваются сквозь выставленную на показъ умѣренность и разрушаютъ все дѣйствіе увѣреній въ дружбѣ и въ желаніи погасить факелъ раздора. Я болѣе не узнаю г. Тугута, этого человѣка, казавшагося одною изъ прочнѣйшихъ опоръ праваго дѣла. Принцъ Рейсъ, преданный этому дѣлу со всѣмъ пыломъ добродѣтельной души, поспѣшилъ дать ему отчетъ о счастливыхъ способностяхъ герцога Брауншвейгскаго, развивая его систему союза между Англіею и тремя могущественнѣйшими державами континента. Г. Тугуту проэктъ этотъ, повидимому, понравился; по крайней мѣрѣ, онъ призналъ его пользу и неотлагательную въ немъ надобность; но утверждаетъ, что императору германскому не прилично сдѣлать первый шагъ, почему? Потому, что онъ имѣетъ причины къ жалобамъ на покойнаго короля. Фридрихъ-Вильгельмъ III сдѣлалъ первый шагъ; чего же имъ еще надобно? Конечно, поведеніе австрійскаго кабинета, его отреченіе отъ всякихъ правилъ, его коварное двуязычіе, его подлое снисхожденіе ко врагу престоловъ лишаютъ его всякихъ правъ на жалобы. Г. Тугутъ говоритъ, что онъ желаетъ сближенія; что же онъ для этого дѣлаетъ? Начинаетъ съ того, что отдаетъ въ печать и во всѣ газеты договоръ, убивающій германскій союзъ. За тѣмъ, и еще давъ время вѣнской газетѣ прибыть сюда, онъ присылаетъ берлинскому кабинету экземпляръ подлинныхъ статей договора, ни слова не упоминая о статьяхъ секретныхъ. Если римскій императоръ не увѣнчанъ фригійскимъ колпакомъ, какъ-то думаютъ французы, и если эти поступки внушены только злобою, было бы весьма полезно, чтобы вы, милый кузенъ, сдѣлали напоминаніе о томъ въ Вѣнѣ, чтобы дать имъ понять неминуемыя послѣдствія. Только мы и можемъ быть посредниками между обоими дворами.

„Хотите-ли знать Кобенцеля и употребляемыя имъ средства для усыпленія тѣхъ, кого имѣетъ выгоду обмануть? Потрудитесь прочитать у сего прилагаемое письмо. Онъ прислалъ его ко мнѣ, отправляясь въ Удино, уже снабженный полномочіями и инструкціями. Я ничего ему не отвѣчалъ и своевременно не сдѣлалъ объ этомъ доклада потому, что я долженъ былъ предположить, что все, имъ будто бы мнѣ довѣренное за тайну, уже извѣстно въ Петербургѣ. Предоставляю благоразумію вашему употребить этотъ документъ по собственному усмотрѣнію. Если вздумаютъ прислать его нашему двору, было бы, можетъ быть, полезно разоблачить это коварство предъ его императорскимъ величествомъ. На этотъ единственный случай прилагаю при семъ офи-

ціальное письмо, которое вы въ тоже время предъявите, потому что настоящее письмо пишу единственно вамъ.

„Необходимо, милый кузенъ, чтобы я разъяснилъ еще третій пунктъ моихъ предложеній, хотя и сильно сомнѣваюсь, чтобы онѣ были приняты. Дать мнѣ приказъ отправиться въ путешествіе для маскировки тайной причины порученія—было бы не удобно по той причинѣ, что у меня семейство, а на поѣздку потребуются излишніе расходы, сдѣлать которые въ настоящую минуту мнѣ не позволяютъ средства. Мѣра эта чрезвычайная, на которую слѣдуетъ снабдить меня и суммою чрезвычайною. Легчайшій къ тому способъ—послать кого-нибудь изъ небывалыхъ и отдать его въ мое распоряженіе; ибо два сослуживца одного и того же двора портятъ дѣло, вмѣсто того, чтобы способствовать его успѣху. Для меня, впрочемъ, было бы это оскорбленіемъ незаслуженнымъ. Каково бы ни было рѣшеніе ваше, льщусь надеждою, что вы расположите въ пользу моего предложенія: послать голубую ленту королевскому принцу. По всѣмъ признакамъ я увѣренъ, что эта внимательность будетъ достойно оцѣнена.

„Пожалуй и достаточно, милый кузенъ, чтобы заставить васъ раскаяться въ данномъ мнѣ позволеніи вести этого рода переписку. Скажите откровенно, что я вамъ надоѣдаю, и тогда, хотя и съ сожалѣніемъ, я ограничусь увѣреніемъ въ почтительнѣйшихъ чувствахъ, съ которыми пребуду всю мою жизнь вашимъ покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою и другомъ Панинъ".

Князь А. Б. Куракинъ — графу Н. П. Панину.

Петербургъ, 29-го декабря 1797 г.

(Шифромъ; конфиденціально). „Не могу выразить, милый кузенъ, удовольствія, доставленнаго мнѣ вашимъ письмомъ отъ 13-го (24-го) сего мѣсяца, адресованнымъ и предназначеннымъ лично мнѣ. Я совершенно согласенъ съ вами во всемъ, что вы такъ хорошо изложили. Съ твердымъ убѣжденіемъ и съ истиннымъ удовольствіемъ я поспѣшилъ докладомъ, подробно объяснивъ вашъ взглядъ на вещи. Я собралъ дань похвалъ, которыя вы заслуживаете за одушевляющее васъ усердіе, за чистоту намѣреній и благоразуміе вашихъ видовъ. Они будутъ приняты и большая ихъ часть осуществится. Заранѣе раздѣляю съ вами чувства самодовольствія, которыя доставитъ вамъ успѣхъ вашихъ предложеній.

„Очень вѣроятно, что молодой королевскій принцъ получитъ орденъ св. Андрея, лишь только будутъ возвращены знаки ордена, кавалеромъ котораго былъ покойный король — его дѣдъ. Доставка ордена

препоручена будетъ довѣренному лицу, которое вы такъ желаете имѣть для сотрудничества и для успѣшнѣйшаго хода дѣла, чему вы сами не можете способствовать вслѣдствіе препятствій, налагаемыхъ вамъ этикетомъ двора, при которомъ находитесь, и за невозможностью поддерживать и развивать въ молодомъ королѣ желаніе сближенія съ нашимъ дворомъ, основанное на началахъ, извѣстныхъ нашему августѣйшему монарху, столь свойственное юному государю и долженствующее такъ сильно вліять на спокойствіе и на сохраненіе старѣйшихъ правительствъ Европы. Выборъ этой довѣренной особы довольно трудный, какъ по чину, такъ и по личнымъ ея достоинствамъ, еще не сдѣланъ. Явное порученіе, на эту особу возложенное, скроетъ цѣль ея настоящаго тайнаго назначенія.

„Покуда, я думаю, генералу Кутузову [1]) данъ будетъ приказъ— со своей стороны начать дѣло и предварительные къ нему подступы. При его умѣ и способностяхъ, намъ извѣстныхъ, должно надѣяться, что онъ будетъ дѣйствовать съ умѣренностью и съ прилежаніемъ, и съ исскуствомъ воспользуется хорошимъ расположеніемъ короля въ нашу пользу.

„Вы слишкомъ хорошо служите на занимаемомъ вами постѣ, и вами слишкомъ довольны, милый кузенъ, чтобы могли даже помыслить избрать васъ на должность посредника. Вы рождены для занятій дипломатическихъ и, покуда не призовутъ васъ иныя, обреките себя на постоянно прекрасное, какъ то было донынѣ, исполненіе возложенныхъ на васъ обязанностей.

„Ея величество императрица намѣрена также послать свой орденъ св. Екатерины королевѣ. Сообщаю это единственно вамъ, ибо государыня исполнитъ это тогда только, когда у его величества государя императора будетъ болѣе причинъ быть довольнымъ дѣйствіями относительно его лично и вообще берлинскимъ кабинетомъ.

„Мы совершенно одинаковаго мнѣнія съ вами, что нельзя полагаться ни на одно изъ его увѣреній и еще того менѣе разсчитывать на искреннюю и рѣшительную перемѣну въ лживой и ошибочной системѣ, которую приняли и которой слѣдовали въ прошедшее царствованіе до тѣхъ поръ, покуда г. Гаугвицъ будетъ оставаться на своемъ мѣстѣ. Надобно удивляться и вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣть, что онъ можетъ еще держаться въ мнѣніи своего государя. Вамъ предстоитъ оказать величайшую услугу Пруссіи, выставивъ въ настоящемъ свѣтѣ недовѣріе, которое онъ внушаетъ. Должно опасаться, что онъ обра-

[1]) Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ (род. 1745, † 1813 г.), впослѣдствіи фельдмаршалъ и свѣтлѣйшій князь Смоленскій.

тить вниманіе и виды короля на союзъ съ Франціей и на территоріальныя выгоды, этимъ союзомъ представляемыя, чтобы тѣмъ удобнѣе произвести смуты въ имперіи германской и въ ея конституціи, улаженной съ такими неправдами между ею и вѣнскимъ дворомъ. Понимаете, что не этимъ путемъ можемъ мы сблизиться съ Пруссіей.

„Если герцогъ Брауншвейгскій, не смотря на всѣ свои права пользоваться довѣріемъ и уваженіемъ короля, не осмѣлился начертать ему картину истинныхъ его выгодъ и возвратился къ себѣ ни съ чѣмъ, не оправдавъ великаго ожиданія, вами на него возложеннаго, кто-же теперь, кромѣ его, могъ бы это сдѣлать? Такъ какъ нельзя забыть его непонятнаго и позорнаго образа дѣйствій во время похода въ Шампань въ 1792 году, когда въ его рукахъ было спасеніе несчастнаго Людовика XVI и Франціи, когда онъ дѣйствовалъ вопреки волѣ и приказаніямъ покойнаго прусскаго короля,—такъ какъ ему и недостатку въ немъ энергіи приписываютъ бѣдствія, раздиравшія послѣ того Францію и обратнымъ толчкомъ угрожающія всей Европѣ,—вслѣдствіе этого, не къ нему слѣдуетъ обратиться, не ему оказать почетъ и довѣріе, однимъ словомъ, не для него стоитъ входить въ какія-либо сношенія. Долженъ я вамъ сказать то, чего можетъ быть вы не знаете, что французскія дѣла породили довольно дѣятельную переписку между покойною императрицею и имъ, переписку, которая не повела ни къ чему. Я долженъ вамъ еще замѣтить, что похвалы, которыми вы осыпаете его, и надежды, на него возлагаемыя въ вашемъ частномъ письмѣ отъ 13-го (24-го) сего мѣсяца, разрушаются въ прахъ вашими отзывами о немъ въ оффиціальномъ донесеніи, писанномъ того-же числа.

„Я обязанъ въ то же время не скрывать отъ васъ, что относительно его особа, всегда удостоивавшая васъ особенной благосклонностью, на покровительство которой вы постоянно можете разсчитывать, нарочно приказала мнѣ, отъ ея имени, предложить вамъ остерегаться побужденій вашего добраго сердца, часто заставляющихъ васъ судить о другихъ по себѣ самому; къ этому она приказала присовокупить, что вы доказали то на дѣлѣ извѣстными ей связями, существовавшими между вами, Марковымъ и Рибасомъ. Этихъ немногихъ словъ достаточно, милый кузенъ, что бы вы знали, какого она мнѣнія о ихъ репутаціи, которая даже въ публикѣ сомнительна. Въ этомъ же вы можете видѣть ея крайнюю доброту къ вамъ, распространяющуюся даже на заводимыя вами знакомства.

„Ея императорское величество государыня императрица, какъ я вамъ говорилъ, уже писала дружественное и благодарственное письмо королевѣ прусской. Она не считаетъ нужнымъ заводить дѣловую пере-

писку съ этой государыней, вслѣдствіе принятія ею за правило: никогда не вмѣшиваться въ государственныя дѣла.

„Совершенно справедливы, милый кузенъ, ваши заключенія о вѣроломствѣ вѣнскаго двора и о лукавомъ двуличіи, которымъ Кобенцель думалъ обморочить вашу проницательность и прямизну вашихъ намѣреній. Вы вполнѣ справедливо оцѣнили его письмо. Я сохраню его впредь до возможности переслать къ вамъ съ курьеромъ.

„Не могу также умолчать, что было бы хорошо, если бы вы время отъ времени увѣдомляли князя Репнина [1]) о затрудненіяхъ, вами встрѣчаемыхъ, въ дѣлѣ по договору о размѣнѣ плѣнныхъ, ибо ваше молчаніе въ этомъ случаѣ обезпокоило его и огорчило".

Графъ Н. П. Панинъ — князю А. Б. Куракину.

Берлинъ, съ 13-го на 14-е декабря (ст. ст.), 1797 г.

(Собственноручно). „Я почти оканчивалъ мою работу, милый кузенъ, чтобы отправить ее съ этимъ курьеромъ, какъ получилъ ваши шифрованныя депеши отъ 27-го ноября. Какъ ни велика моя увѣренность въ добротѣ вашей ко мнѣ, но вы ежедневно превосходите мои ожиданія постояннымъ и тщательнымъ попеченіемъ вами прилагаемымъ, чтобы мнѣ были вѣдомы всѣ текущія дѣйствія министерства, при чемъ даете мнѣ всякія поясненія. Повѣрьте, мой почтенный благодѣтель, что вы одолжаете не неблагодарнаго; что пріятнѣйшимъ для меня утѣшеніемъ будетъ снисканіе вашего одобренія, и что я вполнѣ цѣню жертву, которую вы мнѣ приносите, оставляя занятія вамъ болѣе пріятныя, чтобы оживлять меня вашимъ поощреніемъ и наставлять вашими разумными замѣчаніями.

„Не имѣю ничего сказать объ отвѣтѣ, данномъ кавалеру Витворту. Не зная его, я рѣшился выразить мои догадки; нынѣ преклоняюсь предъ верховною волею.

„Легко понять, что предложеніе мое — воспользоваться услугами принца Рейссъ не можетъ быть принято послѣ того, какъ его дворъ навлекъ на себя справедливыя подозрѣнія. Разумѣется, объ этомъ я болѣе не долженъ и думать. Прошу васъ, однако, обратить вниманіе на то обстоятельство, что, дѣлая этотъ вопросъ, я не имѣлъ понятія объ измѣнѣ нашего задушевнаго союзника. Если бы принцъ Рейссъ имѣлъ честь быть вамъ знакомымъ, я нашелъ бы новыя оправданія въ его личномъ характерѣ и поспѣшилъ бы высказать ихъ; но вы произнесли свой приговоръ и потому оставимъ это.

---

[1]) Князь Николай Васильевичъ Репнинъ (съ 30-го октября 1794 по 26-е ноября 1798 года) былъ литовскимъ генералъ-губернаторомъ.

„Не могу скрыть отъ васъ, почтенный другъ мой, удивленія моего по поводу того, что въ вашихъ послѣднихъ письмахъ я не нашелъ ни слова о выговорѣ, которымъ меня удостоили за этого несчастнаго поляка. Изъ этого я могу заключить, что вамъ о томъ ничего не было извѣстно. Однако же, было бы довольно странно, если бы вы узнали это только отъ меня".

Примѣчаніе. Панинъ, когда это писалъ, еще не получилъ отъ Куракина нижеслѣдующаго письма отъ 18-го декабря, въ которомъ вице-канцлеръ старался смягчить отправленный къ Панину высочайшій выговоръ.

Князь А. Б. Куракинъ — графу Н. П. Панину.

С.-Петербургъ, 18-го декабря 1797 г.

„Нѣжное участіе, принимаемое мною въ васъ, милый кузенъ, даетъ мнѣ право вообще, а въ дѣлахъ, до васъ лично касающихся, въ особенности, говорить вамъ нагую правду, безъ всякихъ обиняковъ. Замѣчаніе, сдѣланное вамъ отъ 16-го ноября по поводу поляка Бронеца, было слѣдствіемъ взгляда и предвзятыхъ правилъ въ отношеніи лицъ, столь подозрительныхъ, какъ этотъ. Оно нисколько не измѣнило, могу васъ увѣрить, ни хорошаго мнѣнія о дарованіяхъ вашихъ, ни благосклонности, которую вы умѣли заслужить вашимъ стараніемъ и дѣятельностью. Но вы не хотѣли положить предѣловъ вашей чувствительности; она была чрезмѣрна и представила вамъ вещи въ свѣтѣ имъ несвойственномъ. Простое правило для соблюденія впредь, данное вамъ, которое вы должны были принять къ свѣдѣнію, показалось вамъ событіемъ досаднымъ, вами незаслуженнымъ, отъ котораго можетъ зависѣть ваша репутація. Будьте увѣрены, что послѣдняя мнѣ дорога столько же, сколько и вамъ самимъ; но такъ какъ до сихъ поръ я вижу въ вашей службѣ только важныя причины вамъ быть довольнымъ и никакого повода тревожиться или огорчаться, то убѣдительнѣйше прошу васъ успокоиться и продолжать отправлять вашу должность съ тѣмъ же усердіемъ и съ той-же горячностью, которыя уже снискали вамъ довѣріе высшаго начальства, одобренія и даже похвалы всѣхъ тѣхъ, кому онѣ извѣстны. Я своевременно узналъ о томъ, что могли написать вамъ по дѣлу Бронеца, но, не придавая этому значенія, которое вы придали, не предполагая даже, чтобы вы приняли это такъ близко къ сердцу, я не счелъ и нужнымъ такъ или иначе говорить объ этомъ".

Графъ Н. П. Панинъ — князю А. Б. Куракину.

Берлинъ, 29-го декабря 1797 г. (9-го января 1798).

№ 32. „То, что вы говорите мнѣ, милый кузенъ, на счетъ моего желанія — перемѣнить постъ, безспорно, очень обязательно; но я ду-

маю, что вы дурно меня поняли и я вскорѣ объясню вамъ, почему такъ настойчивъ въ моихъ желаніяхъ. Со вчерашняго дня носится слухъ, что Разумовскій отозванъ! Признаюсь вамъ, это меня очень безпокоитъ послѣ отвѣта, даннаго мнѣ вами на его счетъ".

Берлинъ, 31-го декабря 1797 г. (11-го января 1798).

№ 33. (Собственноручное). „Мнѣ остается, почтенный мой благодѣтель, сказать вамъ очень многое въ отвѣтъ на любезное письмо ваше отъ 11-го (23-го) декабря. Случай представившійся сегодня захватилъ меня въ расплохъ. Мои донесенія его императорскому величеству требовали глубокаго размышленія; я могъ окончить ихъ только теперь ($2^1/_2$ часа утра), и не знаю, какъ выполню данныя мною вамъ обязательства. Наконецъ, будь что будетъ. Начнемъ.

„Такъ какъ императоръ удостоилъ меня личнымъ сообщеніемъ причинъ, препятствующихъ исполненію моего желанія—войдти въ соглашеніе о текущихъ дѣлахъ со здѣшнимъ дворомъ, я счелъ обязанностію препроводить прямо къ его императорскому величеству мои замѣтки о причинахъ продолжительнаго молчанія молодаго короля. Ссылаюсь на то, что вы отыщете въ моей сегодняшней секретной реляціи касательно этого щекотливаго вопроса. Изъ всѣхъ реляцій, вышедшихъ изъ-подъ моего пера, еще не было ни одной, на которую я такъ умолялъ бы васъ обратить особенное ваше вниманіе, какъ на эту; къ тому-же, она даетъ отвѣты на большую часть вашихъ послѣднихъ сообщеній. Вы замѣтите, что я особенно остановился на вашей мысли о прерваніи узъ, связующихъ Пруссію съ Франціею. Скажите мнѣ на милость, что такое мои разсужденія—софизмы, или вы удостоите ихъ вашимъ одобреніемъ? Вы предполагаете новый, тройственный союзъ, въ которомъ Пруссія замѣнитъ Австрію. Признаюсь вамъ, милый кузенъ, мнѣ все-таки пріятно сомнѣваться, чтобы вѣнскій кабинетъ захотѣлъ найдти въ насъ враговъ. Я предпринялъ бы трудъ, не соразмѣрный слабымъ моимъ средствамъ и противный совѣсти, если бы сталъ ходатайствовать въ его пользу. Но, сознавая его коварство, я не могу сознаться, чтобы баронъ Тугутъ былъ настолько невѣжда, настолько глупецъ, чтобы не понимать всю опасность разрыва между двумя императорскими дворами. Союзъ нужно возобновить—я думаю, что это намъ возможно,—и тогда присоединить берлинскій дворъ къ тройственному союзу, уже существующему. Только въ этомъ единственномъ пунктѣ, милый кузенъ, моя система не вполнѣ согласуется съ вашей; во всѣхъ прочихъ молчу, проникнутый уваженіемъ и восхищеніемъ. Продолжайте наставлять

меня, умоляю васъ; вамъ не найдти ученика, болѣе усерднаго и признательнаго.

„По милости придворнаго этикета, я не могъ найдти никакой возможности передать королевѣ письмо императрицы ранѣе воскресенья—дня собраній въ замкѣ. Вслѣдствіе этого я рѣшился лично вручить его г-жѣ Фоссъ, гофмейстеринѣ двора. Она поспѣшила къ королевѣ съ докладомъ. Возвратясь черезъ десять минутъ на свою половину, она передала мнѣ самый любезный отвѣтъ. Едва она начала говорить, какъ я услышалъ голосъ королевы. То была дѣйствительно ея величество! „Я не могла", сказала она мнѣ, „отказать себѣ въ удовольствіи лично выразить вамъ, сколь глубоко я тронута любезностями, которыя императрицѣ угодно было написать мнѣ; болѣе же всего для меня лестно ея обѣщаніе, что я почаще буду получать извѣстія отъ нея", и проч., и проч. Невозможно передать вамъ, милый кузенъ, сколько безконечной граціи молодая королева съумѣла придать этому комплименту. Письмо произвело величайшій эффектъ и доставляетъ мнѣ живѣйшую радость. Если императрица заблагоразсудитъ продолжать эту переписку, я еще разъ ручаюсь вамъ, что дѣла отъ того очень много выиграютъ и сближеніе совершится съ наименьшими препятствіями. Было бы, я думаю, полезно, если бы его императорскому величеству были сообщены подробности, мною приведенныя выше; но этихъ строкъ ему не показывайте, потому что я пишу ихъ сквозь сонъ.

„Надобно, однако-же, сказать вамъ одно слово о предметѣ, который я очень живо принимаю къ сердцу. Говоря мнѣ о Кочубеѣ, вы думали, кажется, что онъ внушаетъ мнѣ чувства соперничества или ревности? Это заблужденіе. Мнѣ пріятно было отдать ему справедливость; но, каковы бы ни были его достоинства, онъ не имѣлъ достаточно случаевъ выказать ихъ, чтобы пользоваться правомъ лишать меня старшинства въ департаментѣ. Дѣло сдѣлано; изъ любви ко мнѣ его не поправятъ, это я слишкомъ хорошо знаю; меня слишкомъ хорошо вразумили, что мнѣ на службѣ иной отрады ждать нечего, кромѣ исполненія моихъ обязанностей; но если я этимъ довольствуюсь, то не слишкомъ-ли жестоко требовать, чтобы я занялъ мѣсто ниже человѣка — моложе меня по службѣ и которому я, по крайней мѣрѣ равенъ, по моей преданности и усердію. Вотъ единственныя воззрѣнія, руководящія мною при просьбѣ оставить меня при посольствѣ, покуда Кочубей будетъ съ вами. Опять повторяю вамъ и по прежнему убѣдительно: если только правда, какъ говорятъ, будто Разумовскій отозванъ—ничѣмъ не докажете вы мнѣ дружбы вашей, какъ не давъ упустить мнѣ этотъ случай.

„Кончаю по недостатку мѣста и обнимаю васъ отъ всего сердца, отъ всей души. Панинъ“.

Приписка (на отдѣльномъ листкѣ). „Курьеръ пробылъ у меня только 24 часа и я отпустилъ бы его раньше, если бы не былъ обязанъ сегодня вечеромъ отправиться на балъ, на которомъ присутствовала королевская фамилія. Съ нѣкотораго времени балы здѣсь въ большомъ ходу: король танцуетъ, королева танцуетъ, всѣ танцуютъ, а я—я зѣваю во весь ротъ. Должно признаться, очень весело! Милордъ Гренвилль [1]), отъ имени своего двора, поручилъ выразить мнѣ благодарность чрезъ графа Воронцова, за образъ моихъ дѣйствій съ англійскимъ министромъ. Я этого не заслуживаю, потому что знать его и уважать—одно съ другимъ неразлучно“.

(Безъ числа; помѣта: получено 6-го января 1798 года).

(Шифромъ). „Я глубоко тронутъ, милый кузенъ, особеннымъ вашимъ стараніемъ въ письмѣ отъ 18-го декабря успокоить меня на счетъ предмета живѣйшихъ моихъ опасеній. Можетъ быть, чувствительность моя увлекла меня слишкомъ далеко; но думаю, что инаго упрека сдѣлать себѣ не могу въ этомъ несчастномъ дѣлѣ и съ грустью признаюсь вамъ, что тщетно въ утѣшеніяхъ вашихъ я искалъ хоть единаго слова, которое убѣдило бы меня, что вы вѣрите въ мою невинность. Я льстился надеждою, что въ отвѣтѣ моемъ его императорскому величеству доказалъ, что мѣры, принятыя мною, лишали Бронеца всѣхъ средствъ приносить вредъ вѣрнѣе, нежели невыдача ему паспорта. Но довольно объ этомъ, милый кузенъ! Изъявленія благосклонности, которыми меня съ тѣхъ поръ удостоили, возвратили мнѣ спокойствіе, и я долженъ быть благодаренъ польскому якобинцу за доставленіе мнѣ новаго доказательства вашей ко мнѣ доброты. Надѣюсь, что вы не находите никакой перемѣны въ моемъ поведеніи и если я, дѣйствительно, былъ сколько-нибудь усерденъ къ службѣ, тоже чувство еще одушевляетъ меня“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Гренвилль (William Windham lord Grenville) род. 24-го октября 1759, † 12-го января 1834 г.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

1816—1831.

1826 г.[1]).

29-го генваря (10 февраля) 1826 г. Варшава.

Любезный Ѳедоръ Петровичъ!....

1) Благодарю васъ за извѣщеніе, какимъ порядкомъ происходила священная и трогательная церемонія принесенія, въ назначенныя мѣста, мундировъ покойнаго государя императора, пожалованныхъ войскамъ. Я увѣренъ въ той глубокой горести, какую его императорское величество изволилъ чувствовать при семъ воспоминаніи нашего благодѣтеля, котораго память останется навсегда въ глубинѣ нашихъ сердецъ; и прошу васъ доложить его императорскому величеству, что здѣсь все въ точности будетъ также сіе исполнено по мѣрѣ возможности.

2) Я очень доволенъ, что крючекъ отъ мундира покойнаго государя императора зацѣпилъ его императорское величество. Это хорошій знакъ и означаетъ, что мундиръ, который имѣлъ счастіе быть покойника государя, какъ-бы чувствуетъ, что царское къ царскому прицѣпляется, и какъ бы поцѣловался.

3) Весьма благодарю за извѣщенія о всѣхъ назначеніяхъ, сдѣланныхъ государемъ императоромъ, для ихъ императорскихъ величествъ государынь императрицъ.

4) На счетъ того, что государь императоръ изволитъ отзываться о несвязности своихъ ко мнѣ писемъ, прошу васъ доложить его императорскому величеству, что, напротивъ—они очень связны и

---

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1873 г., т. VII, стр. 456—476.

понятны; дай Богъ только, чтобы я могъ въ полной мѣрѣ понять волю государя императора и исполнять оную во всемъ въ точности, какъ ему угодно. Въ семъ только и состоитъ мое искреннее желаніе и рвеніе, дабы его императорское величество изволилъ быть доволенъ.

5) Я очень счастливъ, что государь императоръ изволитъ быть доволенъ министромъ генераломъ графомъ Грабовскимъ. Я старался безъ всякаго пристрастія, отъ искренности моей, въ выборѣ человѣка на такое мѣсто, какъ его.

6) Отзывъ австрійскаго министра Лебцетерюа, говоря о князѣ Трубецкомъ[1]), дѣйствительно заслуживаетъ вниманіе; съ этой стороны князю Меттерниху нельзя попрекнуть, что онъ душитъ карбонаровъ, какъ можетъ; да въ томъ, кажется, и собственный его есть интересъ, дабы не потерять большія свои имѣнія, а кажется, для интереса онъ много кой-что дѣлывалъ.

7) . . . . . .

8) На счетъ письма тайнаго совѣтника Арсеньева, котораго я вовсе не знаю, что какъ покойный государь императоръ, такъ и я якобы были въ общемъ заговорѣ, на сіе надобно обратить вниманіе: не съ умысломъ-ли сіе пущено письмо; ибо, что касается до государя императора, такъ онъ скончался, то дѣло и кончено, а я, какъ живъ, то не хотятъ-ли подать нѣкоторое сомнѣніе его императорскому величеству въ искренности моей, дабы вселить подозрѣніе; но я совершенно увѣренъ, что никому въ семъ не удастся.

9) Что лейбъ-гвардіи Московскій и Гренадерскій полки не ходятъ въ 1-е отдѣленіе въ караулъ, я такого мнѣнія, что имъ долго и долго не надобно еще занимать оное, покамѣсть можно будетъ совершенно быть увѣрену, что все кончилось и тѣни подозрѣнія не осталось.

10) Я очень счастливъ, что мысли государя императора были согласны съ моими о вѣрной ротѣ Черниговскаго пѣхотнаго полка, и сіе удостовѣряетъ, что чувства братнинскія и, такъ сказать, однокровныя, есть одинаковы; только прошу васъ доложить его императорскому величеству, что я взываю, при семъ случаѣ, права мои относительно польскихъ уроженцевъ: что ежели есть въ сей ротѣ таковые, хотя одинъ, сдѣлать милость приказать прислать сюда.

Помѣта: «Непремѣнно».

11) Я очень сожалѣю, что государь императоръ не изволилъ быть доволенъ лейбъ-гвардіи драгунскимъ полкомъ, но сіе меня не

[1]) Полковникъ, декабристъ.

удивляетъ, ибо въ россійской арміи, какъ я изъ многихъ опытовъ знаю, существуетъ какая-то привычка, что коль скоро войско употребляется въ такое дѣло, которое имѣетъ подобіе на военное время, какъ-то: на бивуаки или въ разъѣзды и такъ далѣе, то сейчасъ отстаетъ отъ той строевой чистоты, какая обыкновенно бываетъ, полагая, какъ бы оно не нужно, и не вдругъ-то опять придетъ въ прежнее положеніе, что можно отнести и лейбъ-гвардіи къ драгунскому полку, которой, во время бывшаго несчастнаго происшествія, почти съ мѣсяцъ такъ употреблялся.

12) Благодарю за извѣщеніе, какимъ порядкомъ государь императоръ изволилъ доставить мундиръ покойнаго государя императора къ графу Алексѣю Андреевичу (Аракчееву) и былъ оный имъ врученъ войскамъ.

13) Я весьма радъ, что происшествіе, случившееся въ пажескомъ корпусѣ, оказалось не важнымъ, о которомъ я получилъ нынѣ донесеніе и отъ главнаго директора, генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова.

14) Я прошу васъ доложить его императорскому величеству, что на счетъ того, что пишутъ въ газетахъ, не только французскихъ, но и во всѣхъ, какого бы онѣ рода ни были, я совершенно этимъ пренебрегаю, ни мало не думаю, и, словомъ сказать, во всей силѣ равнодушно принимаю.

15) Прошу васъ повергнуть меня къ стопамъ его императорскаго величества за всемилостивѣйшее вниманіе къ моему предстательству награжденіемъ состоящихъ при мнѣ: генералъ-маіора Кривцова, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гинца и 4-го класса Данилова, котораго, я увѣряю, что будто онъ поступаетъ въ генералъ-интенданты 2-й арміи, вмѣсто извѣстнаго Юшневскаго[1]), и какъ я самъ теперь, какъ выше сказано, замѣшанъ въ заговорѣ, то что чрезъ него буду тамъ дѣйствовать. Почтенный Иванъ Даниловичъ перепугался, руками и ногами отъ онаго отрекается.

(Собственноручно): „16) Dites à l'empereur de ma part, que m'apuyant de l'autorisation, qu'il a daigné me donner d'introduire dans les trouppes polonoises, dans les compagnies et escadrons, qui avoient le bonheur de porter le nom de feu l'Empereur les chiffres sur les épaulettes, j'ai cru abonder dans son sens en permettant de les porter au Lieutenant-Colonel Kolbesj, qui a été Capitaine de la compagnie dans les grenadiers depuis son organisation et qui a été fait Lieutenant-Colonel au dernier séjour de feu l'Empereur ici za

[1]) Декабриста.

отличіе et de son propre mouvement. Il me semble, que cela lui revient de droit. Dites moi ce que l'Empereur vous dira la dessus".

Помѣта: «Хорошо изволилъ сдѣлать».

„17) Tout ce que vous me dites sur les bruits absurdes, qui se rependent sur mon compte á Petersbourg, ne m'inquiéte guére. Ma conduite est trop pure pour que l'on puisse y porter atteinte. Ma présence ici est plus necessaire que jamais, vu les arrestations qui se font autour de vous et qui peut être ne m'eviteront ici. Il faut être pret à tout, afin que désordre n'arrive pas. C'est à vous de prouver le contraire et à rectifier les idées des idéaligues.

„18) Je suis enchanté que l'Empereur vous compte pour le secrètaire de famille. Il ne pouvait mieux placé sa confiance. Quand à ce qui me regarde vous me connaissez depuis trop longtems pour n'être pas à même de donner les explications necessaires sur mon compte et mes idées.

„19) Ma femme vous remercie pour votre lettre et ce papier du Vatican, qui lui a fait grand plaisir et à moi un grand bien en m'interessant infiniment. Elle me charge de ses compliments pour vous. Mes homages chez vous.

„20) Montrez cette lettre à l'Empéreur de ma part. Tout à vous de coeur et d'âme. Constantin.

„P.S. Demandez à l'Empereur si je puis me servire du cachet du feu l'Empereur, qu'il a daigné m'envoyer comme souvenir. Il est tout à fait semblable à ceux, introduits dans les штабы".

(Переводъ). 16) Скажите отъ меня государю, что, основываясь на данное мнѣ его величествомъ полномочіе украшать польскихъ войскъ роты и эскадроны имени покойнаго императора вензелями на эполетахъ, я счелъ долгомъ позволить носить таковые подполковнику Колбези, который служилъ капитаномъ въ гренадерской ротѣ съ самаго ея сформированія, и который, во время послѣдняго здѣсь пребыванія государя, по его же повелѣнію, произведенъ въ подполковники за отличіе. По моему мнѣнію, онъ имѣетъ на это полное право. Сообщите мнѣ, что государь на это скажетъ.

17) Все, что вы мнѣ сообщили о нелѣпыхъ слухахъ, распространяемыхъ на мой счетъ въ Петербургѣ, мало меня безпокоитъ. Поведеніе мое слишкомъ безукоризненно, чтобы кто-нибудь могъ его запятнать. Мое присутствіе здѣсь теперь необходимѣе, чѣмъ когда-либо, въ виду совершающихся вокругъ васъ заарестованій, которыхъ, быть можетъ, и мнѣ тутъ не избѣгнуть. Нужно готовиться ко всему для отвращенія безпорядковъ. Вы должны опровергнуть эти слухи и исправить понятія людей ихъ вымышляющихъ.

18) Я радъ, что государь считаетъ васъ нашимъ семейнымъ секретаремъ. Онъ не могъ избрать человѣка, болѣе васъ заслуживающаго довѣрія. Что же касается меня, то вы слишкомъ давно меня знаете, чтобы не быть въ состояніи дать необходимыя объясненія на счетъ меня и моихъ мыслей.

1-го (13) февраля 1826 г. Варшава.

(Собственноручно). „Mon cher Opochinine, je m'adresse à vous afin de vous prier de soumetre à l'Empereur la demande, que j'ai á Lui faire et qui consiste en ce qui suit: feu mon Père avoit légué par son testament à feu mon bienfaiteur une épée en or qu'il avoit portée de son vivant, et même du vivant de feu l'Imperatrice Cathérine. Je desirerois l'avoir comme une rélique précieuse et que j'espère, que l'Empereur ne me refusera pas. Cette épée doit se trouver chez le sieur Gaseli, dans la garderobe de feu notre maître. Soumettez ma demande à Sa Majesté et je compte sur votre coopération pour l'obtenir. Mettez moi aux pieds de Sa Majesté et assurez le de mon zèle et de mon devouement. Jusqu'à ce moment tout est parfaitement tranquille chez nous. Ne m'oubliez pas et comptez toujours sur l'amitié de votre viel ami Constantin".

Varsovie. Ce 1 (13) Fevrier 1826.

3-го февраля 1826 г. Спб.

Благодѣтель мой! Благодарю васъ за сообщенную мнѣ копію съ донесенія Войска Донскаго; оно достойно храбраго сего и вмѣстѣ чувствительнаго народа, но меня нисколько не удивило, ибо, вѣрьте Богу, чувство сіе раздѣляемо въ полнотѣ его всею Россіею,— нѣтъ человѣка, который бы не умѣлъ цѣнить подвигъ вашъ и который бы не благоговѣлъ бы къ вамъ, по крайней мѣрѣ, я доселѣ подобныхъ не встрѣчалъ. Да подкрѣпитъ васъ Всевышній и продлитъ дни ваши, и да явитъ въ васъ всѣмъ намъ примѣръ добродѣтели и отреченіе самаго себя на пользу общую. По гробъ преданный вашъ Ѳ. Опочининъ.

5-го (17) февраля 1826 г. Варшава.

Любезный Ѳедоръ Петровичъ!.....

1) Что касается до князя Антонія Яблоновскаго, который сюда отправленъ, я нахожу, что онъ, содержась въ С.-Петербургѣ, болѣе

---

19) Жена васъ благодаритъ за ваше письмо и за бумагу изъ Ватикана, которая доставила ей много удовольствія, а мнѣ принесла не малую пользу. Я нахожу ее чрезвычайно интересною. Жена проситъ передать вамъ поклонъ. Мое почтеніе вашимъ.

20) Покажите отъ моего имени это письмо государю. Преданный вамъ сердцемъ и душою Константинъ.

P.S. Спросите государя, могу-ли я употреблять печать покойнаго императора, присланную имъ мнѣ на память? Она совершенно сходна съ тѣми, которыя употребляются въ штабахъ.

(Переводъ). Любезный Опочининъ, прошу васъ доложить государю импе-

было бы средствъ открыть соучастниковъ чрезъ доводы и очныя ставки въ слѣдственной коммиссіи, такъ какъ тамъ содержутся всѣ открытые преступники и впослѣдствіи, когда бы все уже было обнаружено, ежели бы признано было тогда еще нужнымъ, выслать его сюда, то въ то время бы сіе исполнить.

2) На счетъ высылки сюда изъ прусскихъ и австрійскихъ владѣній соучастниковъ, по показанію князя Яблоновскаго, я считаю, что симъ правительствамъ слѣдовало бы у себя на мѣстѣ надъ своими подчиненными произвести точнѣйшее изслѣдованіе и открыть всѣхъ соучастниковъ, что отсюда будетъ совершенно неудобно: продлить весьма дѣло и будетъ безуспѣшно чрезъ однѣ переписки, такъ какъ по многимъ опытамъ въ подобныхъ дѣлахъ сіе случалось.

(Собственноручно). „3) Je vous prie d'insister afin que les prévenus de moeurs etrangers ne soyent par envoyés ici.

„4) D'aprés ce que je lis dans les dépositions ee Jablonovsky, je n'aperçois rien autre qu'une suite naturelle de la position de ce pays ci, et des discours tenu du haut du trône lors des trois dietes qui ont eu lieu; de plus tous ces messieurs voyent la vielle Finlande reunie à la nouvelle et non la nouvelle à la vielle, et je vous le demande coment ce que vous voulez qu'un exemple pareil ne leur tourne pas les têtes? Les paroles et les idées de feu l'Empereur leurs etaient conus à tous puisqu'ils ne leur à pas cachés, et même en dernier lieu en l'ayant manisfesté tant au civil qu'au militaire. En bonne foi pouvés vous le leur reprocher? Mettes vous a leur place et suposés que la Galicie soit devenu etat de partage comme la Pologne, qu'auriés vous fait et pensez vous même? Mettés tous ceci sous les yeux de l'Empereur vu que les couleurs jaunes et cramoisies ne sont pas en avidence comme ici, ainsi qu'en Lithuanie. Sont ils donc aveugles et sourds? Les projets de feu l'Empereur m'etait connu; en un mot je prie que l'on reflechisse un peu sur tout le passé et que l'on se mette a ma place ici. L'on verra la difficulté dans la quelle

---

ратору мою просьбу, съ которою я осмѣливаюсь къ нему обратиться и которая заключается въ слѣдующемъ: покойный родитель мой завѣщалъ моему покойному благодѣтелю золотую шпагу, которую онъ носилъ всю жизнь, и даже при покойной императрицѣ Екатеринѣ. Я бы хотѣлъ имѣть ее, какъ драгоцѣнную святыню; въ чемъ, надѣюсь, государь мнѣ не откажетъ. Эта золотая шпага находится у г. Газели, въ гардеробной покойнаго государя. Передайте мою просьбу его императорскому величеству, что я повергаюсь къ его стопамъ, и увѣрьте его въ моемъ усердіи и преданности. До сихъ поръ у насъ все совершенно спокойно. Не забывайте меня и вѣрьте всегда въ дружбу вашего стараго друга Константина.

je me trouve pour agir, au rèste ne sachant qu'obeir, je le ferai precisement comme je le fesais par le passé avec le même zele et le même devouement. L'Empereur à son avenement au trône et par son manifeste a ce pays ci à promis de marcher sur les traces de feu l'Empereur, ce qui a charmé tout le monde, maintenant l'on y vera peut etre autre chose. La verité doit etre dite et je la dis telle qu'elle se presente à ma judiçiaire et jusqu'à ce que l'on me permettra de la dire et que l'on voudra l'entendre de moi. Si je reçevrais l'ordre de me taire, je m'y soumettrai avec toute l'obéissance, que vous me connoissés depuis que j'existe. Lisés tout ceuci à l'Empereur, il est necessaire qu'il le sache pour fixer son opinion. Constantin".

5-го февраля 1826 г. Варшава.

Любезный Ѳедоръ Петровичъ! Я получилъ отъ служившаго въ военной службѣ полковника Порошина письмо, коимъ объясняя, что онъ состоитъ при министерствѣ финансовъ безъ жалованья, проситъ моего ходатайства объ опредѣленіи его къ мѣсту.

Зная сего Порошина съ давняго времени, когда еще онъ служилъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскомъ полку и былъ вамъ современникъ по тогдашней службѣ вашей; и, конечно, вамъ не безизвѣстно и то еще, что онъ женатъ на дочери Николая Сергѣевича Ланскаго, родной сестрѣ бывшаго адъютантомъ моимъ, а потомъ генералъ-лейтенантомъ и убитаго въ сраженіи Ланскаго, на племянницѣ же Василія Сергѣевича Ланскаго,—я препровождаю означенное письмо его къ вамъ и прошу, не оставить всеподданнѣйше доложить по оному государю императору и испросить высочайшее его императорскаго

5-го (17) февраля 1826 г. Варшава.

(Переводъ). 3) Прошу васъ настоять, чтобы людей, обвиняемыхъ въ заграничныхъ тенденціяхъ, не присылали сюда.

4) Изъ прочитанныхъ мною показаній Яблоновскаго, я усматриваю лишь естественныя послѣдствія того положенія, въ которомъ находится эта страна, и тѣхъ рѣчей, которыя были произнесены съ высоты трона во время бывшихъ здѣсь трехъ сеймовъ; притомъ всѣ эти господа воображаютъ, что старая Финляндія присоединяется къ новой, а не новая—къ старой; теперь спрашиваю я васъ, какъ хотите вы, чтобы подобный примѣръ не вскружилъ имъ голову? Имъ всѣмъ были хорошо извѣстны слова и образъ мыслей покойнаго императора, потому что онъ и не скрывалъ ихъ предъ ними и даже, наконецъ, высказалъ ихъ, какъ гражданскимъ, такъ и военнымъ лицамъ. Говоря чистосердечно, можете-ли вы ихъ въ томъ упрекнуть? Войдите въ ихъ положеніе и предположите, что Галиція стала такимъ же государствомъ раздѣла, какъ Польша; какой тогда былъ бы вашъ собственный взглядъ и образъ дѣйствій? Доложите все это государю императору, такъ какъ оранжевый и

величества благосоизволеніе, о послѣдующемъ же меня увѣдомить.... Константинъ.

7-го (19) февраля 1826 г. Варшава.

Любезный Ѳедоръ Петровичъ!....

1) За доставленную вами, по волѣ государя императора, копію съ прокламаціи Бестужева-Рюмина, найденной у мятежниковъ, и что таковыхъ отыскано довольно большое число, которыя, въ свое время, будутъ ко мнѣ доставляться посредствомъ вашимъ, я прошу повергнуть меня къ стопамъ его императорскаго величества со всеподданнѣйшею моею благодарностію и доложить, что я сію прокламацію Бестужева-Рюмина нахожу имитаціею тѣмъ, которыя издавали бунтовщики въ Кадиксѣ.

2) Что доставленную ко мнѣ печать покойнаго государя императора я могу употреблять,—ибо съ тѣмъ намѣреніемъ она ко мнѣ и доставлена,—я прошу васъ равномѣрно повергнуть меня за сіе къ стопамъ его императорскаго величества со всенижайшею моею благодарностію.

3) Въ случаѣ проѣзда герцога Веллингтона въ С.-Петербургъ, черезъ Варшаву, я прошу васъ доложить государю императору, что все будетъ исполнено, какъ слѣдуетъ, и будетъ онъ принятъ, какъ россійскій генералъ-фельдмаршалъ, и что въ проѣздъ нынѣ, черезъ Варшаву же, князя Вреде, ему отдана была честь, какъ иностранному фельдмаршалу: поставлены были у него часовые.

4) На счетъ того, что государь императоръ изволитъ быть весьма много занятъ дѣлами, и что 23-го числа токмо удалось лечь почивать не позже втораго часа, прошу доложить его императорскому

красный цвѣта тутъ также мало замѣтны, какъ и въ Литвѣ. Развѣ они слѣпы и глухи? Намѣренія покойнаго государя были мнѣ извѣстны; однимъ словомъ, прошу подумать о прошломъ и вникнуть въ мое положеніе. Тогда увидятъ, какія препятствія представляются моимъ дѣйствіямъ; впрочемъ, я умѣю повиноваться и буду всегда дѣйствовать совершенно также, какъ и прежде, съ тѣмъ же усердіемъ и съ той же покорностью. Императоръ, при восшествіи своемъ на престолъ, обѣщалъ манифестомъ, даннымъ этой странѣ, слѣдовать стопамъ покойнаго государя и привелъ этимъ всѣхъ въ восторгъ. Теперь же, увидятъ, быть можетъ, иное. Истина должна быть высказана и я ее высказываю такою, какою она представляется моему сужденію, и буду говорить, пока мнѣ это позволяютъ и пока желаютъ меня выслушивать. Если я получу повелѣніе молчать, я повинуюсь со всею покорностью, которая, какъ вамъ извѣстно, свойственна мнѣ со дня моего рожденія. Прочтите все это государю, ему необходимо знать все, чтобы опредѣлить свое мнѣніе. Константинъ.

величеству, что я опасаюсь, чтобы сіе не сдѣлало (чего Боже сохрани) вреда его здоровью.

5) Что 14-го числа декабря, въ числѣ защитниковъ престола и государя, находились: графа Николая Александровича Зубова сынъ — кавалергардскаго полка полковникъ, и того же полка унтеръ-офицеръ Платоновъ, сынъ покойнаго князя Платона Александровича, который, въ тоже время, и произведенъ въ корнеты въ лейбъ-кирасирскій ея императорскаго величества полкъ, я очень сему радъ, что, по крайней мѣрѣ, дѣти поступаютъ иначе, какъ ихъ отцы.

6) На то, что въ 1820 году лейбъ-гвардіи семеновскій полкъ находился въ крѣпости подъ стражею лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, а нынѣ мятежники сего полка отведены были въ крѣпость за конвоемъ Семеновскаго баталіона, который и провелъ тамъ въ карауле цѣлую ночь, сверхъ обыкновеннаго, который также состоялъ изъ двухъ ротъ тоже лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, на сіе скажу, что это выходитъ: vice verso, или c'est un rendu.

7) Что манифестъ о бунтѣ Пугачева изданъ былъ декабря 17-го дня, и что въ тоже самое число и того же мѣсяца случайно изданъ манифестъ и по нынѣшнимъ событіямъ, это, дѣйствительно, заслуживаетъ примѣчанія; но только та теперь выходитъ разница, что Пугачевъ былъ казакъ, а нынѣ острамились дворяне, и такъ, что это останется навсегда пятно.

8) На счетъ подполковника Веригина и г-на Бедряги, которые при началѣ происшествія, 14-го декабря, находились близъ государя императора, и было замѣчено со стороны ихъ усердіе, я весьма радъ таковому похвальному ихъ поведенію.

9) Относительно манифеста, который государь императоръ изволитъ предполагать выдать на случай его кончины, съ тѣми объясненіями, которыя вы описываете на счетъ меня, прошу васъ доложить его императорскому величеству, что, такимъ образомъ, я не только противу сего ничего не могу сказать, но даже остаюсь за оное весьма благодарнымъ.

10) Весьма благодарю васъ за исполненіе всѣхъ моихъ порученій и за стараніе достать для меня извѣстный вамъ планъ, также за обѣщаніе доставить, для любопытства моего, разныя свѣдѣнія о подробностяхъ событія 14-го декабря.

11) Я очень радъ, что получено донесеніе отъ генерала Ермолова, что весь его корпусъ присягнулъ, чего я и ожидалъ.

12) Я весьма радъ, что злодѣй, посягавшій на жизнь его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича, Кюхельбекеръ, здѣсьпойманъ. Приказъ о производствѣ въ офицеры, ной

мавшаго его унтеръ-офицера лейбъ-гвардіи волынскаго полка, Григорьева и о всемилостивѣйшемъ пожалованіи ему 1,000 рублей, уже мною полученъ.

13) Вы пишете, что государь императоръ приказать изволилъ меня увѣдомить, что, по его распоряженію, всѣ верховыя лошади покойнаго государя императора, по жребію, раздѣлены на три части, то есть: между имъ, его императорскимъ высочествомъ Михаиломъ Павловичемъ и мною, и что доставшіяся на мою часть восемь лошадей, при первой возможности, отправлены будутъ сюда; я прошу васъ принесть за оное его императорскому величеству мою всенижайшую благодарность.

14) Вы благодарите меня за то, что я писалъ о васъ къ государю императору. Вѣрьте въ моемъ искреннемъ къ вамъ расположеніи, и что я умѣю цѣнить васъ, и взаимно въ полной мѣрѣ увѣренъ и никогда не сомнѣвался въ вашихъ ко мнѣ чувствахъ.

15) Вы описываете, какъ государь императоръ изволитъ много заниматься дѣлами, и что оныя потекли съ необычайною дѣятельностію, такъ что государственный совѣтъ, комитетъ гг. министровъ и сенатъ не опомнятся; я очень сему радъ: давно бы пора сихъ господъ разбудить.

16) Также вы пишете, что государь императоръ, занимаясь дѣлами, съ тѣмъ вмѣстѣ, изволилъ диктовать вамъ присланную отъ васъ записку о войскахъ, которыя назначены къ сбору, по случаю коронаціи, и неоднократно изволилъ шутить, что онъ, какъ нѣкій Кесарь, занимается двумя дѣлами вдругъ; я прошу васъ принесть его императорскому величеству мою всенижайшую благодарность за сообщенное мнѣ свѣдѣніе, и притомъ доложить, что онъ по росту гренадеръ, и если разводъ будетъ въ хорошую погоду, то шинель скатана, а въ худую—надѣта въ рукава, и потому надобно посмотрѣть, чтобы по росту вышла оная въ пору; я же, какъ ниже изъ всѣхъ насъ ростомъ, то развѣ гожусь только что въ волтижеры,— но старъ уже сталъ и дряхлъ, кости болятъ; пора меня въ какую-нибудь Цурукантскую крѣпость въ плацъ-маіоры, а если будетъ особенная милость, то въ коменданты. За тѣмъ прошу васъ меня увѣдомить, когда назначено выступленіе оныхъ войскъ?

Помѣта: «Вскорѣ — послѣ погребенія».

17) Прошу принесть мою всеподданнѣйшую его императорскому величеству благодарность за производство въ чинъ волынскаго гражданскаго губернатора.

18) Что выгнанные изъ измайловскаго и егерскаго полковъ офи-

церы, и отсюда Лорсеръ, всѣ замѣшаны въ пагубномъ заговорѣ, я очень доволенъ, что ихъ всѣхъ выкопали.

19) На счетъ позволенія дѣлать ученія въ манежѣ Мраморнаго дворца, я прошу васъ доложить государю императору, что все, что мое—есть его императорскаго величества, и я счастливымъ себя почту, если могу только въ чемъ сдѣлать ему угодное.

20) За милостивые и столь лестные его императорскаго величества отзывы для меня, при полученіи моего письма, я прошу васъ повергнуть меня къ стопамъ его императорскаго величества со всеподданнѣйшею моею благодарностью и доложить, что я въ полной мѣрѣ оные чувствую, и вѣрхомъ моего счастія будетъ заслуживать таковую ко мнѣ милость.

(Собственноручно). „21) D'après les intentions de l'Empereur et les ordres, qui me furent communiqués par le c. Grabovsky à cet affet, je viens d'être revetu des pouvoirs pour ainsi dire dictatoriaux et discretionnaires pour commencer les enquêtes dans ce pays, ci d'après les declarations du p. Jablonovsky. Vous sentirés vous même et je vous prie de fixer l'attention de Sa Majesté à ce sujet, que ma position dans ce pays devient de plus délicates et de plus dificiles par les circonstances llees mêmes. Ne sachant qu'obéir et me reglant sur les intentions dont feu mon bienfaiteur m'avoit donnés, quand à ce pays et la marche à y suivre, j'ai cru bien faire d'instituer à l'instar de Petersbourg une commission d'enquete, dont je me reserve la direction et la surveillance et comme les individus qui pouroit y etre appellées, être interrogés et aretés même serait des sujets de l'Empire et du Royaume, ainsi que des Russes, j'ai nommé pour y sieger: M. M. Nowossilcow, Kourouta, Kriwcow, Kolsakow et Mornheim membres russes; le comte Zamoisky — président du Senat, Sobo-

---

(Переводъ). 21) По волѣ государя императора и въ силу повелѣній, сообщенныхъ по этому поводу гр. Грабовскимъ, я облеченъ властью, такъ сказать, вполнѣ диктаторской, чтобы начать слѣдствія въ этой странѣ, по показаніямъ князя Яблоновскаго. Вы поймете сами и я попрошу васъ обратить вниманіе его императорскаго величества на то, что положеніе мое въ этой странѣ становится весьма щекотливымъ и весьма труднымъ. Желая только повиноваться, и, примѣняясь къ инструкціямъ, даннымъ мнѣ покойнымъ благодѣтелемъ моимъ на счетъ этой страны и возможнаго въ ней образа дѣйствій, мнѣ казалось полезнымъ назначить здѣсь, по примѣру Петербурга, слѣдственную коммиссію, направленіе и наблюденіе коей остается подъ моимъ личнымъ надзоромъ; а такъ какъ между лицами, которыхъ коммиссія будетъ призывать, вопрошать и даже арестовать, могутъ быть подданные имперіи и королевства, а также и русскіе, то я назначилъ членами коммиссіи: гг. Новосильцева, Куруту, Кривцова, Колзакова и Моренгейма—русски-

lewsky — ministre de la justice, comte Grabowsky — ministre des cultes, Haucke — ministre de la guerre, le palatin comte Grabowskiy et le g. Rautenstrauch—pour tenir la plume. Il y a ici des homes de toutes les couleurs, de toutes les opinions et tous revetus de fonctions publiques. Leur façon de faire les demasquera et fermera la bouche aux dires et aux clabauderies du monde, et ils veront alors ce qui en est et quel est le but des perturbateurs de l'ordre etabli. La plus grande publicité et la plus grande confiance dans ces m. m. les forcera d'agir et de frapper les coupables; c'est un indiciam delégate mixtum. Toutes ces enquetes secretes et contraire à l'opinion, et à l'esprit du siécle et comme nous somes ici sous un ordre des choses constitutionel le tout reste dans le sens du gouvernement etabli et entre de plus en regle. Dites moi, ce que vous dira l'Empereur; je n'ai pas pu mieu agir d'après ma façon de voir. Constantin".

9-го февраля 1826 г. Варшава.

Любезный Ѳедоръ Петровичъ! Изъ показанія полковника Нестеля видно, что въ числѣ лицъ, замѣшанныхъ по заговору противу правительства, онъ полагаетъ принадлежащимъ и князя Илью Долгорукаго. Я прошу васъ узнать и меня увѣдомить: кто такой сей князь Илья Долгорукій, служитъ-ли онъ и гдѣ именно?.... Константинъ.

Помѣта: «Адъютантъ братца, что требовалъ, чтобы онъ подписывалъ (?) подобно адъютантамъ его величества и сіе исполнилъ токмо по настоятельному требованію. Впрочемъ, по дѣлу ничего серьезнаго не представляется. Долгорукій находится на службѣ и ведетъ себя прекрасно».

12-го (24) февраля 1826 г. Варшава.

Любезный Ѳедоръ Петровичъ! ....Скажу вамъ теперь, что комитетъ, о которомъ я васъ предувѣдомлялъ въ прошедшемъ письмѣ,

---

ми членами; графа Замойскаго — первоприсутствующаго сената, Соболевскаго—министра юстиціи, графа Грабовскаго—министра духовнаго вѣдомства, Гауке — военнаго министра, воеводу графа Грабовскаго и графа Раутенстрауха—секретаремъ. Тутъ вы найдете людей разныхъ цвѣтовъ, разныхъ убѣжденій, и всѣ они облечены общественными должностями. Ихъ образъ дѣйствій сниметъ съ нихъ личину и заставитъ умолкнуть толки и сплетни свѣта; тогда они увидятъ, въ чемъ дѣло, и обнаружатъ цѣль людей, противодѣйствующихъ установленному порядку. Наибольшая гласность и наибольшее довѣріе къ этимъ господамъ заставитъ ихъ быть энергичными и казнить виновныхъ; это indiciam delegate mixtum. Всѣ эти подпольныя слѣдствія противны направленію и духу времени, а такъ какъ мы подчиняемся здѣсь конституціонному порядку вещей, то все остается въ смыслѣ установленнаго правленія и болѣе входитъ въ строй. Сообщите мнѣ, что вамъ скажетъ императоръ; я не могу, по моему разумѣнію, лучше дѣйствовать. Константинъ.

что я учредилъ здѣсь, по предоставленной мнѣ власти государемъ императоромъ дѣйствовать неограниченно, на счетъ открытій тайныхъ обществъ, началъ свои засѣданія съ прошедшаго понедѣльника. Объ арестованныхъ, по сіе время, лицахъ препровождаю при семъ списокъ; далѣе кто будетъ, буду васъ увѣдомлять. О сю пору, при всемъ неутомимомъ стараніи и изысканіи комитета, ничего еще не открывается между поляками, какъ nationalité. Сіе самое поставляетъ меня въ обязанность повторить еще вамъ, что я уже и писалъ отчасти, что надобно войти въ тонкость всѣхъ обстоятельствъ и поводовъ, которые были даны полякамъ питать въ себѣ этотъ духъ. Я ихъ ни мало не защищаю: пускай, что угодно будетъ съ ними сдѣлать; но долгъ мой есть поставить на видъ всю истинную правду и обстоятельства, которыя мнѣ ближе всѣхъ извѣстны, ибо и мое положеніе, въ теперешнее время, на счетъ сего весьма есть критическое. Покойному государю императору угодно было не только дать имъ питаться надеждою, но десять лѣтъ сряду словами и дѣяніями своими вкоренялъ и внушалъ въ нихъ сію мысль; и по сему самому, что же мнѣ оставалось дѣлать, какъ исполнять волю государя и съ оною сообразоваться. Я поставляю вамъ въ свидѣтели: Василія Сергѣевича Ланскаго, который теперь въ С.-Петербургѣ, и Николая Николаевича Новосильцева, что я имъ говорилъ тогда, когда первые дошли сюда слухи на счетъ возстановленія царства польскаго,— что по моему-бы лучше прислать сюда губернаторовъ и вице-губернаторовъ, и даже поименовывалъ таковыхъ. Къ открытію перваго сейма, бывшаго въ 1818 году, я ничего не зналъ, какая приготовляется рѣчь; статсъ-секретарь Каподистріо, въ то время, на счетъ оной мнѣ сказалъ: „посмотрите, что будетъ; она не только на одну Польшу, но на Россію и на всю Европу сдѣлаетъ вліяніе“. Я также поставляю въ свидѣтели его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича, бывшаго во время сейма въ Варшавѣ, въ 1818 году,—что, пріѣхавши съ государемъ императоромъ отъ развода, когда мы входили съ нимъ по круглой лѣстницѣ въ его комнаты, я осмѣлился его императорскому величеству отвѣчать на счетъ его предположенія и представительнаго правленія. На что государь императоръ даже съ нѣкоторымъ гнѣвомъ изволилъ мнѣ отозваться. Потомъ, во всѣхъ случаяхъ, изволилъ мнѣ всегда твердить: „развѣ ты не понимаешь, что не имъ даютъ вмѣсто желтыхъ красные воротники, а вамъ—вмѣсто красныхъ желтые“. Сверхъ того, во всѣхъ польскихъ губерніяхъ, присоединенныхъ къ Россіи, государь императоръ изволилъ назначить губернаторовъ и вице-губернаторовъ изъ поляковъ; впослѣдствіи для всѣхъ сихъ губерній мундиры даны были съ малиновыми воротниками,

и наконецъ, во время послѣдняго пребыванія въ Варшавѣ, всего литовскаго корпуса генераламъ, адъютантамъ и другимъ чинамъ, вмѣсто краснаго цвѣта, приказалъ имѣть на воротникахъ и прочемъ обмундированіи малиновый, и даже угодно было, чтобы и шитье генеральское на мундирахъ было бы золотое, но такое же самое, какъ у польскихъ генераловъ,—я уже упросилъ его императорскаго величества оставить прежнее; и въ доказательство сего, что его было такое намѣреніе, вѣрно цѣлъ и хранится еще въ гардеробѣ, въ С.-Петербургѣ, воротникъ генеральскій, который онъ приказалъ сдѣлать на образецъ съ шитьемъ золотымъ на малиновомъ суконѣ по образцу польскаго. Словомъ сказать, государь императоръ не только во всѣхъ своихъ рѣчахъ къ сеймамъ бывшимъ и дѣйствіяхъ, но даже въ разговорахъ во многихъ случаяхъ съ польскими, какъ статскими, такъ и военными чинами, откровенно изволилъ изъяснять свои на счетъ ихъ намѣренія; слѣдовательно, что же мудренаго, что у нихъ вскружились головы на чувствахъ nationalité. Имъ сіе безпрестанно внушалось, они привыкли къ сей мысли и полагали, что сіе есть положительное; винить же ихъ за это, кажется, не можно. Кто бы такой, будучи на ихъ мѣстѣ, не пожелалъ сего? Въ нихъ эта мысль общая, развѣ всѣхъ ихъ можно за оную истребить? А между тѣмъ, они хвастаются и весьма дорожатъ тѣмъ, что у нихъ съ самыхъ древнихъ временъ, даже въ исторіи нѣтъ примѣра, чтобы были въ Польшѣ цареубійцы. Впрочемъ, я повторяю вамъ еще, что я далекъ отъ той мысли, чтобы защищать виновныхъ поляковъ; но только долгъ истины и обязанности моей побуждаетъ меня все сіе объяснить и просить васъ доложить его императорскому величеству: не благоугодно-ли будетъ обратить особенное свое на оное вниманіе. Рѣчи на сеймахъ, при открытіи и закрытіи государемъ, препровождаются при семъ [1]). Они служатъ доказательствомъ моимъ словамъ. Многіе думали и думаютъ, что это воля государя, чтобъ готовить умы. По прочтеніи оныхъ рѣчей, прошу васъ возвратить ихъ ко мнѣ.

(Собственноручно): „Еще же имъ кружитъ головы Финляндія и ее соединеніе въ одно. Vous n'avez qu'à juger vous même de ce qui en est. Ne m'oubliez pas. Tout à vous de coeur Constantin".

Списокъ лицамъ, арестованнымъ по распоряженію комитета, учрежденнаго для изысканія тайныхъ обществъ:

Графъ Солтыкъ — сенаторъ, каштелянъ царства польскаго.

Гржимало — ректмейстеръ въ государственномъ совѣтѣ царства польскаго.

---

[1]) Одна изъ нихъ, сказанная 15-го марта 1818 г., напечатана въ «Русской Старинѣ», изд. 1873 г., т. VII, стр. 612.

Плихта—секретарь въ канцеляріи онаго же совѣта.

Кжуховскій—библіотекарь сего же совѣта.

Дембекъ—каноникъ, начальникъ типографіи, употребляемой правительствомъ.

Пронзинскій—подполковникъ польской квартирмейстерской части.

Кржижановскій—подполковникъ лейбъ-гвардіи польскаго конно-егерскаго полка.

Мицельскій—адъютантъ его императорскаго высочества цесаревича, онаго же полка капитанъ.

Малаховскій (Густавъ)—сынъ сенатора, каштеляна царства польскаго; онъ служилъ прежде чиновникомъ въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Лелевель—сеймовый посолъ станиславовскаго обвода.

Всенижайше представляется при семъ, на благоусмотрѣніе его превосходительства Ѳедора Петровича, конституція вновь открывшагося тайнаго общества, отъ принятаго въ члены онаго, но еще не присягавшаго, гофъ-фурьера 11-го класса Бѣляева, „и имъ опробованная во всѣхъ ея отношеніяхъ“ [1]).

12-го (24) февраля 1826 г. Варшава.

Любезный Ѳедоръ Петровичъ!....

1) За доставленіе біографіи г-на Булатова [2]) благодарю васъ, и при семъ случаѣ скажу, что видно Всевышней десницѣ угодно было защитить своею благостію нашего государя императора отъ злодѣйскаго его предпріятія.

2) За обѣщаніе присылать подобныя біографіи и прочія свѣдѣнія, и за увѣдомленіе о разговорахъ и суждепіяхъ, какіе на счетъ меня происходятъ, также весьма васъ благодарю.

3) Я получилъ отъ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича книгу, о которой вы ко мнѣ пишите: „Описаніе всѣхъ частей свѣта“, изданную въ 1806 году отъ главнаго управленія училищъ для обученія юношества; и отвѣчалъ на оное

---

[1]) «Конституціи» этой, безъ сомнѣнія, шутливой, въ бумагахъ не имѣется. Необходимо замѣтить, что этотъ Бѣляевъ, какъ надо полагать, довольно ограниченный человѣкъ, былъ предметомъ частыхъ шутокъ; великій князь нерѣдко упоминаетъ о немъ въ послѣдующихъ своихъ письмахъ. Ред.

12-го февраля 1826 г. Константинъ Павловичъ поручаетъ Опочинину ходатайствовать предъ государемъ императоромъ за тайнаго совѣтника Корнилова, состояніе коего разстроилось вслѣдствіе непріятностей по службѣ.

[2]) Полковникъ Булатовъ, декабристъ.

его императорскому высочеству, что теперь выходитъ 20 лѣтъ, какъ сія книга издана, а Кюхельбекеръ мнѣ говорилъ, что ему 29 лѣтъ отъ роду; слѣдовательно, было тогда ему 9 лѣтъ, и что, наконецъ, послѣ такихъ правилъ, какія старались вперять съ младенчества въ юношество, мудрено-ли, что много есть подобныхъ Кюхельбекеровъ. Константинъ.

(Собственноручно): „Скажу вамъ, что когда я, слѣдуя, какъ вамъ извѣстно, постоянно правиламъ просвѣщать Бѣляева, объявилъ ему о содержаніи статьи, помѣщенной на страницѣ 55 въ книгѣ, доставленной ко мнѣ его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, изданной въ 1806 году отъ главнаго правленія училищъ,— онъ сему никакъ вѣрить не хотѣлъ, полагая, что я это для него выдумалъ; но когда я сказалъ ему и прочиталъ печатное, то онъ, изумившись, вдругъ самымъ серьезнымъ тономъ сказалъ: „это надобно перепечатать“.

Примѣчаніе. Вотъ та страница, которая обратила на себя вниманіе великихъ князей Константина Павловича и Михаила Павловича. Выписка сообщена намъ академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ.

«....Вольными государствами они называются только потому, что не отъ единаго зависятъ; впрочемъ, жители сихъ вольныхъ государствъ также подчинены законамъ, какъ и въ единоначальственныхъ державахъ. Итакъ

Государства суть:
- Единодержавныя
  - неограниченныя
  - ограниченныя
- Многодержавныя или вольныя
  - аристократическія
  - народныя

«Государства, которыхъ глава имѣетъ титулъ императора или короля, называются или имперіею или королевствомъ, а однимъ словомъ державою или царствомъ. Однако есть монархическія державы, которыя суть токмо герцогства, княжества и проч., и правители ихъ не называются монархами, хотя и монархически правительствуютъ, ибо монархами именуются только императоры и короли. Ежели повелитель не слѣдуетъ законамъ въ употребленіи своей власти, то называется деспотомъ, а ежели употребляетъ свою власть къ угнетенію, насильствію и жестокостямъ, то называется тираномъ, то есть, утѣснителемъ. Но какъ ни одинъ народъ не желаетъ имѣть утѣснителя, то и нѣтъ деспотіи и тиранства на правѣ основанныхъ. (Изъ книги «Описаніе всѣхъ частей свѣта». Спб. 1806, см. стр. 55).

15-го февраля 1826 г. Спб.

Князь Илья Долгорукій находится адъютантомъ при братцѣ вашемъ великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ.

Онъ, подобно бывшимъ адъютантамъ его высочества, что нынѣ флигель-адъютантъ Перовскій и Кавелинъ, принадлежалъ къ обществу „Зеленой книги“; но сіи тотчасъ и въ свое время сами собою подали письменныя о томъ объясненія, чего Долгорукій не учинилъ;

почему государь, посредствомъ его высочества, потребовалъ отъ него таковое.

Долгорукій давно уже отъ сообщества удалился; съ тѣхъ поръ служилъ и служитъ отлично и прекрасно, и по дѣлу ничего важнаго о немъ не открывается. Опочининъ.

16-го (28) февраля 1826 г. Варшава.

Любезный Ѳедоръ Петровичъ!.....

1) Относительно подполковника Лунина, что государь императоръ изволилъ отозваться, что нѣтъ никакой надобности высылать его въ С.-Петербургъ, а можетъ быть онъ полезенъ въ Варшавѣ при открывающихся обстоятельствахъ, и что въ соучастіи къ тайному обществу ясныхъ доказательствъ другихъ не можетъ быть, какъ показаніе сообщниковъ, ибо самое общество такъ учреждено, что въ оныхъ письменнаго производства нѣтъ, и даже познаніе членовъ между собою не простирается болѣе восьми, и въ примѣръ, какимъ образомъ сіе производилось въ дѣйствіе, начертили фигуру. Я на сіе скажу вамъ, что какимъ порядкомъ организовались таковыя общества, это не новое, а давно уже извѣстно изъ книги аббата Барюеля объ иллюминатахъ, но при томъ долгомъ поставляю присовокупить, что какъ вы, такъ и я были масонами, и знаете сами, что въ церемоніи, когда принимаютъ въ оные и послѣ развяжутъ глаза, то увидите, что со всѣхъ сторонъ держутъ около васъ обнаженныя шпаги, что означаетъ: ежели останетесь вѣрными обществу, то будете защищаемы братьями, а ежели измѣните оному или отстанете, то они будутъ вамъ всегда мстить и преслѣдовать; что самое можно отнести и къ подполковнику Лунину, который хотя и принадлежалъ къ обществу, но съ 1821 года совершенно отъ онаго удалился и не имѣлъ никакихъ сношеній,—и съ самаго того времени, находясь на службѣ въ литовской уланской дивизіи, а потомъ здѣсь, никого не принималъ, и ни малѣйшаго не открывается въ томъ на него, по сіе время, сомнѣнія. Онъ можетъ быть въ томъ виноватъ, что зналъ о таковомъ обществѣ, но не открылъ его, на счетъ чего я уже вамъ подробно прежде сего писалъ; но повторяю опять, что прежніе его товарищи изъ мщенія и злости, что онъ отъ нихъ совсѣмъ отсталъ, поминая его, стараются его впутывать.

2) Касательно поступка г. Грабовскаго, я, съ своей стороны, весьма согласенъ, что онъ не слѣдующе обратился, мимо министра Татищева, къ вѣнской полиціи; на счетъ чего уже все исполнено.

3) На счетъ присылки отсюда въ С.-Петербургъ польскаго генерала, прошу доложить его императорскому величеству, что когда

представится случай, то отправлю дивизіоннаго генерала Станислава Потоцкаго, который былъ начальникомъ государя, когда изволилъ быть великимъ княземъ.

4) Относительно того, что въ день пріема мундира покойнаго государя императора, у графа Аракчеева во взводахъ, для сего командированныхъ, многіе унтеръ-офицеры для блеска были въ шеренгахъ въ мундирахъ рядовыхъ,—я прошу васъ доложить его императорскому величеству, что это не новое, а сіе зло давно уже существуетъ въ арміяхъ; даже когда изъ гренадерскаго корпуса были присланы польскіе уроженцы на сформированіе 1-го и 2-го гренадерскихъ и карабинернаго полковъ литовскаго корпуса, что нынѣ самогитскій и луцкій гренадерскіе и нѣсвижскій карабинерный полки, я замѣтилъ тогда оное, и на вопросъ: „для чего сіе дѣлается?“ — мнѣ отвѣчали: „для того, чтобы не выбрали въ гвардію“; о чемъ я докладывалъ и покойному государю императору. Въ полку же графа Аракчеева издавна сіе всегда водилось.

5) За всемилостивѣйше пожалованный орденъ св. Владиміра 1-й степени почтеннѣйшему Дмитрію Дмитріевичу (Курутѣ), я прошу васъ повергнуть меня къ стопамъ его императорскаго величества со всеподданнѣйшею моею благодарностью.

6) На счетъ порученія въ вашу команду заурядъ дивизію, вы говорите, что досконально знаете, что хотя вы и не великъ ростомъ, но не устрашитесь предстать предъ цѣлыми арміями въ защиту насъ, а потомъ, изыскивая кавалерійское выраженіе, говорите, что не въ худаго коня кормъ кладенъ. Позвольте на сіе вамъ пршикладне отвѣчать, что нашъ любезный Ѳедоръ Петровичъ хотя и не великъ ростомъ, но довольно толстъ, то есть massé, и, какъ видно, захвастался,—хочетъ кавалерійскую дивизію, и другой не можетъ быть приличнѣе, какъ конно-егерской, вы легко можете садиться на лошадь и слѣзать, словомъ сказать: во всей силѣ—волтижеръ; да мнѣ кажется отъ этого вамъ и не отдѣлаться.

7) Почтеннѣйшей 3-го класса Дарьѣ Михайловнѣ (Опочининой, рожденной княжнѣ Голенищевой-Кутузовой-Смоленской) приношу мою истинную благодарность, и не такъ какъ кончаютъ въ рескриптахъ, что просятъ Бога о сохраненіи въ своей благодати, а я просто поручаю себя святымъ ея молитвамъ.

8) Я прошу васъ принесть его императорскому величеству мою всенижайшую благодарность за приказаніе вамъ меня увѣдомить, что ежели будетъ оказываться.... что до лицъ, подъ начальствомъ моимъ состоящихъ, то о семъ я буду въ то же время извѣщаемъ.

9) Равномѣрно прошу васъ повергнуть меня къ стопамъ его им-

нераторскаго величества со всеподданнѣйшею моею благодарностью за обѣщаніе приказать отправить сюда польскихъ уроженцевъ, ежели окажутся въ ротѣ, принадлежавшей черниговскому пѣхотному полку, поступившей за отличіе въ гвардію.

10) Я очень радъ, что даннымъ мною позволеніемъ подполковнику лейбъ-гвардіи польскаго гренадерскаго полка Кольбершу носить вензеля покойнаго государя императора на эполетахъ, я сдѣлалъ согласное съ мнѣніемъ его императорскаго величества.

11) За присылку печати покойнаго государя императора и позволеніе мнѣ оную употреблять, я вторительно прошу васъ принесть его императорскому величеству мою всенижайшую благодарность.

12) На то, что государь императоръ изволилъ смѣяться при чтеніи 15-го пункта моего письма, гдѣ уподобляется Иванъ Даниловичъ (Даниловъ) съ Юшневскимъ, скажу вамъ, что всякій день продолжаю удостовѣрять его, что непремѣнно послѣдуетъ ему назначеніе вмѣсто Юшневскаго, съ которымъ только нужно дать ему очныя ставки, такъ какъ, по связямъ его съ нимъ, онъ замѣшанъ въ заговорѣ. Онъ страшится и противу сего распинается.

13) На счетъ отзыва Василія Сергѣевича Ланскаго, о которомъ, по волѣ государя императора, вы меня увѣдомляете, оному нечего удивляться. Помните-ли, что я вамъ говаривалъ, какъ между сими господами обыкновенно происходитъ, когда выдетъ какое впослѣдствіи дѣло не такъ, какъ бы слѣдовало, то отзываются одинъ другому: я вамъ, вѣдь, Ѳедоръ Петровичъ, говорилъ,—я вамъ вѣдь, Василій Сергѣевичъ, говорилъ; а между тѣмъ, все по прежнему продолжаютъ въ присталую одинъ за другимъ подписываться, ибо сіе не стоитъ большаго труда, гораздо покойнѣе.

14) Вы благодарите за милостивую довѣренность его императорскаго величества къ вамъ и выборъ въ фамильные секретари, изъясняя притомъ чувства ваши ко мнѣ; скажу вамъ на сіе, что я въ оныхъ всегда въ полной мѣрѣ увѣренъ и никогда не сомнѣвался.

15) На то, что государь императоръ изволитъ часто шутить съ вами, и, между прочимъ, говоритъ, что когда составится у насъ конституціонное правленіе, то назначитъ васъ ораторомъ камеры, о чемъ и приказать изволилъ вамъ мнѣ написать,—я прошу васъ доложить его императорскому величеству, что я сомнѣваюсь, чтобы вы были готовы ораторствовать въ представительномъ правленіи; а не лучше-ли будетъ употребить на сіе Бѣляева? Онъ уже къ тому готовъ и въ подкрѣпленіе вытвердилъ и ту 55-ю статью изъ книги, вамъ извѣстной, которую его императорское высочество великій князь Михаилъ Павловичъ, изволилъ ко мнѣ прислать, изданную главнымъ

правленіемъ училищъ въ 1806 году, для преподаванія воспитывающимся....

16) Относительно..... письма, писаннаго отсюда лейбъ-гвардіи литовскаго полка поручикомъ Обручевымъ, которымъ государь императоръ изволилъ быть очень доволенъ, я прошу васъ доложить его императорскому величеству, что сей офицеръ есть родной братъ командира литовскаго піонернаго баталіона, выпущенъ изъ кадетъ 2-го кадетскаго корпуса, и съ самаго начала, какъ службою, такъ и поведеніемъ своимъ обращалъ мое на него особенное вниманіе, и я весьма радъ, что здѣсь хотя строго и жучковато, но они довольны своимъ положеніемъ.

17) За милостивое уваженіе государемъ императоромъ просьбы моей о присылкѣ мнѣ шпаги покойнаго батюшки, я прошу васъ принесть его императорскому величеству мою всенижайшую благодарность.

18) Скажу вамъ, что передъ самымъ пріѣздомъ сюда фельдъегеря Васильева, пріѣхалъ переведенный, по милости его императорскаго величества, по прежнему лейбъ-гвардіи въ Литовскій полкъ, капитанъ Пущинъ. Я не могу вамъ описать, а былъ тому свидѣтель нашъ почтенный Дмитрій Дмитріевичъ (Курута), какое видно было въ немъ чистосердечное раскаяніе въ прошедшемъ и искреннее желаніе показать усердіе свое и рвеніе заслужить оказанную ему милость, которую, можно сказать, онъ вполнѣ во всей силѣ чувствуетъ. (Далѣе собственноручно): „и когда я ему сталъ говорить о П. Пестелѣ и маіорѣ Лорерѣ, то онъ такъ ужаснулся, что онъ себя за голову взялъ, не сказавъ до того времени ни слова объ ихъ дѣйствіяхъ и ихъ покушеніяхъ. Сіе вамъ дастъ степень понятія и слуховъ около Лиды, гдѣ была его ротная квартира въ томъ полку, гдѣ онъ служилъ до перевода въ гвардію".

„19) Je vous renvoi ci joint les papiers de Ч.....; je vous avoue que je n'en reviens pas et je m'etonne bien moins de leur contenu, que de la bassesse de selui qui les a presentés. Pourtant son caractere étoit connu depuis bien longtems et qui le fesoit mepriser généralement. Quand au comte j'en suis desolé pnisqu'il jouissait d'une confiance sans bornes de feu notre maître adoré, et je me permet de dire que cela est indigne. Malheureusement feu l'Empereur jugeait les hommes d'après son âme angelique et soupsonnait pas même la possibilité d'une action contraire à tout ce qui est honorable. Que faire pourtant? Faut prendre les hommes tels qu'ils sont, et non comme ils devoient être.

„20) Fixez l'attention de l'Empereur sur la correspondence, qui se trouve dans le cabinet de feu l'empereur avec m-me Narischkine. Je

croi qu'il ferait bien de la renvoyer toute entiere à cette dame à Paris, par un courier, qui pouvait s'y rendre pour lui être remises en mains propres. Ce serait noble et galant en même tems; tous les mois il y a des couriers entre Paris et Petersbourg. Ne m'oubliez pas et comptez toujours sur l'amitié de votre viel et fidel ami Constantin.

„P.S. Dans les papiers de Ч..... il est fait mention d'un certaine G.....; ce le même qui venoit chez feu Hitroff? Si c'est le même j'en sais que cet une canaille et un gueux de la plus mauvaise espece, connu tel par l'univers entier et etant sans foi ni lois.

„Son fils est mon filieul set in titeris, et portant mon nom, je l'ai tenu sur les fonds baptis maux du tems du couronement de feu l'empereur à Moscou avec la P. Troubetskoi, née Mansouroff, soeur de celui, qui à servi au regiment d'Ismailow de notre tems, et ayant samai son на Варваркѣ. Ce fils à été elevé au Lycée de Czarsko Selo et en à été chassé pour sa conduite avec injocntion de ne le recevoir nulle part. Pourtant il a eu le moyen d'entrer au chevaliers gardes par protection et ou je croi qu'il etoit pour le momont; c'est le camarade des fameux écrivailleurs Pouschkine et Kuchelbecker.

Set in titeris.

Помѣты руки Опочинина, карандашемъ на поляхъ этого письма: «до сихъ поръ (?) одно,—всѣ 23 (письма Нарышкиной) сожжены; были въ двухъ ящикахъ краснаго дерева, которыя стояли въ маленькой комнатѣ за уборной.

«Миніатюровъ же семь, и пять найденныя копируются. Государь въ первый разъ изволилъ ихъ видѣть.

«Что весьма благодаренъ; что онъ изволилъ апробовать отмѣну лосинныхъ панталонъ.—2 и 3: ждутъ оказіи.—Касательно зеленыхъ или синихъ панталонъ, то если таковыя дать, le but seroit manqué, ибо стоило бы дорого, а деньги копить надо. И государь согласенъ дать имъ вторыя.... Кавалеріи государь

(Переводъ). 19) «Возвращаю вамъ при семъ бумаги Ч.....; признаюсь, я не могу придти въ себя, я не такъ пораженъ содержаніемъ ихъ, сколько низостью того, кто могъ ихъ представить. Однако, душевныя качества его были уже давно всѣмъ извѣстны и всѣми онъ былъ презираемъ. Но все, касающееся графа, приводитъ меня въ отчаяніе, потому что онъ пользовался безграничнымъ довѣріемъ обожаемаго покойнаго государя нашего,—позволю себѣ назвать это подлостью. Къ несчастію, покойный императоръ судилъ о людяхъ по своей ангельской душѣ и не подозрѣвалъ даже возможности поступать иначе, какъ честно. Но что же дѣлать? Надо видѣть людей такими, какими они есть, а не такими, какими имъ слѣдуетъ быть.

20) Обратите вниманіе государя императора на переписку, находящуюся въ кабинетѣ покойнаго государя, съ Нарышкиной. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы возвратить всю переписку этой госпожѣ, въ Парижъ; можно было бы поручить это курьеру, который вручилъ бы письма въ собственныя ея руки. Это было бы и благородно, и любезно. Курьеры разъѣзжаютъ каждый мѣсяцъ

полагаетъ всѣ панталоны отмѣнить и оставить только рейтузы, тѣмъ болѣе, что ихъ весьма рѣдко въ опыхъ видно, кромѣ 1-й уланской и литовской уланской дивизіи,—а разницу дѣлаютъ чрезвычайную въ дѣлахъ. Примѣромъ тому послужитъ можетъ то, что отмѣна пуговицъ въ два ряда дѣлаетъ по ихной арміи 81 т. руб. Но не приступая ни къ чему, желалъ бы имѣть на то и ваше мнѣніе и также желалъ бы, чтобъ онъ былъ съ симъ согласенъ, потому болѣе, что финансы въ худомъ положеніи и паче въ нынѣшнемъ году, ибо англинскія банкрутства, что многіе отказываются отъ пріема заказанныхъ уже нашихъ продуктовъ и право не знаетъ, что изъ всего этого и будетъ. Служить молебны за ....., за которые однакожъ принцъ оранскій ругается безпощадно».

19-го февраля (3 марта) 1826 г. Варшава.

Любезный Ѳедоръ Петровичъ!....

1) На то, что государь императоръ изволилъ приказать вамъ мнѣ написать, что въ бумагахъ генерала Княжевича ничего особеннаго не найдено, кромѣ кучи писемъ, однако же, находятся двѣ записки (mémoires), изъ коихъ одна любопытна тѣмъ, что по оной предполагается: Польшу соединить въ прежній ея составъ. Королемъ же оной назначается король саксонскій и его династія. Пруссіи, въ замѣнъ отшедшихъ отъ нея провинцій, дается Саксонія, и дабы индамнизировать Россіи, я дѣлаюсь императоромъ греческимъ. На сіе скажу вамъ, что я читалъ въ подробности всѣ сіи свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Нессельродомъ; и послѣ сего можно-ли не ругать г-на Княжевича? Люди вмѣшиваются не въ свои дѣла и дѣлаютъ нелѣпыя распредѣленія и назначенія; но меня пускай не считаютъ и оставятъ въ покоѣ, мое мѣсто развѣ въ хлѣбопашцы. Замѣшали тутъ Пруссію и саксонскаго короля, который уже такъ старъ, равно и вся его фамилія, и обра-

---

между Парижемъ и Петербургомъ. Не забывайте меня и всегда разсчитывайте на дружбу вашего стараго и вѣрнаго друга. Константинъ.

P.S. Въ бумагахъ Ч...ева упоминается о какомъ-то Г...вѣ; не тотъ-ли, что бывалъ у покойнаго Хитрово? Если это онъ, то я знаю, что это негодяй и плутъ послѣдней степени, всѣ считали его такимъ,—это самый безнравственный человѣкъ.

Его сынъ—мой крестникъ и носитъ мое имя; я его крестилъ во время коронаціи покойнаго императора въ Москвѣ, съ княгиней Трубецкой, рожденной Мансуровой,—сестра того Мансурова, который служилъ въ Измайловскомъ полку, въ наше время; у него былъ домъ на Варваркѣ. Сынъ этотъ былъ воспитанъ въ Царскосельскомъ лицеѣ, былъ оттуда выключенъ за свое поведеніе, съ приказомъ никуда не принимать; однако, ему удалось, по протекціи, попасть въ кавалергарды, гдѣ, мнѣ кажется, онъ находится и въ эту минуту. Онъ товарищъ извѣстнымъ писакамъ Пушкину и Кюхельбекеру.

щаетъ на себя всякое почтеніе и уваженіе, и, безъ всякаго сомнѣнія, не имѣетъ и помышленій о такихъ затѣяхъ. Надобно только остеречься, не дѣйствуетъ-ли тутъ французскій посланникъ въ Дрезденѣ, Рюмини, который былъ въ С.-Петербургѣ при Коленкурѣ и въ большихъ связяхъ съ Княжевичемъ.

2) Крайне сожалѣю о нездоровьи государя императора; прошу Бога, дабы онъ сохранилъ столь драгоцѣнное для насъ его здоровье; я весьма обрадованъ былъ, что ему сдѣлалось гораздо лучше.

3) На счетъ того, что государь императоръ изволилъ приказать вамъ мнѣ написать, что онъ вынужденъ нашелся перемѣнить Шульгина, который, кромѣ глупости, ничего не дѣлалъ и пилъ, а теперь утѣшаетъ себя тѣмъ, что распускаетъ повсюду слухи, что онъ потому, яко бы, удаленъ, что несетъ на себѣ особенныя мои милости; я прошу васъ доложить его императорскому величеству, что Шульгинъ мужикъ былъ добрый, а что началъ пить, то это новое; за нимъ прежде сего не бывало. Что же касается до оныхъ слуховъ, то я увѣренъ, что никто не можетъ усумниться въ моей непоколебимой преданности къ государю. О Княжнинѣ же, который на мѣсто Шульгина поступилъ, скажу мое замѣчаніе, чтобы не вышло у него—битье и палки, ибо онъ былъ всегда драчунъ.

4) Я очень радъ и душевно благодаренъ за искреннее участіе, которое его императорское высочество великій князь Михаилъ Павловичъ изволилъ принять, услышавъ отвѣтъ одного изъ заговорщиковъ, что не имѣли они никакого соотношенія съ литовскимъ корпусомъ, ибо имъ извѣстенъ былъ духъ, поселенный въ томъ корпусѣ, который совершенно противенъ образу ихъ мыслей. Къ сему присовокупляю, что за всѣхъ вообще отвѣчать нельзя, но, впрочемъ, совершенно увѣренъ во всѣхъ войскахъ и начальникахъ частей, подъ командою моею состоящихъ; имъ нечѣмъ другимъ заниматься, какъ службою, и, благодаря Бога, о сю пору все въ порядкѣ и благополучно,—и хотя на Лунина, какъ вы знаете, и говорили, но по сіе время ни малѣйше ничего не оказывается; а притомъ, ежели бы онъ и осмѣлился что предпринимать, то я увѣренъ, что не имѣлъ бы здѣсь успѣха, не нашелъ бы себѣ товарищей.

5) Вы пишите, что его императорское высочество великій князь Михаилъ Павловичъ изволилъ васъ удостоить приглашеніемъ съ собою къ смотру лейбъ-гвардіи московскаго и гренадерскаго полковъ, и что вы людей оныхъ нашли, какъ агнцовъ, ожидающихъ рѣшенія своей участи и на лицахъ ихъ изображено было, съ какимъ усердіемъ они желаютъ загладить свое преступленіе; я совершенно съ вами въ томъ согласенъ, и вѣрно вы вспомните, когда вы были здѣсь,

6-го января на водоосвященіи, и когда проходили взводы, то я вамъ, показывая на оные, сказалъ, что не грѣхъ-ли такихъ почтенныхъ людей приводить въ несчастное заблужденіе?

6) Я весьма благодаренъ его императорскому высочеству великому князю Михаилу Павловичу за милости его, оказанныя прибывшимъ въ С.-Петербургъ людямъ изъ литовскаго корпуса; я совершенно увѣренъ въ привязанности его къ здѣшнимъ войскамъ, и хотя онъ когда и не здѣсь, но считается какъ-будто между нами. Мои подкомандующіе у него какъ дома, равномѣрно и его у меня.

7) Вы увѣдомляете, что прибылъ флигель-адъютантъ графъ Строгановъ съ извѣстіемъ, что тѣло покойнаго государя императора уже выступило и что представить себѣ не можно, съ какимъ восторгомъ трогательнымъ и благоговѣніемъ священные останки его величества всѣми состояніями встрѣчаемы и препровождаемы бываютъ. Матушка изволитъ мнѣ о семъ же писать. Я совершенно увѣренъ въ преданности и усердіи всѣхъ сословій, и хотя, къ крайнему сожалѣнію, бунтовщики сдѣлали навсегда пятно своимъ братьямъ-дворянамъ, но отнести сего ко всѣмъ нельзя и, по пословицѣ, въ семьѣ бываетъ не безъ урода.

8) Графа Модена прошу благодарить и за меня разцѣловать; я увѣренъ, что ежели бы онъ зналъ, что я въ Варшавѣ и не выѣхалъ, то вѣрно заѣхалъ бы. Письмо его къ вамъ при семъ обратно препровождаю.

9) За доставленіе біографіи Якубовича, благодарю васъ. Это такой злодѣй, котораго имя безъ омерзѣнія нельзя поминать.....[1]).

11) Вы есть фамильный секретарь, а Кривцова я называю теперь фамильнымъ же унтеръ-секретаремъ.

12) „Жена благодаритъ васъ, и графа Модена, за ваше къ ней напамятованіе. Она теперь нездорова, простудясь на дняхъ, но надѣюсь на Бога, что скоро будетъ опять здорова. Навсегда васъ любящій Константинъ“.

---

[1]) Далѣе, въ пунктѣ 10-мъ говорится о вспомоществованіи полковнику Егорову. Ред.

Княгиня Ловичъ.

Въ вышеприведенныхъ письмахъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ часто упоминаетъ о супругѣ своей княгинѣ Ловичъ. Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь разсказъ о ней К. П. Колзакова, который заключаетъ въ себѣ дополнительныя свѣдѣнія къ его «Воспоминаніямъ о пребываніи русскихъ въ Польшѣ и о революціи въ Варшавѣ, 1815—1830 гг.» (см. въ «Русской Старинѣ», изд. 1873 г., т. VII, стр. 423 и 587). Ред.

Отецъ княгини Ловичъ, польскій помѣщикъ, прусскій подданный, графъ Антонъ Грудзинскій, служилъ нѣкогда въ наполеоновской арміи и проживалъ потомъ (уже въ отставкѣ) въ имѣніи своемъ Попово, въ герцогствѣ Познанскомъ, близъ мѣстечка Венгровецъ. Онъ былъ женатъ на красавицѣ паннѣ Дерповской, отъ которой и имѣлъ трехъ дочерей. Старшею изъ нихъ была Жанетта (впослѣдствіи княгиня Ловичъ), 2-я—Жозефина вышла замужъ за Гудаковскаго и 3-я—Антуанета, на которой женился Хлоповскій. Красота гр. Грудзинской и ревность ея мужа были причиною семейныхъ несогласій и неурядицъ, вслѣдствіе которыхъ супруги сначала разъѣхались, а подъ конецъ формально развелись. Гр. Грудзинскій остался въ своемъ имѣніи и женился вторымъ бракомъ, а графиня поѣхала съ дочерьми въ Варшаву, гдѣ вскорѣ и вышла сама замужъ за прежняго своего обожателя гр. Бронница; дочерей же своихъ она отдала на воспитаніе въ бывшій тогда въ Варшавѣ пансіонъ французской эмигрантки дѣвицы Воше (Vaucher). Пансіонъ этотъ считался въ то время однимъ изъ лучшихъ въ Варшавѣ, по превосходному и нравственному направленію своему въ дѣлѣ воспитанія, главнымъ руководителемъ коего былъ умный и ученый французскій аббатъ Малэрбъ (Malherbes). Этому аббату обязана была княгиня Ловичъ тѣмъ твердыми зачатками религіозныхъ убѣжденій, безъ примѣси ханжества и фанатизма, на прочномъ основаніи которыхъ созидалось впослѣдствіи все нравственное ея образованіе[1]). Окончательное же свое воспитаніе довершила она въ Парижѣ, подъ руководствомъ умной и талантливой гувернантки миссъ Коллинсъ.

---

[1]) Аббатъ Малэрбъ недолго, однако жъ, могъ ужиться въ католической Варшавѣ среди польскихъ своихъ собратій—ксендзовъ-іезуитовъ. Не сочувствуя нисколько ихъ превратнымъ понятіямъ о религіи, онъ имѣлъ совсѣмъ другую систему преподаванія, основанную на здравомъ смыслѣ, а не на фанатизмѣ. А потому, отвлекая невольнымъ образомъ отъ нихъ лучшій цвѣтъ богатыхъ ученицъ, онъ сдѣлался предметомъ ихъ зависти, интригъ и подкапываній; и,

Въ концѣ 1815 г., по возвращеніи изъ Парижа, въ первый разъ появилась графиня Бронницъ со старшею дочерью своею въ салонахъ польской аристократіи. Блестящая красота Жанетты Антоновны, соединенная съ умомъ и образованіемъ, не могли пройти безслѣдно. Она сдѣлалась царицею и душею всѣхъ баловъ, предметомъ заискиванія молодежи, причиною сокровенныхъ мечтаній многихъ изъ нихъ и завистью молодыхъ своихъ подругъ.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, встрѣчаясь съ нею часто на балахъ, не могъ не подчиниться, подобно прочимъ, такому сильному обоянію, а подъ конецъ и совершенно поддался ему; но нельзя не удивляться, что въ теченіе пяти лѣтъ своего знакомства съ нимъ, до самаго своего замужества, эта молодая дѣвушка умѣла себя съ такимъ тактомъ вести, что, не смотря на свое трудное положеніе, никто и помыслить не могъ о малѣйшемъ злословіи. Какимъ умомъ и какими чарами должна была обладать она, чтобы покорить своей власти человѣка столь непреклонной воли,—предъ кѣмъ все склонялось, все дрожало, которому ничто не казалось невозможнымъ и прихотямъ котораго не было преградъ;—какую силу воли должна была она имѣть, чтобы заставить этого человѣка изъ-за нея расторгнуть двойныя узы, связывавшія его, и что всего изумительнѣе, — склонить его, изъ любви къ ней, на отреченіе отъ престола россійской имперіи.

Левъ былъ побѣжденъ голубицею.

Свадьба великаго князя была для всѣхъ такъ неожиданна, что я припоминаю теперь анекдотъ по этому случаю, разсказанный мнѣ покойнымъ сенаторомъ Феншау, бывшимъ адъютантомъ его высочества. Проходя однажды, за нѣсколько дней до свадьбы великаго князя, по Бриловскому дворцу и отыскивая графа Куруту, Феншау нашелъ его во вновь отстраивающейся половинѣ этого дворца. Курута поспѣшно бросился ему на встрѣчу и, увлекая его, сказалъ:

— „Кто васъ просилъ, монъ-сэръ, сюда прійдти, пойдемте скорѣе вонъ“.

Феншау, озираясь на приготовляемыя роскошно комнаты, спросилъ:

— „Что же это, графъ, ужъ не свадьбу-ли чью вы справляете?“

— „Не васе дѣло, монъ сэръ.... это я женюсь“, прибавилъ послѣ нѣкоторой выдержки и шепотомъ Курута.

— „Не надуете меня“, возразилъ Феншау, „вѣдь я не даромъ англичанинъ“, и назвалъ при этомъ имя другой особы.

не смотря на высокое покровительство, оказываемое ему постоянно цесаревичемъ и княгинею Ловичъ, предпочелъ переѣхать въ православную Москву, гдѣ долгое время и съ успѣхомъ продолжалъ подвизаться на поприщѣ преподаванія и образованія молодаго женскаго поколѣнія. К К.

— „А я такъ грекъ“, отвѣтилъ Курута лукаво, „а нашъ братъ перехитритъ всякаго англичанина“.

Польское общество въ Варшавѣ чрезвычайно обрадовалось свадьбѣ цесаревича; надежда имѣть легчайшій доступъ къ нему чрезъ посредство княгини, ихъ соотечественницы, льстила многимъ. Всѣ родственники ея, даже самые дальніе, поднялись на 100 процентовъ. Начались заискиванія о протекціи и всякія интриги,—но и тутъ заявила себя княгиня необыкновеннымъ своимъ тактомъ, отклонивъ отъ себя съ самаго начала всякое вмѣшательство въ дѣла своего мужа; но вмѣстѣ съ тѣмъ, оставаясь ласковою и вѣжливою со всѣми своими прежними знакомыми, она умѣла придать этому отказу самый мягкій видъ и сохранила къ себѣ всеобщее уваженіе.

Радостная вѣсть о бракосочетаніи ея разнеслась быстро по всему королевству и перешла за границу. Отецъ княгини, узнавъ о высокой чести, доставшейся въ удѣлъ старшей его дочери, пожелалъ ее лично поздравить и, списавшись съ нею предварительно, собрался ѣхать въ Варшаву. Великій князь, узнавъ о его пріѣздѣ, самъ повезъ молодую жену свою къ нему на встрѣчу, — и на первой отъ Варшавы станціи, по Калишскому тракту, произошло ихъ свиданіе; послѣ чего, посадивъ стараго графа Грудзинскаго съ собою вмѣстѣ въ открытую коляску, великій князь такимъ образомъ провезъ его лично до самой Варшавы.

К. П. Колзаковъ.

Дрезденъ. 1873 г.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Проэктъ русско-французской экспедиціи въ Индію.

1800 г.

Цѣль экспедиціи.

Изгнать англичанъ безвозвратно изъ Индостана; освободить эти прекрасныя и богатыя страны отъ британскаго ига; открыть новые пути промышленности и торговлѣ просвѣщенныхъ европейскихъ націй, въ особенности Франціи: такова цѣль экспедиціи, достойной покрыть безсмертною славою первый годъ девятнадцатаго столѣтія и главы тѣхъ правительствъ, которыми задумано это полезное и славное предпріятіе.

Какія державы должны принять въ ней участіе.

Французская республика и императоръ россійскій—для отправленія на берега Инда соединенной арміи изъ 70 т. человѣкъ.

Императоръ германскій—для пропуска французскихъ войскъ чрезъ свои владѣнія и для облегченія имъ способовъ къ плаванію внизъ по Дунаю до его устьевъ въ Черномъ морѣ.

Сборъ въ Астрахани 35 т. рус. арміи и отправленіе ея до Астрабада.

Какъ только проэктъ экспедиціи будетъ окончательно рѣшенъ, Павелъ I дастъ повелѣніе для сбора въ Астрахани 35 т. арміи, въ томъ числѣ 25 т. регулярнаго войска всякаго рода оружія и 10 т. казаковъ.

Этотъ корпусъ арміи немедленно отправится на судахъ по Каспійскому морю въ Астрабадъ, чтобы ожидать здѣсь прибытія французскихъ войскъ.

Въ Астрабадѣ будетъ главная квартира союзныхъ армій; здѣсь будутъ устроены военные и провіантскіе магазины; онъ сдѣлается средоточіемъ сообщеній между Индостаномъ, Франціею и Россіею.

Маршрутъ французской арміи при ея слѣдованіи отъ береговъ Дуная на берега Инда.

Отъ рейнской арміи будетъ отдѣленъ 35 т. корпусъ всякаго рода оружія.

Эти войска на баркахъ поплывутъ по Дунаю и спустятся на баркахъ по этой рѣкѣ до ея устьевъ въ Черномъ морѣ.

Достигнувъ Чернаго моря, войска переслдутъ на транспортныя суда, доставленныя Россіею, переплывутъ Черное и Азовское моря и высадятся въ Таганрогѣ.

За тѣмъ, этотъ корпусъ арміи правымъ берегомъ Дона послѣдуетъ до казацкаго города Пятіизбянки[1]).

Достигнувъ этого пункта, армія переправится черезъ Донъ и сухимъ путемъ направится къ городу Царицыну, построенному на правомъ берегу Волги.

Отсюда армія внизъ по рѣкѣ отправится въ Астрахань.

Здѣсь войска, пересѣвъ на торговыя суда, переплывутъ во всю длину Каспійское море и высадятся въ Астрабадѣ, приморскомъ городѣ Персіи.

Тогда, по соединеніи французовъ съ русскими, союзная армія двинется въ походъ; пройдетъ города: Гератъ, Ферахъ, Кандагаръ и вскорѣ достигнетъ праваго берега Инда.

Продолжительность похода французской арміи.

На плаваніе внизъ по Дунаю до его устьевъ въ Черномъ морѣ	20	дней.
Отъ устьевъ Дуная до Таганрога	16	„
„ Таганрога до Пятіизбянки	20	„
„ Пятіизбянки до Царицына	4	„
„ Царицына до Астрахани	5	„
„ Астрахани до Астрабада	10	„
„ Астрабада до береговъ Инда	45	„
	120	дней.

И такъ, на походъ отъ береговъ Дуная до береговъ Инда французская армія употребитъ четыре мѣсяца; но во избѣжаніе всякаго

[1]) Пятіизбянская станица, въ 321 верстѣ отъ Новочеркасска.

усиленія маршей предполагается, что походъ продлится полныхъ пять мѣсяцевъ: такимъ образомъ, если армія выступитъ въ началѣ мая 1801 г. (по старому стилю), то должна прибыть къ мѣсту своего назначенія въ концѣ сентября.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что половина пути будетъ совершена водою, а другая—сухимъ путемъ.

Средства исполненія.

При плаваніи по Дунаю, французская армія повезетъ за собою полевыя орудія съ зарядными ящиками.

Ей не будетъ надобности ни въ какихъ лагерныхъ принадлежностяхъ.

Кавалерія тяжелая и легкая и артиллерія не должны брать съ собою лошадей; на барки грузить только: сѣдла, сбруи, вьюки, постромки, поводья, вожжи и проч. и проч.

Этому корпусу запастись сухарями на мѣсяцъ.

Коммиссары, опережая армію, будутъ приготовлять и распредѣлять этапы, гдѣ въ томъ будетъ надобность.

Достигнувъ устья Дуная, армія пересядетъ на транспортныя суда, высланныя изъ Россіи и снабженныя провіантомъ на время отъ пятнадцати до двадцати дней.

Во время плаванія, коммиссары и офицеры главнаго штаба отправятся сухимъ путемъ и на почтовыхъ, одни—въ Таганрогъ и въ Царицынъ, другіе—въ Астрахань.

Коммиссары, посланные въ Таганрогъ, войдутъ въ соглашенія съ русскими коммиссарами касательно сухопутнаго маршрута арміи отъ Таганрога до Пятіизбянки, приготовленія этаповъ и отведенія квартиръ, наконецъ, набора лошадей и подводъ для перевозки артиллеріи и богажа арміи.

Эти же коммиссары уговорятся съ отправленными въ Царицынъ о пригонкѣ судовъ, необходимыхъ для переправы черезъ Донъ, который въ этомъ мѣстѣ немногимъ шире Сены въ Парижѣ.

Коммиссары въ Царицынѣ должны озаботиться заблаговременно:

1) О соединеніи на трехъ или четырехъ пунктахъ, между Волгою и Дономъ, всѣхъ лагерныхъ принадлежностей и провіанта, потребнаго арміи во время ея похода.

2) О пригонкѣ къ Царицыну достаточнаго количества судовъ для переправы французской арміи внизъ по Волгѣ до Астрахани.

Коммиссары, отправленные въ Астрахань, будутъ держать на готовѣ корабли для перевозки арміи, нагруженные провіантомъ на пятнадцать дней.

При отплытіи французской арміи въ Астрабадъ, она должна быть снабжена нижеслѣдующими припасами, собранными и заготовленными коммиссарами обоихъ правительствъ:

1) Всякаго рода аммуниціею, артиллерійскими снарядами и орудіями.

Аммуниція и орудія могутъ быть доставлены изъ арсеналовъ: Астраханскаго, Казанскаго и Саратовскаго, изобильно снабженныхъ.

2) Упряжными лошадьми для перевозки артиллеріи и аммуниціи соединенной арміи.

3) Фурами и телѣгами и лошадьми для перевозки багажа, понтоновъ и т. п.

4) Верховыми лошадьми для французской кавалеріи, тяжелой и легкой.

Лошади могутъ быть закуплены между Дономъ и Волгою у казаковъ и калмыковъ; онѣ водятся здѣсь въ несмѣтномъ количествѣ, наиболѣе пригодны къ службѣ въ мѣстностяхъ, которыя будутъ театромъ военныхъ дѣйствій, и цѣна этихъ лошадей умѣреннѣе, нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

5) Всѣми лагерными принадлежностями, необходимыми французской арміи въ походѣ на берега Инда и далѣе.

6) Складами суконъ, полотенъ, мундировъ, шляпъ, киверовъ, касокъ, перчатокъ, чулокъ, сапоговъ, башмаковъ и проч., и проч.

Всѣ эти предметы должны въ изобиліи находиться въ Россіи, гдѣ на нихъ и цѣны дешевле, нежели въ прочихъ европейскихъ государствахъ. Французское правительство о ихъ постановкѣ можетъ снестись съ директорами колоніи Сарепта—въ шести миляхъ отъ Царицына, на правомъ берегу Волги. Главное управленіе этой колоніи Евангелистовъ, слывущей богатѣйшею, промышленнѣйшею и самою исправною на всякіе заказы, находится въ Саксоніи; оттуда слѣдуетъ получить приказаніе, чтобы колонія Сарепта взялась за подряды.

7) Аптекою, снабженною всякаго рода медикаментами.

Она можетъ быть доставлена тою же колоніею Сарепта, гдѣ съ давнихъ временъ существуетъ аптека, которая разнообразіемъ и добротою лекарствъ соперничаетъ съ императорскою московскою аптекою.

8) Запасами: рису, гороху, муки, крупъ, солонины, масла, винъ, водокъ и проч.

9) Стадами быковъ и овецъ.

Горохъ, мука, крупа, солонина и масло будутъ доставлены Россіею; прочіе предметы въ изобиліи находятся въ Персіи.

10) Складами фуража, ячменя и овса.

Овесъ можно получить въ Астрахани; фуражъ и ячмень — въ губерніи.

Маршрутъ союзной арміи отъ Астрабада до береговъ Инда, мѣропріятія для вѣрнаго успѣха экспедиціи.

До отплытія русскихъ въ Астрабадъ, коммиссары союзныхъ правительствъ будутъ отправлены ко всѣмъ ханамъ и мелкимъ властителямъ странъ, чрезъ которыя армія будетъ слѣдовать, для внушенія имъ:

„Что армія двухъ народовъ, во всей вселенной могущественнѣйшихъ, должна пройдти черезъ ихъ владѣнія, шествуя въ Индію; что единственная цѣль похода—изгнать изъ Индіи англичанъ, поработившихъ эти прекрасныя страны, нѣкогда столь знаменитыя, могучія, богатыя произведеніями—естественными и промышленными, чтобы онѣ привлекали къ себѣ всѣ народы земли для причастія къ дѣяніямъ и всякаго рода щедротамъ, которыми небу угодно было одѣлить эти страны; что ужасное состояніе угнетенія, злосчастія и рабства, въ которомъ нынѣ стенаютъ народы этихъ странъ, внушило Франціи и Россіи живѣйшее къ нимъ участіе; что вслѣдствіе этого оба правительства рѣшили соединить свои силы, чтобы освободить Индію отъ тираническаго и варварскаго ига англичанъ; что князья и народы всѣхъ странъ, чрезъ которыя пройдетъ союзная армія, не должны нисколько ея опасаться; напротивъ, имъ предлагаютъ, чтобы они всѣми своими средствами способствовали успѣху этого полезнаго и славнаго предпріятія; что этотъ походъ на столько же справедливъ по своей цѣли, на сколько былъ несправедливъ походъ Александра, желавшаго завоевать весь міръ; что союзная армія не будетъ взимать контрибуцій, будетъ все закупать по обоюдному соглашенію и платить чистыми деньгами за всѣ предметы, для существованія ея необходимые; что въ этомъ случаѣ будетъ поддерживать ее строжайшая дисциплина, что вѣроисповѣданіе, законы, обычаи, нравы, собственность, женщины—будутъ повсюду уважены, пощажены и проч., и проч.“.

При подобной прокламаціи, при честныхъ, откровенныхъ и прямодушныхъ дѣйствіяхъ, несомнѣнно, что ханы и прочіе мелкіе князьки безпрепятственно пропустятъ армію чрезъ свои владѣнія; впрочемъ, при ихъ разладѣ между собою, они слишкомъ слабы, чтобы оказать мало-мальски значительное сопротивленіе.

Французскихъ и русскихъ коммиссаровъ будутъ сопровождать искусные инженеры, которые сдѣлаютъ топографическую съемку странъ, чрезъ которыя союзная армія будетъ слѣдовать; они отмѣтятъ на

своихъ картахъ: мѣста для приваловъ; рѣки, черезъ которыя придется переправляться; города, мимо которыхъ должны будутъ проходить войска; пункты, гдѣ обозъ, артиллерія и аммуниція могутъ встрѣтить какія-либо препятствія, при чемъ обозначатъ средства къ преодолѣнію этихъ препятствій.

Коммиссары поведутъ переговоры съ ханами, князьками и частными владѣльцами о доставкѣ припасовъ, телѣгъ, кибитокъ и проч., будутъ подписывать условія, спрашивать и получать залоги.

По прибытіи первой французской дивизіи въ Астрабадъ, первая русская дивизія тронется въ походъ; прочія дивизіи союзной арміи послѣдуютъ одна за другою, на дистанціи другъ отъ друга отъ пяти до шести льё; сообщеніе между ними будетъ поддерживаемо малыми отрядами казаковъ.

Авангардъ будетъ состоять изъ корпуса казаковъ отъ четырехъ до пяти тысячъ человѣкъ, смѣшаннаго съ легкою регулярною кавалеріею; за нимъ непосредственно слѣдуютъ понтоны; этотъ авангардъ, наводя мосты черезъ рѣки, будетъ защищать ихъ отъ нападеній непріятеля и охранять армію, на случай измѣны или иной неожиданности.

Французское правительство передастъ главнокомандующему оружіе Версальскихъ фабрикъ, какъ-то: ружья, карабины, пистолеты, сабли и проч.; вазы и прочія фарфоровыя издѣлія Севрской мануфактуры; карманные и стѣнные часы искуснѣйшихъ парижскихъ мастеровъ, прекрасныя зеркала; превосходныя французскія сукна разныхъ цвѣтовъ: багрянаго, алаго, зеленаго и синяго—цвѣтовъ, особенно любимыхъ азіатами, особенно персіянами; бархаты; золотыя и серебряныя парчи; галуны и шелковыя ліонскія матеріи; Гобеленевскія обои и проч., и проч.

Всѣ эти предметы, кстати и у мѣста подаренные владѣтелямъ этихъ странъ съ ласкою и любезностью, столь свойственными французамъ, дадутъ этимъ народамъ высокое понятіе о щедрости, промышленности и могуществѣ народа французскаго, а впослѣдствіи будутъ важной отраслью торговли.

Общество избранныхъ ученыхъ и художниковъ должно принять участіе въ этой славной экспедиціи. Правительство поручитъ имъ съемку картъ и плановъ мѣстностей, чрезъ которыя будетъ проходить союзная армія; оно же снабдитъ ихъ записками и особенно уважаемыми сочиненіями, сихъ странъ касающимися.

Весьма полезны будутъ аэронавты (воздухоплаватели) и пиротехники (дѣлатели фейерверковъ).

Для внушенія этимъ народамъ самаго высокаго понятія о Фран-

ціи и Россіи, условлено будетъ до выступленія арміи и главной квартиры изъ Астрабада, дать въ этомъ городѣ нѣсколько блестящихъ праздниковъ съ военными эволюціями, подобныхъ праздникамъ, которыми въ Парижѣ чествуютъ великія событія и достопамятныя эпохи.

Приведя все въ вышеупомянутый порядокъ, нельзя будетъ сомнѣваться въ успѣхѣ предпріятія; но главнымъ образомъ онъ будетъ зависѣть отъ смышленности, усердія, храбрости и вѣрности начальниковъ, которымъ оба правительства довѣрятъ исполненіе проэкта.

Тотчасъ, по прибытіи союзной арміи на берега Инда, должны начаться и военныя дѣйствія.

Слѣдуетъ обратить вниманіе, что изъ европейскихъ мѣстъ—въ Индіи и Персіи—особенно обращаются и цѣнятся: венеціанскіе цехины, голландскіе червонцы, венгерскіе дукаты, русскіе имперіалы и рубли.

(Замѣтки на нѣкоторыя статьи этого проекта, кажется, самимъ первымъ консуломъ Бонапартомъ заявлены были слѣдующія):

Замѣчанія Бонапарта.

1) Есть-ли достаточно судовъ для перевозки 35 т. арміи по Дунаю до его устья?

2) Султанъ не согласится пропустить внизъ по Дунаю французскую армію и воспротивится отплытію ея изъ котораго-либо порта, находящагося въ зависимости отъ имперіи оттоманской.

3) Довольно-ли судовъ и кораблей на Черномъ морѣ для переправы арміи и достаточнымъ-ли ихъ количествомъ можетъ располагать русскій императоръ?

4) Корпусъ, по выходѣ изъ Дуная въ море, не подвергнется-ли опасности быть потревоженнымъ или разсѣяннымъ англійскою эскадрою адмирала Кейта, который, при первой вѣсти объ этой экспедиціи, сквозь Дарданеллы выступитъ въ Черное море, чтобы преградить путь французской арміи и истребить ее?

5) Когда союзная армія въ полномъ составѣ соберется въ Астрабадѣ, какимъ образомъ она проникнетъ въ Индію, сквозь страны почти дикія, безплодныя, свершая походъ въ триста льё отъ Астрабада до предѣловъ Индостана?

Возраженія императора Павла I.

1) Я думаю, что потребное число судовъ собрать будетъ легко; въ противномъ случаѣ армія высадится въ Браиловѣ—портѣ на Дунаѣ, въ княжествѣ Валахіи и въ Галацѣ—другомъ портѣ, на той же рѣкѣ, въ княжествѣ Молдавіи; тогда французская армія переправится на

корабляхъ, снаряженныхъ и присланныхъ Россіею и будетъ продолжать свой путь.

2) Павелъ I принудитъ Порту дѣлать все то, что ему угодно; его громадныя силы заставятъ Диванъ уважать его волю.

3) Русскій императоръ легко можетъ собрать въ своихъ черноморскихъ портахъ свыше 300 кораблей и судовъ всякихъ величинъ; извѣстно всему свѣту возрастаніе русскаго торговаго флота на Черномъ морѣ.

4) Если г. Кейту угодно будетъ пройдти сквозь Дарданеллы и турки тому не воспротивятся — этому воспротивится Павелъ I; для этого у него есть средства дѣйствительнѣе, нежели думаютъ.

5) Эти страны ни дики, ни безплодны; дорога открыта и просторна давно; караваны проходятъ обыкновенно въ тридцать пять, сорокъ дней — отъ береговъ Инда до Астрабада. Почва, подобно Аравіи и Ливіи, не покрыта сыпучими песками; рѣки орошаютъ ее почти на каждомъ шагу; въ кормовыхъ травахъ недостатка нѣтъ; рисъ произрастаетъ въ изобиліи и составляетъ главную пищу жителей; быки, овцы, дичина водятся во множествѣ; плоды разнообразны и отмѣнны.

Единственное разумное замѣчаніе: долгота пути, но и это не должно служить поводомъ къ отверженію проэкта. Французская и русская арміи жаждутъ славы; онѣ храбры, терпѣливы, неутомимы; ихъ мужество, постоянство и благоразуміе военачальниковъ побѣдятъ какія-бы то ни было препятствія.

Въ подтвержденіе можно привести историческое событіе.

Въ 1739 и 1740 годахъ Надир-шахъ, или Тахмас-кули-ханъ, выступилъ изъ Дегли съ многочисленной арміей въ походъ на Персію и на берега Каспійскаго моря. Путь его былъ чрезъ Кандагаръ, Ферахъ, Гератъ, Мешехедъ—на Астрабадъ. Всѣ эти города были значительны; хотя они нынѣ и утратили прежній свой блескъ, но все же еще сохраняютъ большую его часть.

То, что сдѣлала армія истинно азіатская (этимъ все сказано) въ 1739—1740 годахъ, можно-ли сомнѣваться, чтобы армія французовъ и русскихъ не могла нынѣ того совершить!

Названные города будутъ служить главными пунктами сообщенія между Индостаномъ, Россіею и Франціею; для этого необходимо учредить военныя почты, назначивъ къ тому казаковъ, какъ людей, наиболѣе способныхъ къ подобному роду службы.

Примѣчаніе. Приведенный здѣсь проектъ съ замѣтками Бонапарта и императора Павла I извлеченъ изъ брошюры: «Mémoire de Leibnitz à Louis XIV sur la conquête de l'Egypte, publié avec un préface et des notes par

M. de Hoffmann, suivi d'un projet d'expédition dans l'Inde, par terre, conçu certé entre le premier consul et l'empéreur Paul I en mil huit cent». Этотъ же отрывокъ былъ перепечатанъ Дюбуа де Жансиньи (Dubois de Jansigny въ его превосходномъ сочиненіи «Индія» (Inde: Univers Pittoresque ed. Firmin Diolet 1845, 8°) П. К.

Письма императора Павла къ атаману Донскаго войска генералу отъ кавалеріи Орлову 1-му.

I.

С.-Петербургъ, января 12-го 1801 года.

Англичане приготовляются сдѣлать нападеніе флотомъ и войскомъ на меня и на союзниковъ моихъ — шведовъ и датчанъ; я готовъ ихъ принять, но нужно ихъ самихъ атаковать и тамъ, гдѣ ударъ имъ можетъ быть чувствительнѣе и гдѣ меньше ожидаютъ. Отъ насъ ходу до Индіи отъ Оренбурга мѣсяца три, да отъ васъ туда мѣсяцъ, итого четыре. Поручаю всю сію экспедицію вамъ и войску вашему, Василій Петровичъ. Соберитесь вы съ онымъ и выступите въ походъ къ Оренбургу, откуда любою изъ трехъ дорогъ или всѣми пойдете съ артиллеріею прямо черезъ Бухарію и Хиву на рѣку Индусъ и на заведенія англійскія, по ней лежащія. Войска того края, ихъ таковаго же рода, какъ и ваше, такъ имѣя артиллерію, вы имѣете полный авантажъ. Приготовьте все къ походу. Пошлите своихъ лазутчиковъ приготовить или осмотрѣть дороги; все богатство Индіи будетъ намъ наградою за сію экспедицію. Соберите войско къ заднимъ станицамъ, и тогда, увѣдомивъ меня, ожидайте повелѣнія идти къ Оренбургу, куда пришедъ, опять ожидайте другаго—идти далѣе. Такое предпріятіе увѣнчаетъ васъ всѣхъ славою, заслужитъ, по мѣрѣ заслугъ, мое особенное благоволеніе, пріобрѣтетъ богатства и торговлю и поразитъ непріятеля въ его сердце. Здѣсь прилагаю карты, сколько у меня ихъ есть. Богъ васъ благословитъ. Есмь вашъ благосклонный Павелъ.

NB Карты мои идутъ только до Хивы и до Амурской рѣки, а далѣе ваше уже дѣло достать свѣдѣнія до заведеній англійскихъ и до народовъ индѣйскихъ, имъ подвластныхъ.

II.

С.-Петербургъ, января 12-го 1801 года.

Индія, куда вы назначаетесь, управляется однимъ главнымъ владѣльцемъ и многими малыми. Англичане имѣютъ у нихъ свои заведенія торговыя, пріобрѣтенныя или деньгами, или оружіемъ, то и

цѣль все сіе раззорить, а угнетенныхъ владѣльцевъ освободить и землю привесть Россіи въ туже зависимость, въ какой они у англичанъ и торгъ обратить къ намъ. Сіе вамъ исполненіе поручая, пребываю вамъ благосклонный Павелъ.

III.

С.-Петербургъ, января 13-го 1801 года.

Василій Петровичъ, посылаю вамъ подробную и новую карту всей Индіи. Помните, что вамъ дѣло до англичанъ только, а миръ со всѣми тѣми, кто не будетъ имъ помогать; итакъ проходя, ихъ увѣряйте о дружбѣ Россіи и идите отъ Инда на Гангесъ и тамъ на англичанъ. Мимоходомъ утвердите Бухарію, чтобъ китайцамъ не досталась. Въ Хивѣ высвободите столько-то тысячъ нашихъ плѣнныхъ подданныхъ. Если бы нужна была пѣхота, то пришлю вслѣдъ за вами, а не инако прислать будетъ можно. Но лучше, кабы вы то одни собою сдѣлали. Вашъ благосклонный Павелъ.

IV.

Февраля 7-го 1801 года. Михайловскій замокъ.

При семъ посылаю вамъ маршрутъ, какой могъ для васъ достать, онъ дополнитъ вамъ карту и объяснитъ. Экспедиція весьма нужна и чѣмъ скорѣе, тѣмъ вѣрнѣе и лучше. Вашъ благосклонный Павелъ.

Симъ маршрутомъ я вамъ вовсе рукъ не связываю однако же.

V.

Въ Михайловскомъ замкѣ, февраля 21-го 1801 года.

(Не собственноручно): Господинъ генералъ отъ кавалеріи Орловъ 1-й, на донесеніе ваше отъ 25-го января не имѣю вамъ ничего инаго сказать, какъ апробую вами представленное. Пребываю вамъ благосклоннымъ Павелъ.

(Собственноручная приписка): Возьмите сколько можно. О пѣхотѣ же будучи вашего мнѣнія—лучше не брать.

Примѣчаніе. Эти собственноручныя письма императора Павла, списанныя съ подлинниковъ, были впервые напечатаны въ «Историческомъ Сборникѣ» (Л., изд. 1861 г., кн. II, стр. 3 — 6). Мы считаемъ совершенно умѣстнымъ перепечатать ихъ вслѣдъ за проэктомъ русской экспедиціи въ Индію 1800 г., какъ начало исполненія этого проэкта. Неожиданная и внезапная кончина Павла I, въ ночь съ 11-го на 12-е марта 1801 г., спасла Англію отъ вторженія русскихъ въ Индію. Ред.

Новгородскіе дворяне и военные поселяне.

По усмиреніи извѣстнаго бунта въ іюнѣ 1831 г. военныхъ поселянъ Новгородской губерніи, мѣстное дворянство отправило къ императору Николаю Павловичу депутацію, съ изъявленіями чувствъ признательности всѣхъ сословій Новгородской губерніи за возстановленіе въ оной спокойствія, съ принесеніемъ государю вѣрноподданническихъ поздравленій съ рожденіемъ сына великаго князя Николая. Вотъ описаніе пріема, какого удостоилась новгородская депутація, составленная тогда же однимъ изъ депутатовъ. Ред.

1831 г.

Депутацію составляли дворяне: 1) За губернскаго предводителя—подпоручикъ Андрей Ивановичъ Ухтомскій. 2) Совѣстный судья—помѣщикъ Демянскаго уѣзда, отставной артиллеріи маіоръ Василій Игнатьевичъ Веревкинъ. 3) Дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Александровичъ князь Лобановъ-Ростовскій—помѣщикъ Демянскаго уѣзда. 4) Капитанъ-лейтенантъ Василій Александровичъ Аклечеевъ, предводитель дворянства Демянскаго уѣзда. 5) Коллежскій асессоръ Алексѣй Дмитріевичъ Тырковъ — предводитель дворянства Новгородскаго уѣзда. 6) Капитанъ-лейтенантъ Василій Ефимовичъ Путятинъ—помѣщикъ Новгородскаго уѣзда. 7) V-го класса Петръ Ивановичъ Балле—помѣщикъ Новгородскаго уѣзда. 8) Поручикъ Александръ Ивановичъ Балкъ—предводитель дворянства Боровицкаго уѣзда. 9) Поручикъ Владиміръ Петровичъ Козляниновъ—помѣщикъ Боровицкаго уѣзда. 10) Лейтенантъ Степанъ Бачмановъ—помѣщикъ Валдайскаго уѣзда. 11) Гвардіи подпоручикъ Аполонъ Ивановичъ Веригинъ—помѣщикъ Валдайскаго уѣзда.

Сверхъ того, при депутаціи представленъ былъ новгородской градской глава — купецъ Андрей Кузнецовъ.

Депутація, по прибытіи 21-го августа 1831 года въ Царское Село, остановилась въ домѣ, нарочно отъ двора для того пріуготовленномъ, гдѣ, въ тотъ же вечеръ, фельдегеремъ доставлена была градскому главѣ золотая медаль, осыпанная алмазами, на Андреевской лентѣ, за сохраненіе тишины и спокойствія въ городѣ Новгородѣ во время бывшаго, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1831 года, возмущенія въ округахъ военнаго поселенія.

На другой день, утромъ въ 9-ть часовъ, 22-го августа, депутація приглашена была во дворецъ и введена въ общій залъ, откуда началось шествіе въ дворцовую церковь; а вслѣдъ за тѣмъ, особеннаго рода процессіею, внесенъ былъ новорожденный великій князь.

Николай. По выходѣ изъ церкви государя императора, совершено таинство крещенія новорожденнаго. По окончаніи онаго и прибытіи его императорскаго величества въ церковь, начата божественная литургія, за которою его императорское величество самъ изволилъ поднести новорожденнаго къ принятію Святыхъ Таинъ. Съ окончаніемъ литургіи, его величество изволилъ принимать въ церкви поздравленіе отъ духовенства; послѣ того его величество удалился въ свои апартаменты, а депутація, тѣмъ же порядкомъ, возвратилась въ залъ. По прошествіи четверти часа, депутація приглашена была въ Малой дворецъ, для представленія его императорскому величеству. По прибытіи въ Малый дворецъ, депутація введена была въ пріемную комнату, имѣвшую два окна и три двери, которыя всѣ были заперты; комната эта заключала въ себѣ нѣсколько креселъ и два дивана, стѣны украшены были картинами. Спустя четверть часа, вошелъ государь изъ боковой двери, которую самъ изволилъ затворить.

Его величество имѣлъ на себѣ общій генеральскій мундиръ, Андреевскую ленту, но былъ безъ шпаги. Обратясь къ депутатамъ, изволилъ привѣтствовать слѣдующими словами:

— „Здравствуйте, господа!“.

По принятіи отъ депутатовъ вѣрноподданническаго поздравленія съ новорожденнымъ и благодарности за милостивое вниманіе ко всѣмъ сословіямъ Новгородской губерніи, изъявленное въ рескриптѣ на имя новгородскаго гражданскаго губернатора (вслѣдъ за симъ помѣщеннаго) его величество продолжалъ:

— „Тихо-ли у васъ теперь?“

Депутація имѣла счастіе отвѣчать:

— „При отъѣздѣ нашемъ было вездѣ уже спокойно“.

На это государь императоръ сдѣлалъ вопросъ:

— „А въ Демянскомъ уѣздѣ?“.

Отвѣтъ депутатовъ:

— „Совершенно спокойно“.

Государь императоръ продолжалъ:

— „Покойный братъ мой, основавъ военное поселеніе, старался, а по немъ и я, классъ людей сихъ устроить и облагодѣтельствовать во всѣхъ отношеніяхъ; но неблагодарные поселяне, впавъ въ буйство, совершили неслыханныя злодѣянія. При чемъ знаю, господа, что и васъ безпокоили; но я переобразую ихъ и такъ устрою, что уже не въ состояніи будутъ въ другой разъ того сдѣлать; а за васъ я постою, господа“.

Депутація имѣла счастіе изъявить благодарность благовѣйнымъ поклономъ предъ лицемъ своего монарха.

Его величество продолжалъ:

— „Пріятно мнѣ было слышать, что крестьяне ваши не присоединились къ моимъ поселянамъ: это доказываетъ ваше хорошее съ ними обращеніе; но, къ сожалѣнію, не вездѣ такъ обращаются. Я долженъ сказать вамъ, господа, что положеніе дѣлъ весьма нехорошо, подобно времени бывшей французской революціи. Парижъ—гнѣздо злодѣяній—разлилъ ядъ свой по всей Европѣ, и мы получили его, но позже всѣхъ, вѣроятно потому, что мы для нихъ потяжелѣе всѣхъ. Не хорошо. Время требуетъ предосторожности. Я съ соболѣзненнымъ сердцемъ долженъ былъ приступить къ рекрутскому набору, зная всю тягость его; но честь и величіе государства того требуютъ".

Поклонъ депутатовъ.

— „Я увѣренъ, господа, что вы, какъ россіяне поступите, въ случаѣ необходимомъ". (Обратясь къ имѣющимъ военные мундиры) „А вы, старые господа военные, вѣрно, не откажетесь участвовать".

Поклонъ депутаціи; при томъ депутаты имѣли счастіе отвѣствовать:

— „Съ послѣднимъ крестьяниномъ пойдемъ, государь".

Его величество продолжалъ:

— „Но я увѣренъ, что до этого не дойдетъ. Обратите ваше вниманіе, господа, на дворянскіе ваши выборы; избирайте достойныхъ дворянъ — отъ нихъ зависитъ общее спокойствіе. Истина не доходитъ до ушей моихъ; а черезъ васъ я долженъ ее знать. Размыслите хорошенько о воспитаніи дѣтей вашихъ, надобно измѣнить систему. Я велѣлъ выстроить въ Медвѣдѣ [1]) корпусъ, и онъ уже строится, собственно для дѣтей вашихъ; у меня не избалуются они. Прощайте, прощайте, господа. Благодарю васъ".

По окончаніи рѣчи, государь императоръ вышелъ въ ту же боковую дверь. Депутація, по выходѣ изъ пріемной комнаты, была встрѣчена въ коридорѣ гофъ-фурьеромъ, который препроводилъ на половину государыни императрицы и ввелъ въ комнату, въ коей находился его высочество наслѣдникъ престола. Депутація имѣла счастіе принести его высочеству поздравленіе съ новорожденнымъ. По удаленіи наслѣдника чрезъ боковую дверь, депутація введена была въ опочивальню государыни императрицы, гдѣ удостоилась созерцать крот-

[1]) Мѣстность села Медвѣдя найдена неудобною для помѣщенія кадетскаго корпуса; а потому онъ былъ устроенъ въ 4-мъ округѣ пѣхотныхъ солдатъ, при деревнѣ Новосельцы, въ зданіяхъ бывшаго штаба наслѣднаго принца Прусскаго полка. А. Д.

кую, милостивую помазанницу, стоящую у царскаго ея ложа, держа на подушкѣ его высочество новорожденнаго; въ боку кровати стояли ихъ высочества великія княжны. По принесеніи отъ депутаціи подданническаго поздравленія, ея величество изволила удостоить допущеніемъ поцѣловать священную ея благотворную руку, при изрѣченіи милостиваго привѣтствія: „Это мой Николай“; а по отданіи благоговѣйнаго поклона, депутація отправилась въ общій залъ, гдѣ приглашена была къ столу. По окончаніи обѣда, депутація возвратилась въ отведенный домъ; а оттуда, на другой день, отправилась въ г. Новгородъ.

Вотъ упомянутый выше рескриптъ, котораго удостоилось получить Новгородское дворянство:

„Господинъ новгородскій гражданскій губернаторъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Денферъ.

„При послѣднемъ посѣщеніи моемъ губерніи, вамъ ввѣренной, я съ искреннимъ удовольствіемъ, лично удостовѣрился въ похвальныхъ чувствахъ вѣрности и неизмѣнной преданности къ престолу и отечеству, воодушевляющихъ мирныхъ жителей сей губерніи. Всѣ обитатели Новгорода, издревле знаменитаго въ лѣтописяхъ любезнаго отечества, благородное дворянство всей губерніи, граждане и помѣщичьи крестьяне, среди безпорядковъ, возникшихъ въ той же губерніи со стороны военныхъ поселянъ, твердо сохраняя свои обязанности, явили себя истинными россіянами, достойными сынами отечества. Въ ознаменованіе признательности моей за сіе, лично къ вамъ и ко всѣмъ благонамѣреннымъ жителямъ ввѣренной вамъ губерніи, мнѣ пріятно симъ особымъ рескриптомъ извѣстить васъ о благости Всевышняго, вновь изліянной на мой домъ. Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ возвращенія моего изъ Новгорода, любезнѣйшая супруга моя, ея императорское величество государыня императрица благополучно разрѣшилась великимъ княземъ, нареченнымъ Николаемъ. О таковомъ приращеніи дома нашего, повелѣвая вамъ объявить по ввѣренной вамъ губерніи, я увѣренъ, что жители оной раздѣлятъ радость мою и общую всей Россіи, и соединятъ усердныя мольбы свои съ моими о благоденствіи и преуспѣяніи новорожденнаго“.

„Пребываю вамъ навсегда благосклоннымъ. Николай“.

Царское село, 27-го іюля 1831 г.

Сообщ. **Александръ Долгоруковъ.**

Партизанъ Сеславинъ.

Александръ Никитичъ Сеславинъ принадлежитъ къ числу наиболѣе популярныхъ, вполнѣ народныхъ героевъ отечественной войны. Между тѣмъ, кромѣ, такъ сказать, оффиціальныхъ о немъ писаній Михайловскаго-Данилевскаго, да краткихъ формулярныхъ замѣтокъ, въ нашей исторической литературѣ почти нѣтъ ничего о доблестномъ партизанѣ Сеславинѣ; говоримъ почти, такъ какъ статья наша о немъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1860 г. (кн. IV) внесла хотя нѣсколько новыхъ данныхъ въ неизвѣстную еще исторію въ высшей степени своеобразной жизни этого героя. Въ настоящее время мы представляемъ любопытный документъ, весьма обязательно сообщенный, при посредствѣ Анны Егоровны Сеславиной, родственникомъ партизана—г. Панафидинымъ,—это подлинное письмо Александра Никитича Сеславина къ одному изъ его братьевъ. Письмо безъ помѣты года и числа, но, по соображенію, оно относится къ концу сороковыхъ или къ началу пятидесятыхъ годовъ, вскорѣ послѣ смерти великаго князя Михаила Павловича. Въ этомъ письмѣ выходки раздраженнаго и громаднаго самолюбія — этой болѣзни А. Сеславина—перемежаются нѣкоторыми историко-біографическими замѣтками. Ред.

Братъ Ѳедоръ Никитичъ! Слово веселость, о которомъ я не упоминаю въ первомъ моемъ письмѣ, несообразно съ затруднительнымъ моимъ положеніемъ; я сказалъ, что я здоровъ, бодръ и свѣжъ, и справедливо, это есть слѣдствіе воздержанной моей жизни въ юныхъ и преклонныхъ моихъ лѣтахъ. Дѣйствительно, въ груди моей пылаетъ пламя юныхъ лѣтъ.

Лучшая въ мірѣ собесѣдница, которую я желалъ имѣть съ того времени, какъ она отказалась отъ замужства,—это Анна Николаевна, но она была воспитательницею своихъ меньшихъ братьевъ и сестеръ.

Относительно исторіи моей партизанской войны, скажу вамъ только, что многіе военные писатели, согласно волѣ государя, изъявляли желаніе писать исторію моей партизанской войны въ 1812, 1813 и 1814 годахъ; но я не могъ удовлетворить ихъ желаніямъ. Въ томъ числѣ находились и Данилевскій, и графъ Медемъ; еще недавно просилъ меня о томъ же Ратчъ, предпринимающій писать исторію гвардейской артиллеріи. Я не могъ удовлетворить ихъ желаніямъ вотъ почему: когда я находился въ Лондонѣ, бывшій мой адъютантъ, впослѣдствіи генералъ, прислалъ мнѣ туда всѣ бумаги, которыя онъ привелъ въ порядокъ, служащія матеріалами къ исторіи моей партизанской войны, которую я предпринималъ писать на водахъ въ Батѣ. Бумаги эти были запечатаны въ огромный конвертъ, вмѣсто того, чтобъ ихъ связать просто, не запечатывая. Не дождавшись этихъ бу-

магъ и находившись въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, я сѣлъ на корабль и прибылъ въ Россію. Въ отсутствіи моемъ бумаги были получены генеральнымъ консульствомъ, отъ котораго потребовали 15-ть фунт. стерлинговъ (90 руб. сер.). Находясь всегда безъ денегъ, я не могъ выкупить этихъ важныхъ бумагъ, служащихъ матеріалами не только къ партизанской, но и вообще къ войнѣ 1812, 1813 и 1814 годовъ. Изъ этихъ бумагъ узнаютъ виновника движенія всѣхъ европейскихъ войскъ на Парижъ и голода до полутора милліона жителей и войскъ, тамъ находившихся. Стоитъ только Синявину написать въ Лондонъ, къ нашему посланнику, о присылкѣ этихъ бумагъ, для врученія мнѣ. Тогда я изберу одного изъ военныхъ писателей: графа Медема, Милютина (Д. А.), барона Зедделера, Богдановича, Висковатова, Вуича и другихъ, лишь бы онъ не страшился задѣть кого, находящагося еще на сценѣ.

Историкъ долженъ быть служителемъ истины.

При этомъ я долженъ упредить, что все то, что найдется въ „Отечественныхъ Записках“ или „Библіотекѣ для Чтенія“ о партизанской войнѣ или обо мнѣ лично, произведено будетъ не мною, а Бискупскимъ, бывшимъ офицеромъ въ моемъ отрядѣ въ 1812 г., который, какъ мнѣ извѣстно, предпринимаетъ издавать записки о партизанской войнѣ и обо мнѣ. Онъ требовалъ моего содѣйствія, но я не отвѣчалъ ему по вышеизложеннымъ причинамъ.

Графъ Шереметевъ, послѣ войны, въ честь мнѣ далъ раскошный обѣдъ. Предо мною была картина во весь ростъ, изображающая меня на деревѣ въ минуту открытія движенія на Калугу арміи Наполеона. Я хочу приказать вылить фигуру съ этой картины на заводѣ его императорскаго высочества герцога Лейхтенбергскаго, у Калинкина моста, или заказать барону Клодту-фонъ-Юргенсбургу, если онъ возьмется сдѣлать мнѣ эту честь, конечно, не безъ вознагражденія. Говорятъ, у многихъ есть копія съ этой картины; покойный Павлинка мнѣ (объ этомъ) сказывалъ.

Кстати о Павлинкѣ: не угодно-ли будетъ вамъ описать всѣ обстоятельства, предшествовавшія его смерти? Я не хотѣлъ растравлять раны добраго нашего брата Николая Никитича этими не скромными вопросами. Какъ приняли это государь, наслѣдникъ, Михаилъ Павловичъ и другіе?

Гусарскіе полки вступаютъ къ намъ во Ржевъ 27-го августа Говорятъ, что Константинъ Николаевичъ, шефъ одного полка, встрѣтитъ свой полкъ въ городѣ, правда-ли?

Безбѣдное мое состояніе сдѣлали Богъ, отечество и представитель его, въ бозѣ почивающій Александръ Благословенный

Предоставляю вамъ устроить, буде пожелаете, особу, о которой я слышалъ, но говорить не хочу болѣе: я отрекся отъ нея. Въ продолженіи 23-хъ лѣтъ вы не находили меня достойнымъ вашего вниманія, не написавъ и строки; вздумали теперь начать переписку объ особѣ, которая, изгнанная изъ отцовскаго дома ....., бѣжала изъ монастыря, гдѣ я ей купилъ келію, далъ пріютъ и содержаніе, въ которомъ она, однако же, не признается, хотя засвидѣтельствуютъ игуменья, если жива, или книги; скиталась по столицамъ, просила милостыню, разсказывая, что я отнялъ у нее имѣніе, ... которую, чтобъ приковать къ одному мѣсту, къ дому — необходима нужда, въ противномъ случаѣ при маломъ пособіи, при деньгахъ она опять бѣжитъ и примется за прежнее. Игуменья писала ко мнѣ, что нѣтъ возможности удержать ее въ монастырѣ, ... чтобъ удержать ее въ кельи, просила деньги не давать ей въ руки, не присылать ей иначе, какъ на имя игуменьи. Вы писали, что не было возможности удерживать ее отъ скитанія по Петербургу; нѣтъ, есть средство—это нужда, которая отниметъ у нее и помышленіе..... Пропитаніе она имѣетъ, 200 руб. пенсіи и отъ рукодѣлія. Если я коснусь ее словомъ или дѣломъ — помощью, она воспрянетъ, потребуетъ услуги, столъ, экипажъ для выѣздовъ и проч., и проч., и проч. Если бы я не дѣлалъ ей помощи въ монастырѣ, она оставалась бы тамъ; но ваше приглашеніе въ Петербургъ необразованныхъ дѣвокъ, въ числѣ коихъ была и она, погубило ее. Въ своемъ кругу, въ провинціи, оставаться приличнѣе было бы для нихъ. Надо было щадить Марію Николаевну***, если вы не хотѣли щадить Николая и меня.

Полно о дрязгахъ семейныхъ! Еще одно слово:

Въ 1816 году, на свадьбѣ Анны Павловны, за ужиномъ, императрица Елисавета, обхаживая и угощая гостей, подошедши ко мнѣ сзади и пожавъ мнѣ плечи, сказала потихоньку:

— „Узнавъ о смерти вашего батюшки, государь жалованье его обратилъ въ пенсію всѣхъ вашихъ сестеръ, за заслуги, которыхъ Россія не можетъ еще оцѣнить“.

Послѣ ужина десятки толпились около меня, любопытствуя узнать, о чемъ такъ милостиво, безпримѣрно говорила мнѣ императрица.

Сестры не признательны.

Для отысканія воспитательницы я хотѣлъ воспользоваться поѣздкою моею въ Москву для освященія храма Спасителя. Но какъ это освященіе будетъ не скоро, по словамъ вашимъ, то буду стараться пріобрѣсть таковую по письменнымъ одобреніямъ достойныхъ людей въ Москвѣ.

Изъ Тверскихъ же жителей, особенно тѣхъ, которые присвоили

чужую собственность ..... и не имѣютъ по сему моего довѣрія, просить никого не стану.

О гражданскихъ добродѣтеляхъ моихъ могъ бы судить тотъ, который могъ бы жить со мною; тѣ же клеветники, которые осмѣлились набросить тѣнь на мою честь и которымъ слабоумные могли повѣрить,—погибли или, лишенные нѣкоторыхъ правъ, приведены въ невозможность клеветать.

Я увѣренъ, что вы знаете наизусть Массиліона, Боссюета и Фенелона, (и трактаты) о воспитаніи Руссо и Песталоци. Повѣдайте же эту мораль, которую вы пріобрѣли чтеніемъ, вашему сыну, который, надѣлавъ вамъ столько огорченій, разстроилъ вашу душу, ваше здоровье и содѣлалъ мизантропомъ. Что же касается до меня, то братъ Николай одинъ,—съ которымъ я вмѣстѣ росъ, воспитывался, жилъ и служилъ долго,—можетъ мнѣ, по истинной дружбѣ своей, дѣлать замѣчанія и я приму; съ вами же я видѣлся въ жизни моей, можетъ быть, разъ пятнадцать, можетъ быть по болѣе.

Вы повторяете весьма часто о родствѣ. Скажу вамъ, что дружба подкрѣпляется родствомъ, которое безъ дружбы просто ничто.

Сейчасъ входитъ ко мнѣ посторонній мужикъ и громко говоритъ: „У тебя, Александръ Никитичъ, мои лошади въ клевѣ, прикажи отдать“. Я ни мало не огорчился тому, что онъ назвалъ меня ты; всякій, также какъ и я, имѣетъ свободу не слѣдовать обычаямъ свѣта и называть отъ сердца ты или вы. Что же касается до меня, то я отвыкъ отъ васъ, не знаю, какъ судить объ васъ. Послѣ 23-хъ лѣтняго молчанія, вы открыли со мною переписку, и то тогда только, когда на родственномъ конгрессѣ въ Твери постановлено было навязать мнѣ на шею ..... женщину, незаслуживающую призрѣнія ..... людей, а такихъ, которые сами, получивъ отъ меня 34 тыс. руб., въ томъ числѣ наличными деньгами за 20 т., могли бы дать убѣжище своей сестрѣ,—побуждая меня къ помощи, затрогивая за честь, говоря о гражданскихъ добродѣтеляхъ, о пятнахъ,—и все это для того, чтобъ вырвать, такъ сказать, денегъ для незаслуживающей помощи женщины, не спросивъ, какъ водится въ свѣтѣ, о моемъ здоровьѣ; словомъ, я отвыкъ отъ васъ, а потому, пользуясь тою же свободою, какъ и вы, слѣдую обычаямъ и называю васъ отъ сердца вы, а не ты.

Хоронятъ въ Невскомъ монастырѣ и въ церкви, лишь бы уплатить положенную сумму денегъ. Князь Багратіонъ похороненъ подъ колонною въ Бородинѣ; я не знаю, почему бы и мнѣ не быть похороненнымъ во храмѣ Спасителя или подъ колонною въ Маломъ-Ярославцѣ? Но, конечно, на это должна быть воля государя и благорасположеніе соотечественниковъ, жителей Москвы.

Государь желалъ, чтобы Данилевскій или Медемъ написали исторію партизанской войны, предпочтительно 1812 г. Слѣдовательно, издержки будутъ приняты на себя государемъ. Да дѣло въ томъ, чтобы написать истину, по неволѣ задѣнешь кого-нибудь.

P.S. Я лѣнивъ писать, а вы все-таки пишите, если имѣете охоту. Если государь не продолжитъ аренду—срокъ еще черезъ три года—я продаю послѣ купленныя имѣнія для уплаты неоплатныхъ долговъ и уѣзжаю.... Богъ съ вами!

Сообщ. г. Панафидинъ.

Таинственное число.

(Надпись на фронтонѣ Инженернаго зáмка).

Михайловскій инженерный зáмокъ въ Петербургѣ, построенный императоромъ Павломъ I, замѣчательный оригинальностью архитектуры, достоинъ еще вниманія по надписи на главномъ фронтонѣ, избранной самимъ Павломъ Петровичемъ:

«Дому Твоему подобаетъ святыня Господня въ долготу дней».

Не многимъ извѣстно, что въ ней скрывается таинственный пророческій смыслъ: число буквъ этой надписи (47) равняется числу лѣтъ, прожитыхъ императоромъ Павломъ. Онъ родился 19-го сентября 1754 г., скончался 12-го марта 1801 года.

И. И. Сосницкій и его поклонники.

1.

Любезный Иванъ Ивановичъ! За что такая немилость? Показались и исчезли! Заверните при свободномъ времени, дайте мнѣ случай лично возблагодарить васъ за удовольствіе, которое вы мнѣ доставили вчерашній день. Вашъ талантъ таковъ, какого я нигдѣ не видалъ, кромѣ Парижа, да и тамъ вы были бы изъ первыхъ актеровъ. Право, я отъ восторга внѣ себя!

Покорнѣйшій слуга Денисъ Давыдовъ.

Четвергъ.

Помѣта Сосницкаго: 1823 года, іюля 15-го въ Москвѣ на Пашковомъ театрѣ играно «Ты и Вы», «Вольтерово посланіе или 60 лѣтъ антракта».

2.

Знаменитый нашъ артистъ-товарищъ, любезный кумъ и добрая душа! поздравляю васъ съ ангеломъ и желаю вамъ благополучія и здоровья, здоровья и еще здоровья. Жена моя также вамъ присѣдаетъ! Преданный вамъ душой Николай Дюръ.

24-го февраля 1839 г.

Примѣчаніе. Эти записочки сообщены намъ Ив. Ив. Сосницкимъ не задолго до его кончины († 24 декабря 1872 г.) Ред.

Къ вопросу о происхожденіи русскаго народа.

Замѣтка о новомъ возражателѣ.

Скучно постоянно указывать своимъ противникамъ на ихъ не научные и даже не литературные пріемы, на недостатокъ логики, вниманія и добросовѣстности. Въ сущности приходится вести борьбу не противъ существенныхъ основъ норманской теоріи, а противъ того способа полемики, къ которому прибѣгаютъ защитники этой теоріи. Но въ ожиданіи, пока норманизмъ выставитъ болѣе логичныхъ и добросовѣстныхъ противниковъ, а также въ интересахъ объявленной ему безпощадной войны, не оставляемъ безъ вниманія и тѣхъ возражателей, которые намъ представляются. (Воображаю, какъ при словѣ ожиданіе покоробитъ нѣкоторыхъ представителей русской прессы, которые уже приходятъ въ нетерпѣніе отъ нашей полемики: ибо стоитъ-ли терять время на такое пустое дѣло, какъ вопросъ о происхожденіи русской націи!). Противники, прибѣгающіе къ разнымъ уловкамъ, вмѣсто того, чтобы прямо, систематически разбирать мои наиболѣе существенные доводы и выводы, уже тѣмъ самымъ сильно подтверждаютъ несостоятельность ихъ теоріи. Обычныя свойства ихъ возраженій слѣдующія: не только искаженіе и преувеличеніе моихъ мнѣній, но даже приписываніе такихъ, которыхъ я совсѣмъ не высказывалъ; нежеланье или неумѣнье различать существенное отъ несущественнаго,—того, о чемъ я говорю болѣе положительнымъ тономъ, отъ разныхъ предположеній и соображеній, имѣющихъ для моей задачи второстепенное значеніе; повтореніе такихъ возраженій, отвѣтъ на которыя уже заключается въ моихъ статьяхъ; вращеніе въ сферѣ общихъ фразъ, запутанность мыслей и необыкновенное голословіе мнѣній, разглагольствія о предметахъ, совсѣмъ неидущихъ къ данному вопросу, и тонъ возраженій такой, какъ-будто дѣло идетъ не о научномъ интересѣ, а о личномъ оскорбленіи.

Всѣ означенныя качества замѣчательнымъ образомъ съумѣлъ соединить въ одной небольшой статьѣ мой новый возражатель, г. Ламбинъ („Журн. М. Н. Пр.“ 1873, іюль). А между тѣмъ статья не безъ ученой внѣшности: есть цитаты изъ источниковъ,—и даже цитаты латинскія; есть соображенія, повидимому, глубокомысленныя; наконецъ есть нѣкоторыя открытія въ области русской исторіи; да и самое появленіе въ ученомъ журналѣ, изобилующемъ дѣльными статьями, можетъ усилить недоумѣніе читателя, некомпетентнаго въ данномъ вопросѣ.

Г. Ламбинъ начинаетъ съ того, что приписываетъ мнѣ слѣдующую сентенцію: „теперь пора уже вычеркнуть первые два вѣка изъ нашей лѣтописи“. Итакъ, доказывать баснословіе нѣкоторыхъ сказаній, помѣщенныхъ въ началѣ лѣтописи (явленіе столь обычное лѣтописямъ всѣхъ народовъ) — это на языкѣ подобныхъ возражателей — значитъ вычеркнуть первые два вѣка. Изъ моихъ словъ: „Записки о событіяхъ начались на Руси не ранѣе второй половины XI вѣка“ — будто явствуетъ, что не ранѣе этого времени „досужіе книжники начали фантазировать о началѣ Руси и о дѣлахъ первыхъ князей русскихъ, то есть, сочинять изъ своей головы русскую исторію безъ всякихъ источниковъ“. По нашему же крайнему разумѣнію, изъ всего, что говорится тутъ возражателемъ объ источникахъ, сказаніяхъ и лѣтописяхъ, явствуетъ великая путаница и темнота въ его понятіяхъ. Подъ словами записки о событіяхъ (т. е. лѣтописцы) онъ разумѣетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ всѣ письменные источники, а записки о событіяхъ современныхъ смѣшиваетъ со сказаніями о временахъ, давно прошедшихъ. Если повѣрить г. Ламбину, то извѣстные княжескіе договоры я также отношу не къ письменнымъ источникамъ, а къ области разныхъ вымысловъ. Что онъ, дѣйствительно, взводитъ на меня такое ужасное обвиненіе, вотъ тому несомнѣнное доказательство. Сказаніе о походѣ Олега подъ Царьградъ я считаю баснословнымъ. Въ лѣтописномъ сводѣ посреди этого сказанія вставленъ отрывокъ изъ предварительнаго договора съ греками, т. е. того, который предшествовалъ договору 912 года. Эта вставка такъ очевидна, что указывать на нее можно развѣ только въ школѣ, при чтеніи лѣтописи съ учениками, а не въ ученой полемикѣ. При томъ въ моихъ разсужденіяхъ встрѣчались прямыя ссылки на этотъ предшествующій договоръ, именно по поводу города Переяславля и поклоненія Русовъ Перуну и Волосу. Но что же оказывается? „Этого перваго письменнаго договора Олега съ греками г. Иловайскій не признаетъ, считаетъ его за сказку, за измышленіе книжника“. Недавно фельетонистъ одного сатирическаго листка, сѣтующій на продолжительность спора о варягахъ, смѣшалъ мое мнѣніе съ прежнимъ мнѣніемъ г. Костомарова о литовскомъ происхожденіи. Но фельетонисту это простительно: онъ не вступаетъ въ ученую полемику и не имѣетъ претензіи на спеціальныя занятія Русскою исторіей.

Какіе именно доводы предлагаетъ г. Ламбинъ противъ моего мнѣнія о баснословности Олегова похода на Царьградъ, признаюсь, по безсвязности его изложенія, понять довольно трудно. Мы указывали на легендарный характеръ самаго сказанія и на то, что византійцы ничего не говорятъ объ этомъ походѣ, тогда какъ они ясно повѣствуютъ

о походахъ предшествующемъ и послѣдующемъ (т. е. о нападеніи 865 г. и нападеніи Игоря). Эти наши основанія остаются неопровергнутыми. Г. Ламбинъ, повидимому, существованіе похода выводитъ изъ существованія договора. Но и на это мы уже замѣчали, что торговые договоры съ греками были обычнымъ явленіемъ, и они совсѣмъ не обусловливались непремѣннымъ нападеніемъ на Царьградъ. У насъ есть договоръ или, вѣрнѣе, отрывокъ изъ договора Святославова; однако, Святославъ на самый Царьградъ не нападалъ.

Лѣтописное повѣствованіе объ Олеговомъ походѣ г. Ламбинъ дѣлитъ на два сказанія; съ этими двумя сказаніями, по его мнѣнію, лѣтописецъ „распорядился весьма просто, безъ всякой хитрости": онъ разрѣзалъ каждое на три сегмента, „и потомъ, наладивъ эти шесть сегментовъ, согласно съ ихъ содержаніемъ, въ перемежку сшилъ вмѣстѣ". Затѣмъ г. Ламбинъ дѣлаетъ попытку распороть швы и возстановить сегменты. Прекрасно, пусть желающіе упражняются въ распарываніи швовъ и розыскиваніи сегментовъ, которые перепуталъ безхитростный лѣтописецъ,—мы не мѣшаемъ этому занятію; но сказаніе все-таки останется легендой, т. е. фактомъ литературнымъ, а не историческимъ, на что мы главнымъ образомъ и указывали. А затѣмъ каждый литературный фактъ также имѣетъ свою исторію. Мы предложили съ своей стороны нѣсколько соображеній объ источникахъ этой легенды; указали на упоминаніе въ ней св. Димитрія, мѣстно-чтимаго въ Солунѣ („Рус. Арх." 1873, № 4); указали и на слѣды разныхъ редакцій („Русс. Вѣст." 1872, № 12). Для болѣе удовлетворительныхъ разъясненій этого литературнаго факта поле остается открытымъ.

Олеговъ договоръ, какъ извѣстно, не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на походъ подъ Царьградъ. Но г. Ламбинъ открылъ въ немъ прямое указаніе. Какое бы вы думали? Да очень простое: тамъ встрѣчается фраза о свѣтлыхъ и великихъ князьяхъ и боярахъ, „иже суть подъ рукою" Олега. Эпитеты великихъ и свѣтлыхъ, свидѣтельствующіе „о гордости побѣдителя" и составляютъ „еще доказательство, что походъ Олега не сказка". И это говорится не шутя. Далѣе, на основаніи того же упоминанія о свѣтлыхъ князьяхъ, подручныхъ Олегу, слѣдуютъ глубокія соображенія о существовавшей на Руси феодальной системѣ, и не иначе, какъ въ той самой формѣ, въ которой она была введена въ Европѣ германскими народами,—и вотъ опять сильное доказательство въ пользу норманизма! Развѣ г. Ламбину неизвѣстно, что вассальныя или подручныя отношенія встрѣчаются подъ формами весьма разнообразными, и при томъ въ исторіи всѣхъ странъ и народовъ? Подручныя отношенія, конечно, были не-

избѣжною ступенью къ объединенію всѣхъ руссовъ подъ властью одного княжескаго рода. Гдѣ же тутъ признаки германо-романскаго феодализма?

Надобно отдать справедливость г. Ламбину: Олеговъ договоръ служитъ для него неистощимымъ источникомъ открытій. Оказывается еще, что для упомянутыхъ свѣтлыхъ князей „конечно, а не для жителей городовъ, Олегъ вытребовалъ отъ грековъ уклады, то есть, дань ежегодную, постоянную". Въ договорѣ говорится объ укладахъ на русскіе города—Кіевъ, Черниговъ, Переяславль и проч. Тутъ же далѣе и объясняется, въ чемъ состояли эти уклады: Русь, приходящая въ Царьградъ (вѣроятно съ посольствомъ), получаетъ хлѣбнаго продовольствія, сколько хочетъ; а русскіе гости или купцы въ теченіе полугода (лѣтней навигаціи) получаютъ мѣсячину, т. е. опредѣленное количество хлѣба, вина, мяса, рыбы и овощей; кромѣ того, сколько угодно могутъ мыться даромъ въ царьградскихъ баняхъ; а на обратный путь въ Россію получаютъ отъ царя съѣстные припасы и корабельныхъ снастей, сколько нужно. Въ Игоревомъ договорѣ опять упоминается объ этомъ условіи и повторяется тотъ же чередъ по городамъ, который соблюдался при раздачѣ припасовъ русскимъ гостямъ: первые получали кіевляне, вторые—черниговцы, потомъ—переяславцы. И эти-то любопытныя черты нашихъ древнихъ торговыхъ сношеній съ Византіей г. Ламбинъ обратилъ въ ежегодную дань! (При такомъ-то умѣньѣ толковать текстъ, онъ поправляетъ нашу ссылку по поводу національности Олега на извѣстное выраженіе договора: мы отъ рода русскаго; какъ-будто договоръ не былъ заключенъ отъ имени князя и какъ-будто князь и его бояре не были одной національности) [1].

Что касается до пресловутой легенды о призваніи князей, то я будто бы считаю сочинителемъ ея какого-то „досужаго новогородца XIII вѣка". Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ г. Ламбинъ. Затрудняюсь предположить въ этомъ случаѣ умышленное искаженіе; скорѣе отношу его все къ тому же рѣдкому искусству толкованія, котораго образчикъ мы только сейчасъ представили.—Я говорилъ, что легенда

---

[1]) Кстати о поправкахъ. Изъ числа примѣровъ, указывающихъ на болѣе позднюю редакцію лѣтописи, прошу исключить извѣстіе о землетрясеніи въ Сиріи («Рус. Вѣст.» 1872, ноябр., стр. 131, примѣчаніе), такъ какъ это извѣстіе взято изъ Амартола. Настоящая поправка не измѣняетъ сущности дѣла, и относится къ той части разсужденія, въ которой я не высказываю окончательныхъ выводовъ; тѣмъ не менѣе, я весьма благодаренъ К. Н. Бестужеву-Рюмину за указаніе на этотъ недосмотръ, котораго не усмотрѣлъ ни одинъ изъ моихъ печатныхъ возражателей. Д. И.

о Рюрикѣ съ двумя братьями есть, по всей вѣроятности, новогородскаго происхожденія, въ противоположность легендѣ о Кіѣ тоже съ двумя братьями, которая, очевидно, кіевскаго происхожденія и болѣе древняго, чѣмъ новгородская легенда. Я говорилъ, что басня о варягахъ въ томъ видѣ, въ которомъ она дошла до насъ (т. е. смѣшеніе Руси съ варягами) принадлежитъ лѣтописной редакціи XIII вѣка, или не ранѣе второй половины XII, и представилъ на то свои доводы („Русс. Вѣст." 1872, ноябрь и декабрь). Но все, что я писалъ о лѣтописныхъ редакціяхъ, т. е. о томъ, что корень вопроса заключается въ позднѣйшемъ смѣшеніи Руси съ варягами, — все это пропало даромъ для такихъ возражателей, какъ г. Ламбинъ [1]).

Вопросъ о лѣтописныхъ редакціяхъ и порчѣ первоначальнаго текста „Повѣсти временныхъ лѣтъ", очевидно, не совсѣмъ доступенъ пониманію г. Ламбина. На этотъ счетъ онъ изобрѣлъ свою собственную теорію. По его мнѣнію, какой-то „книжникъ, собиратель народныхъ разсказовъ о минувшемъ, составилъ, по всей вѣроятности около половины XI вѣка, первую легендарную лѣтопись"; а потомъ уже сочинена настоящая лѣтопись или „Повѣсть временныхъ лѣтъ", въ которую взяты легенды изъ легендарной лѣтописи. На чемъ основана эта вновь изобрѣтенная теорія? Да все на томъ же Олеговомъ договорѣ, который, какъ мы сказали, служитъ г. Ламбину неистощимымъ источникомъ открытій. Предполагаемый имъ авторъ легендарной лѣтописи „вовсе не зналъ письменныхъ договоровъ и даже не подозрѣвалъ ихъ существованія", а доказательство его незнанія очевидно: если бы онъ зналъ объ Олеговомъ договорѣ, который былъ подписанъ въ сентябрѣ 912 года, то не могъ бы отнести смерть Олега отъ ужаленія змѣи къ осени того же года, „когда змѣи нигдѣ уже не появляются". Стало быть, воображаемый авторъ легендарной лѣтописи былъ замѣчательный естествовѣдъ и необыкновенно логиченъ; тогда какъ сочинитель „Повѣсти временныхъ лѣтъ" умѣлъ только безъ хитрости разрѣзать сказанія на сегменты и сшивать ихъ въ перемежку. Наконецъ, не знаешь, чему отдать предпочтеніе: отсутствію

---

[1]) Не лишены особаго рода остроумія и доводы г. Ламбина противъ легендарнаго числа трехъ братьевъ. Это число встрѣчается-де и въ исторіи; такъ, между прочимъ, у Владиміра было двѣнадцать сыновей, но въ дѣйствительности «являются только три брата» (даже Борисъ и Глѣбъ нейдутъ въ счетъ); у Ярослава было пять сыновей, но изъ нихъ двое какъ-то пропадаютъ, и число пять обращается въ три. «Да кажется и въ статистикѣ отецъ, мать и трое дѣтей, или три сына, считаются за нормальную семью». Признаемся, трудно устоять противъ столь убѣдительныхъ историко-статистическихъ доводовъ! Д. И.

хитрости у нашего стариннаго книжника, или остроумному анализу его новѣйшаго толкователя?

Самое важное и самое удачное открытіе г. Ламбина заключается въ самомъ концѣ его статьи. Рѣчь идетъ объ извѣстномъ отрывкѣ изъ письма какого-то херсонскаго начальника; отрывокъ этотъ былъ изданъ Газе и по нѣкоторымъ признакамъ принадлежитъ X столѣтію. Здѣсь говорится о войнѣ грековъ съ какими-то варварами, князь которыхъ владѣетъ землями къ сѣверу отъ Дуная. Доселѣ въ этомъ князѣ предполагали или Владиміра св., или Святослава. Г. Ламбинъ, во-первыхъ, узналъ въ немъ Олега,—хотя именно въ Олеговомъ договорѣ (источникѣ его открытій) о Корсунской странѣ не упоминается, а начинается о ней упоминаніе только съ Игорева договора. Во-вторыхъ, и это главное, онъ усмотрѣлъ здѣсь несомнѣнное и положительное указаніе на призваніе къ намъ варяжскихъ князей. Вотъ это сказаніе: „исчезла ихъ прежняя справедливость, наблюдая которую они стяжали великіе трофеи, такъ что къ нимъ добровольно присоединялись города и народы (civitates et gentes)". Открытіе свое г. Ламбинъ сопровождаетъ слѣдующими словами: „Это заявленіе, конечно, должно изумить г. Иловайскаго, твердо убѣжденнаго въ томъ, что о прибытіи къ намъ князей и Руси изъ за-моря, отъ варяговъ, нигдѣ, кромѣ нашей лѣтописи, не сохранилось никакихъ воспоминаній, и что о дѣлахъ Олега молчатъ всѣ иноземные источники". Дѣйствительно, нельзя не изумиться. Но прежде всего изъ словъ г. Ламбина не въ правѣ-ли читатель заключить, что этотъ отрывокъ есть для меня совершенная новость, и что я даже не подозрѣвалъ его существованія? А между тѣмъ, онъ приведенъ у меня въ числѣ доказательствъ исконнаго бытія Руси Азовско-Черноморской или Тмутраканской („Русс. Вѣст." 1871, декабрь). Что же касается до фразы о прежнемъ добровольномъ присоединеніи городовъ и народовъ къ варварамъ, князь которыхъ владѣетъ къ сѣверу отъ Дуная, то, кромѣ своего реторическаго характера, она можетъ просто намекать на объединеніе восточныхъ славянскихъ племенъ подъ властію Кіевской Руси. Объединеніе это совершалось, конечно, не одною только силою оружія, но и силою умной политики, которая союзами и подручными отношеніями помогала объединенію; особенно она пользовалась давленіемъ на славянскія племена со стороны другихъ народовъ; такъ Тмутраканская Русь, по всѣмъ признакамъ, освободилась отъ хазарскаго ига только помощію Кіевской Руси. Когда же какое либо подручное племя дѣлало попытку отложиться, то начиналъ свирѣпствовать мечъ, и племя покорялось окончательно. Въ отрывкѣ далѣе говорится именно о разореніи и порабощеніи варварами ихъ

собственныхъ соплеменниковъ, и очень можетъ быть, дѣло идетъ объ окончательномъ подчиненіи кіевскому князю Тмутраканской Руси, сдѣлавшей попытку къ отложенію, притомъ не безъ интригъ со стороны греческой политики. (Существованіе этихъ интригъ въ томъ краю подтверждаютъ и другіе примѣры) [1]). Вообще этотъ темный отрывокъ даетъ обширное поле для разныхъ предположеній. Только призванія варяжскихъ князей изъ Скандинавіи въ Новгородъ отсюда никоимъ образомъ не выходитъ, хотя г. Ламбинъ и увѣряетъ, что упомянутыя civitates et gentes „могутъ быть только наши сѣверныя племена Чюдь, Словѣне, Кривичи и Весь, отправившія посольство за море къ варягамъ къ Руси". Это еще болѣе вопіющее толкованіе, чѣмъ то, по которому уклады о съѣстныхъ припасахъ обратились въ ежегодную дань.

Но довольно. Входя въ разборъ статьи г. Ламбина, я имѣлъ также въ виду оградить себя отъ лишней потери времени, на случай могущихъ и впредь появиться возраженій, относительно которыхъ можно повторить только поговорку: „охота смертная, а участь горькая".

Д. И. Иловайскій.

24-го іюля 1873 г.

Поправка: Въ «Русской Старинѣ» 1873 г., т. VIII, стр. 233, и на оберткѣ напечатано: Сообщ. Н. Рудыновскій.... читай: Сообщ. Н. Рудыковскій.

---

[1]) Въ отрывкѣ упоминается еще какой-то варварскій народъ, слегка зависимый отъ грековъ, который, однако, передался на сторону ихъ враговъ. Этотъ народъ принимаютъ за соплеменниковъ тѣхъ варваровъ, съ которыми происходитъ война. Не надобно, однако, упускать изъ виду, что въ текстѣ говорится только объ ихъ сосѣдствѣ и сходствѣ обычаевъ. На Таврическомъ полуостровѣ, кромѣ Тавроскиѳовъ или Руссовъ, встрѣчаются тогда и другія народности, напримѣръ, Готы и Печенѣги. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ мы прежде всего можемъ предположить Тавроскиѳовъ. Д. И.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Въ конторѣ редакціи и въ книжномъ магазинѣ **Базунова** въ Спб., и въ магазинѣ **Соловьева** въ Москвѣ, можно получить всѣ 12-ть книгъ, съ приложеніями, изданія:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1872-й г.

(*Осталось немного экземпляровъ*).

Въ «Русской Старинѣ» 1872 г., между прочимъ, напечатаны: Записки гр. **Чернышева**, сподвижника Петра Великаго.—Воспоминанія академика **Витберга**, съ его словъ записанныя въ Вяткѣ **А. И. Герценомъ** (**Искандеромъ**) въ 1836 г.—Записки поч. лейбъ-хирурга **Тарасова**.—Записки партизана **Дениса Давыдова**.—Собственноручныя шуточныя произведенія Петра Великаго о князь-папѣ и «всепьянѣйшемъ соборѣ» (Петръ I — какъ юмористъ). — Секретныя депеши прусскаго посла объ обидахъ, нанесенныхъ ему царемъ Петромъ и кн. Меншиковымъ, и др. матеріалы о Петрѣ Великомъ и его времени. — Письма и мнѣнія кн. **М. М. Щербатова**, кн. **Суворова**, кн. **Голенищева-Кутузова-Смоленскаго**, гр. **Мордвинова**, гр. **Сперанскаго**, **Ермолова** и друг. — Секретныя донесенія **Дибича** и **Паскевича** о Ермоловѣ 1826—1827 гг. — Письмо Ермолова къ Устрялову. — Письмо **Н. Н. Муравьева** (**Карскаго**) къ Ермолову 1855 г., съ отвѣтомъ на него кн. **Святополкъ-Мірскаго**. — Письмо фельдмаршала кн. **И. Ѳ. Паскевича** къ кн. **М. Д. Горчакову** о защитѣ и паденіи Севастополя (1855 г.).—Воспоминанія **Т. П. Пассекъ** 1810—1826 гг.—Дѣло о жестокостяхъ помѣщика **Измайлова** 1825 г.—Историческіе разсказы и анекдоты, записанные со словъ именитыхъ людей **П. Ѳ. Карабановымъ** и др. лицами.—Думы, посланія, сатира на Аракчеева и пророческая ода «Видѣніе» **Рылѣева**.—Воспоминанія о Гоголѣ—**Берга**, о Грибоѣдовѣ—**Каратыгина**,—объ Аракчеевѣ — доктора **Европеуса**. — Смерть **Грибоѣдова** — изслѣдованіе по подлиннымъ, неизданнымъ документамъ **А. П. Берже**.—Неизд. стихотворенія **Лермонтова**. — «Насильный бракъ» баллада гр. **Ростопчиной**.— Басни и сказки **Хемницера** (по подлинной его рукописи).— Письма **Дубельта**.—«Маіоръ» шутка-поэма **Ѳедотова**.—«Солдатская сказка про царей россійскаго и нѣмецкаго» **Чернышева**.—Мнѣніе по дѣлу **Петрашевскаго** 1849 г. Письма и программы оперы «Русланъ и Людмила»—**М. И. Глинки**, и проч.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1872 г., третій годъ, имѣетъ приложенія: «Записки» **А. Т. Болотова** (т. III-й). Портреты: академика **Витберга**.—Пѣвца былинъ **Рябинина**. – Фрески на лѣстницѣ Кіево-Софійскаго собора XI вѣка.—Рисунки: Храмъ Спасителя въ Москвѣ—по проекту Витберга.—Домъ, въ которомъ скончался кн. Кутузовъ-Смоленскій въ Бунцлау и памятникъ ему тамъ же. — Снимокъ съ письма кн. Кутузова о Бородинской битвѣ 1812 г.—Рисунокъ казни Пугачева и нѣсколько рисунковъ въ Запискахъ **Болотова**.

Гг. Иногородныхъ просятъ исключительно обращаться въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“: въ С.-Петербургѣ, Литейной части, въ д. Трута, кв. № 12.

Цѣна „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1872 года съ пересылкой

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Въ редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

продаются слѣдующія ея изданія:

I. **Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей 1801—1825 гг.** (Письма, стихотворенія, замѣтки и подписи).

Роскошное изд. ред. «Русской Старины» и Ѳ. К. Опочинина. Спб. 1873 г. Въ листъ; 152 стр.; заглавный листъ—рисунокъ Академика В. А. Гартмана, предисловіе, оглавленіе, 108 фотолитографическихъ снимковъ съ автографовъ; приложенія, въ которыхъ напечатаны (бо́льшею частію впервые) подлинники снимковъ какъ-то: письма, стихотворенія и замѣтки русскихъ историческихъ дѣятелей; въ концѣ книги помѣщенъ алфавитный указатель.

Цѣна книги **5 р.**, въ красивой папкѣ **5 р. 50 к.**; пересылка за 4 ф.

II. **Русская Родословная книга.** Изд. «Русской Старины». Спб. 1873, въ 8 д., 400 стр. **Цѣна 3 р.**, пересылка за 2 фунта.

Въ этотъ томъ вошло значительное собраніе родословій русскихъ титулованныхъ и не титулованныхъ дворянскихъ фамилій, преимущественно такихъ, многіе представители которыхъ ознаменовали себя, въ разныя эпохи русской исторіи, заслугами на поприщахъ государственномъ, общественномъ, ученомъ или литературномъ. Изданныя нынѣ родословія существенно необходимы при всевозможныхъ справкахъ, и составленные, по преимуществу, по подлиннымъ, достовѣрнымъ источникамъ, либо вовсе не были до сихъ поръ напечатаны, либо хотя и были изданы, но въ весьма не полномъ видѣ.

III. **Записки кн. Якова Петровича Шаховскаго.** полиціймейстера—при Биронѣ, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, генералъ-кригсъ-коммисара, затѣмъ генералъ-прокурора и конференцъ-министра въ царствованіе Елисаветы, и сенатора при Екатеринѣ II. 1705—1777 гг., Спб., въ 8-ю д., 325 стр. (въ приложеніяхъ помѣщены подлинныя бумаги кн. Шаховскаго изъ архивовъ: государственнаго и св.-синода.)

Цѣна 1 р. 50 коп. съ пересылкою.

IV. **Записки А. Т. Болотова.** 1738—1784 гг., три тома.

Цѣна, въ отд. изданіи, за каждый томъ **3 руб.**

V. **Записки Гавріила Ивановича Добрынина.** 1752—1823 гг., три части. Изданіе второе, значительно исправленное и вывѣренное по подлинной рукописи Добрынина. Спб., 1872 г., 380 стр.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

плянъ, Аравитянъ, народовъ Западной и Малой Азіи, Ассиріянъ и Вавилонянъ, Мидянъ и Персовъ, Евреевъ и Финикіянъ, Индусовъ.

Въ виду превосходнаго труда Германа Вейса, нельзя не пожелать искренно, чтобы наша Академія Художествъ поработала бы надъ составленіемъ «Россійскаго внѣшняго быта», благо что и образецъ есть. Матеріаловъ для такого труда есть достаточно, только-бы пожелали приняться за его обработку. Для примѣра укажемъ на собраніе матеріаловъ по западно-русской орнаментикѣ, составленное молодымъ художникомъ В. В. Грязновымъ.

Очеркъ внутренней исторіи Пскова. А. Никитскаго. Спб., 1873, м. 8°, X и 344 стр.

Трудъ г. Никитскаго состоитъ изъ введенія (взглядъ на родовой бытъ въ древней Руси) и пяти главъ: областной бытъ Новгорода; Псковъ и его устройство; состояніе церкви въ Псковѣ; торжество московскаго порядка; вліяніе Москвы на дѣла церкви. Въ введеніи авторъ разбираетъ теорію родоваго быта, его защитниковъ и противниковъ, и высказываетъ мысль, могущую быть, по его мнѣнію, «всепримиряющимъ началомъ», именно—«мысль о фиктивномъ или политическомъ родѣ,—мысль, говорящую, что съ одной стороны родъ не былъ явленіемъ естественнымъ, кровнымъ, а фиктивнымъ, съ другой же—община была не чисто политическою, т. е. мѣстною, а родовою». Говоря о времени первоначальнаго составленія Псковской Правды, авторъ не соглашается съ гг. Калачовымъ и Энгельманомъ, относящими это событіе къ половинѣ XIII вѣка, къ княженію Александра Невскаго; г. Никитскій полагаетъ, что Псковская Правда составлена во время Александра Михайловича Тверскаго, въ первой половинѣ XIV вѣка, въ періодъ отъ 1322 по 1348 годъ. Церковная сторона во внутренней исторіи Пскова особенно подробно разработана, что особенно важно въ виду того, что съ этой стороны у Пскова начались неудовольствія съ Новгородомъ, затѣмъ—знакомство съ Москвою, поведшее къ утратѣ самостоятельности.

Первыя славянскія монархіи на Сѣверо-западѣ. Соч. Ѳ. Успенскаго. Спб., 1872, 8°, VIII нен., 266 и IX стр. Ц. 1 р. 50 к.

Книга эта издана здѣшнимъ Славянскимъ благотворительнымъ комитетомъ и посвящена «памяти Александра Ѳедоровича Гильфердинга», который, для поощренія русскихъ молодыхъ людей къ занятію славянскою наукою, возбудилъ въ комитетѣ мысль объ учрежденіи преміи кирилловской. Для этого въ 1868 году была объявлена тема: «О трехъ первыхъ попыткахъ государственнаго объединенія Западныхъ Славянъ». Рукопись, представленная г. Успенскимъ, была одобрена и удостоена первой кирилловской преміи. Не смотря на сравнительно-малый (двухлѣтній, особенно — для студента) срокъ, г. Успенскій, подъ руководствомъ В. И. Ламанскаго, успѣлъ и прочесть, и сдѣлать много. Послѣ очень коротенькаго географико-этнографическаго очерка, авторъ переходитъ къ державѣ Само, подробно говоритъ о Великой Моравіи, объ объединеніи Западныхъ Славянъ подъ чешскими князьями, о Болеславѣ Храбромъ. Вообще—книга эта весьма полезная, пополняющая пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ.

Питомцамъ имп. Спб. Воспитательнаго дома. Въ воспоминаніе столѣтняго юбилея. Спб., 1873, м. 8°, 96 и 39 стр.

Въ началѣ книги помѣщена Высочайшая грамота Восп. Дому. Затѣмъ текстъ начинается двумя вполнѣ поэтическими примѣрами о необходимости состраданія не только къ покинутымъ людямъ, но и къ животнымъ; послѣ чего слѣдуетъ краткая, но хорошо изложенная, исторія воспитательныхъ домовъ за границей и у насъ. Въ концѣ помѣщены приложенія: о правахъ и обязанностяхъ питомцевъ Восп. Дома и ихъ воспитателей, о сельскихъ школахъ и учительской семинаріи и пр., а въ текстѣ—пять портретовъ (государя, государыни, Екатерины II, Бецкаго и Маріи Ѳеодоровны) и видъ Петербургскаго Восп. Дома, а на выходномъ листѣ и обложкѣ—памятникъ Бецкому. Книга вообще интересна, изданіе же ея изящно и вполнѣ полезно для многочисленныхъ питомцевъ Воспитательнаго дома, для которыхъ главнымъ образомъ и составлена эта книга.

Сборникъ рукописей, представленныхъ Е. И. В. Государю Наслѣднику Цесаревичу о Севастопольской оборонѣ севастопольцами. Т. III, Спб. 1873, въ 8-ю д. 446 стр. съ портретами. Цѣна 2 р. 50 коп.

Это уже третій выпускъ прекраснаго по мысли и цѣли изданія, встрѣченнаго всею грамотною Россіею съ величайшимъ сочувствіемъ. Въ настоящей книгѣ многочисленные читатели «Севастопольскаго сборника» найдутъ: 1) Воспоминанія о Севастополѣ Корженевскаго; 2) Выписки изъ писемъ покойнаго генерала отъ инфантеріи Константина Романовича Семякина, одного изъ мужественныхъ, исполненнаго высокой доблести и пламенной любви къ отечеству, защитниковъ Севастополя; письма Семякина отличаются простотою изложенія и искренностію; въ нихъ нѣтъ той кудрявости и тѣхъ звонкихъ фразъ, которыми грѣшатъ нѣкоторые изъ вкладчиковъ этого, весьма интереснаго сборника; 3) Воспоминаніе брянца изъ боевой жизни подъ Севастополемъ — Александа Гана, разсказъ также исполненный благородной скромности о себѣ и представляющій нѣсколько новыхъ фактовъ; 4) Дѣйствіе въ альминскомъ сраженіи Московскаго пѣхотнаго полка, любопытная статья Владиміра Бейтнера, и нѣк. друг.

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1873 г. четвертый годъ изданія.
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, **двѣнадцать книгъ, два большіе тома,** изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ **приложенія,** не менѣе 36 листовъ,— съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санктпетербургѣ и Москвѣ, **восемь рублей.**

Подписка принимается **для городскихъ подписчиковъ:** въ С.-Петербургѣ—въ **Главной конторѣ** «РУССКОЙ СТАРИНЫ» —въ книжномъ магазинѣ **Александра Ѳедоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30);** въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича **Соловьева,** на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ;— 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургъ, въ контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

За перемѣну адреса должно уплачивать: городского на иногородный—64 коп., а иногороднаго на городской—50 коп.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ **С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной ч., въ д. Трута, кв. № 12.**

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» будутъ, между прочимъ, напечатаны:

Записки (мемуары) и воспоминанія: М. А. Бестужева; Н. В. Веригина (1815—1826 гг.); С. Н. Глинки (1797—1830 гг.); И. И. Горбачевскаго (политич. общества, 1815—1826 гг.); атамана Денисова; полков. Замятнина и генер. Лишина (о польск. камп. 1831 г.); И. С. Жиркевича (1795—1835 гг.); путешествіе квакера въ Россію (1818 г.); дневникъ В. К. Кюхельбекера (часть первая: дневникъ узника, часть вторая: дневникъ ссыльнаго, 1831—1845 гг.); дневникъ цензора А. И. Красовскаго; Лагарпа (записки о воспит. вел. кн.); Н. Г. Левшина (1788 — 1804 гг.); С. И. Маевскаго (1824—1826 гг.: аракчеевщина); артистки импер. москов. театровъ Л. П. Никулиной-Косицкой; К. Ѳ. Опочинина (революція въ Варшавѣ 1830 г.); Т. П. Пассекъ (1829 — 1840 гг.); И. Н. Скобелева (1808 — 1815 гг); Сулокадзева (1825 г.); А. Н. Струговщикова (воспоминанія о средѣ, въ которой жилъ и трудился композиторъ М. И. Глинка (1837—1841 гг.); акад. жив. Ступина; В. И. Фелькнера (путешествіе въ Стокгольмъ, въ свитѣ императора Николая I); кн. Шаховскаго; А. Ѳ. Ушакова (о мятежѣ военныхъ поселянъ въ 1831 г.) и друг.

Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній: Н. И. Бахтина, декабр. Бестужевыхъ, М. Ѳ. Бороздина, Ѳ. В. Булгарина, акад. Витберга; свѣтл. кн. Волконскаго; Демидовыхъ (XVIII в.); кн. М. И. Голенищева-Кутузова Смоленскаго; Кюхельбекера; кн. Куракиныхъ; Ѳ. К. Опочинина; переписка гр. Паниныхъ (XVIII ст.); собр. матер. къ исторіи пугачевщины А. Г. Щупарева; кн. Г. А. Потемкина; быв. попеч. петерб. учебн. округа Д. П. Рунича; писателя С. Русова; бар. М. Н. Сердобина; гр. Стакельберга (XVIII в.); кн. Италійскаго гр. Суворова-Рымникскаго; М. М. Философова; А. С. Хвостова; А. С. Шишк[illegible]кн. М. М. Щербатова; собраніе секретно вскрытыхъ писемъ 1790 - 1794 гг. [illegible]роч.

Къ исторіи русск. литературы и искусствъ: переписка и матеріалы [illegible]біографій: К. Н. Батюшкова, Н. А. и А. А. Бестужевыхъ; В. Г. Бѣлинск[illegible]письмо къ родствен.); акад. жив. Венеціанова; Ф. Ф. Вигеля; А. И. Гер[illegible]М. И. Глинки; Т. Н. Грановскаго; А. С. Грибоѣдова; В. И. Даля; И. И. [illegible]ріева; В. Н. Каразина(письма и статьи); И. П. Кулибина; Кюхельбекера поэма «Вѣчный жидъ»; И. И. Лажечникова; Лунина; Нелединскаго-Мелецкаго; А. С. Пушкина; А. Радищева; К. Ѳ. Рылѣева; гр. Н. П. Румянцова; библіографа Сопикова: С. С. Уварова; А. С. Хомякова; Т. Г. Шевченко; С. П. Шевырева; Н. М. Языкова и др.

Въ составленіи и изданіи „Русской Старины“ принимаетъ постоянное участіе **М. И. Семевскій.**

Отвѣтств. ред.-изд. **В. Семевскій.**